

ЛЮБОВЬ И БОЛЬ

Стеффи Ли

Он был моей мечтой. Самой яркой звездой, затмевающей все вокруг. Даже в самом дерзком сне я не могла бы вообразить, что однажды мы встретимся. Но мы встретились, и на миг я ощутила себя самым счастливым человеком на планете. Пока однажды он не разбил мое сердце на маленькие острые осколки.

Она была другой. Чистой, наивной и до одури соблазнительной. Она была той, кого хотелось спрятать от всего мира и защищать. С ней я впервые почувствовал, будто за спиной вырастают крылья. Она стала для меня светом. Но именно этот свет болезненно ослепил и воткнул в спину нож, заставив упасть на самое дно боли.

Хлоя

— Ваша работа хороша, но... — мистер Мурдок морщится и пролистывает страницы моего отчетного проекта.

Мы сидим в душной аудитории, в которой закрыты все окна, а кондиционер сломался неделю назад, и его так и не починили.

На улице тридцатиградусная жара плавит улицы. На мне свободные голубые брюки из любимого лиоцеля и белая джинсовая куртка, застегнутая на все пуговицы. Потому что профессор Мурдок из тех, кто часто просит девушек в коротких юбках писать на доске повыше.

«Выше! Пишите выше! Еще выше!» — кричит он, а между тем его взгляд с нескрываемым удовольствием изучает бедра тянущихся кверху знаний студенток.

К счастью, предмет не профильный. И в следующем семестре я мужчину больше не увижу. Но от оценки, которую он поставит, зависит моя стипендия. По всем остальным дисциплинам получены оценки «отлично».

Мурдок единственный преподаватель, у кого мои работы вызывают вопросы.

«Это потому что ты не оголяешься и не улыбаешься ему. — учит лучшая подруга. — Он мерзкий, да. И голова всегда жутко грязная. Но чего тебе стоит разок прийти в топике? Разок. И все, готово.

— Кэлли Донован рассказывала, что с ней он даже руки распускал.

— Ну, я же не предлагаю: «Приди в топе и грудь ему на стол положи.» — улыбается наследница Тру Голд и по-доброму добавляет. — Хотя, у тебя не тот размер, там и не положишь.

— Они прекрасны, не смей их обижать. — борясь со смехом, закрываю ладонями грудь.»

— Вам не жарко? — спрашивает профессор, сально улыбаясь. — Может, расстегнете куртку?

«Да расстегни ты пару пуговиц, Хлоя Райт. — звучит в голове воображаемый голос подруги.»

Но я не могу.

Меня воротит от одной мысли, что весь мой труд и ночи, проведенные в библиотеке, ничего не значат, если этот имбецил не увидит участок оголенной кожи.

Либо оценивай меня за имеющиеся знания, либо — никак.

Ничего страшного, если снизит балл. Совру бабушке, что стипендию получила полностью. Тем более, мисс Лоринг, кажется, догадывается об увлечениях Мурдока.

В прошлую среду она позвала меня в свой кабинет. Пыталась выудить, как так получается, что везде мои работы зарабатывают восторженные отзывы и «отлично», а Мурдок склонен ставить непонятный «средний балл».

Она поддержала и заверила не волноваться, несмотря на то, что так и не получила от меня вразумительного объяснения.

Лоринг задействовала свои связи и теперь, даже при отсутствии высшего балла по предмету Мурдока, мне нет необходимости оплачивать всю сумму за обучение. Надо только внести небольшую часть. За что я ей очень благодарна.

К тому же я присмотрела себе парочку мест для летней подработки. Если устроюсь, смогу поднакопить немного денег, не стеснив бабушку.

— Мне не жарко, спасибо. — попытки улыбнуться проваливаются.

Сколько ни стараюсь, а прикидываться милой, когда человек мне не нравится, не могу.

— Ладно. — недовольно хмурит нос. — Вот здесь у вас странные сравнения, словно какой-то школьник писал. А здесь...

— Профессор! — в аудиторию входит студентка, одетая по всем канонам Мурдока.

Короткое твидовое платье, еле закрывающее пятую точку. Тугой хвост и темные стрелки.

«Мне нужна хорошая оценка!» — откровенно вопит ее наряд.

— О, мисс Дрейк, — тон профессора меняется сразу же.

Моя работа закрывается и отодвигается в сторону.

— Проходите. — указывает рукой и досадливо хмурится, когда я попадаю в его поле зрения, напоминая, что и неинтересно одетая студентка тоже все еще находится в кабинете.

— А Вы идите, — отмахивается от меня, — Оценку свою получите в ректорате на следующей неделе. Во вторник заходите.

— Хорошо. — встаю и уступаю место улыбающейся особе.

Вот же гадство!

Еще и на следующей неделе таскаться сюда из-за этого борова.

Выхожу из аудитории и прохожу между шумными толпами учащихся. Они обсуждают свои планы на время летних каникул. Везунчики. Отстреляются в эту пятницу и могут с чистой совестью идти отдыхать.

Прохожу по студенческой лужайке и направляюсь к небольшому фонтану, где ждет моя белокурая мисс совершенство.

— Ну что? Мы идем сегодня пить, кутить и отмечать? — с азартом протягивая ко мне руки для объятия, спрашивает подруга.

Наблюдает за ответной реакцией, проходится взглядом по ряду застегнутых пуговиц куртки и недовольно щурится:

— Вот даже одну не могла расстегнуть? А если бы ты тепловой удар в его кабинете получила? Что мне только с тобой делать, Хлоя Райт?!

Когда она злится, всегда вспоминает мое полное имя.

— Обнять, — не дожидаясь ответа, кидаюсь ей на шею.

— Знаешь, как заставить меня расчувствоваться, маленькая засранка.

— У нас разница в несколько месяцев.

— А по ощущениям намного больше. — закатывает голубые глаза.

Трое высоких парней, что-то бурно обсуждая, подходят к нам. В центре, как и всегда — Том Филлинг. Красавец атлет с отсутствием стандартного набора мозгов. Но зато капитан футбольной команды, которого неделю назад моя подруга отбила у миловидной и молчаливой Тифани Спаркс.

На мои возмущения: «Зачем он ей?!» — мне, как недалекой, доходчиво предоставили объяснения во время макияжа глаз.

Лизи наносила тени, говоря:

— Терпеть не могу, когда хорошие девочки встречаются с придурками. Она повелась на гору бестолковых мышц. И, как и ты, не имеет никакого понятия о том, что он всего-то хочет ее немного потрахать, так как узнал, что она девственница. Получит свое и сразу бросит. Здесь я выступаю в роли защитника слабых, так как сама могу его поймать, как пожелаю. А потом и расстаться без пролитых слез. — проверяя ровно ли прокрасились оба глаза, она добавила еще немного светлых мазков на левое веко. — Ну, или Том немного порыдает в подушку.

Моя подруга — Лизи Стил, наследница Тру Голд. Одна из самых умных девушек, которых я когда-либо встречала в своей жизни. И этот ум проявляется не в отличных оценках, а в хитрости и расчете. Она может продумать, смоделировать и привести в действие целую цепочку событий, на первый взгляд совершенно не связанных между собой.

Уверена, я знаю далеко не о всех ее аферах. После каждого откровения я несколько дней хожу глубоко потрясенная и периодически задаю вопросы:

А как ты... Ах вот, значит, почему... И это ты...

Но никто, кажется, никогда не догадывается о ее способностях, потому что внешне она походит на спустившегося с небес ангела.

У нее от природы светлые волосы, которым Франк, ее личный стилист, каждый месяц «Придает вид побогаче» — именно так она сама говорит. Небесно-голубые глаза, обрамленные густыми ресницами. И идеальная кожа! Никаких прыщей. Ни единого покраснения. Она может тоннами поедать шоколад и оставаться совершенной. А стоит мне немного увлечься, как на следующий же день лицо покрывается красными пятнышками «привет подростковая скорбь».

— Куколка моя, мы увидимся на выходных?

Том заключает девушку в объятия, в то время как два его додика-телохранителя из футбольной команды остаются ждать в стороне.

— О, мой красавчик, — отвечает Лизи, подставляя свои губы для поцелуя. — Пока не знаю. Ты же помнишь, я говорила тебе, что ... — и поднявшись на цыпочки, она шепчет ему что-то на ухо.

Мы втроем с додиками наклоняемся к парочке, наклоня левые уши вперед. Осознаю себя причастной к компании этих громил и делаю шаг в сторону. Демонстрирую, что мне совершенно не интересно, о чем таком, чего я сама не знаю, шепчет лучшая подруга футболисту.

Додики придвигаются еще ближе — мол, тебе не интересно, твое дело, нам интересно.

— Аааа, точно, точно — поддакивает между тем Том и разочарованно кивает, когда лапша перестает литься ему в уши. — Но я так долго не смогу.

— И я! — страдальчески произносит голубоглазая. — Но мы что-нибудь обязательно придумаем.

— Том, — окликает его один из парней по имени Билли. — Смотри, Джордж Шептон идет.

Джордж является капитаном конкурирующей команды. И он ломает стереотипы. Нет, нет, не внешние. Внешне он в топе красавчиков со своим метр девяносто, черными угольными волосами и карими глазами, которые вне поля игры всегда находятся под стеклами прямоугольных очков. Шаблоны он ломает тем, что хорошо воспитан, учтив, серьезен и получает оценки выше среднего.

— Эй, Джордж, — хмыкает в его сторону Том, — Готов к игре на следующей неделе?

Джордж, который сегодня одет в темные джинсы и серо-синее поло, на минуту останавливается с тремя толстыми учебниками в руках. Оценивающе смотрит на Тома и девушку в его объятиях. И слегка хмурится.

Моя подруга барабанит пальцами свою зеленую юбку.

— Да. — коротко отвечает юноша и поворачивается на меня. — Привет, Хлоя!

— Привет, Джордж.

Улыбается и идет дальше.

— Как же он бесит! — сплевывает Том.

Его мальчики мгновенно следуют его примеру. Массовый акт выброса слюны, показывающий единство рода. Рода ограниченно-головых.

— Нам пора! Есть срочные дела! — подруга чмокает футболиста, стреляет глазками в его охрану, хватая меня за руку и тащит от них прочь.

— Что у нас за дела? — ехидничаю я, доставая бутылку воды из сумки. — Побег от твоего нового парня?

— Побег. — честно признается. — И хочу побыстрее свалить отсюда. Ну что, едем к тебе за вещами?

Мы доходим до белого audi q7 и загружаем себя внутрь.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Этот вопрос ты задаешь уже раз тридцать! — надевая солнечные очки Celine, негодует Лизи. — Что плохого в том, чтобы пожить немного у меня? Я тебе даже комнату отдельную выделила. Папа уедет, если ты его стесняешься. Хотя, чего там, он же отлично к тебе относится! Даже был готов оплатить твою учебу.

— Не надо мне ничего оплачивать, — испуганно произношу, пристегивая ремень безопасности.

— Ну, он же не сексуальное рабство предлагал, — усмехается подруга, трогаясь с места. — К сожалению, он относится к тебе, как к дочери, а-то я бы уладила.

— Уладила?

— Меня вариант мачехи в твоём лице вполне бы устроил. Но ты не слушаешь мои советы и ходишь к нам в этих своих пуританских нарядах. Нет бы покрутила своей задницей перед папой.

— Извини, доченька, — показываю ей язык. — У меня другие планы.

— У меня тоже, — усмехается подруга, выезжая на фривей. — Но ты же знаешь, мое призвание в этом мире — купидонство. Я родилась, чтобы сводить людей и делать их счастливыми.

— Открой свое агентство. — улыбаюсь я.

— А я думала об этом. — звучит вполне серьезный ответ, и машина перестраивается в правый ряд.

Райан

— Снято! Всем спасибо! Отлично поработали!

После этих слов участники съёмочного процесса радостно аплодируют друг другу.

Я тактично поздравляю юную Мирабеллу с первым днём на площадке. Отрицательно качаю головой Эрику, который несколько дней преследует мысль затащить меня в бар. И, тепло попрощавшись с командой, иду к своему трейлеру.

Очередной сезон «Калифорнийской Мечты» подошел к концу.

Надеюсь, рейтинги второй части окажутся такими же высокими, какие были у первой.

Это уже третий успешный проект, в котором я участвовал.

Хелен — мой агент — считает, что давно пора оставить глупые мальчишеские мечты о большом кино и посмотреть серьезно на сериальный мир, способный, при правильном выборе ролей, подарить ничуть не меньше денег и поклонников.

Ну, а мнение академии она просит засунуть себе поглубже в задницу. Откровенно подмечая: «Они отымеют тебя без предварительных ласк, мой мальчик. Тебе не понравится. А ведь тебе почти тридцать.»

Лето в Лос-Анджелесе похоже на пекло. Стоит выйти из помещения на улицу, как попадаешь из прохлады кондиционеров в беспощадную жару. Схожие ощущения возникают при мысли, что только вчера тебе было не полных двадцать лет, а потом бац! И через месяц стукнет тридцать.

Тридцать, мать его...

Для Голливуда слегка староват. Тем более, если желаешь попасть из мыла¹ в полный метр. Но мальчишкой, еще в семь лет, стоя с игрушкой в руках перед зеркалом, я часто репетировал речь, представляя, как получаю Оскар за лучшую мужскую роль. Этот упрямый паренек все еще живет во мне и никак не хочет сдаться. Хоть и повидал прилично дерьма за время своей карьеры.

Трейлер возвращает потерянную прохладу. Открываю мини холодильник. Достая стеклянную бутылку колы, откручиваю крышку и с наслаждением вливаю содержимое себе в рот. Вытаскиваю телефон из заднего кармана брюк, устраиваюсь в серовато-желтом кресле и быстро проверяю почту.

Ответа, которого я жду, нет.

В мессенджере висит письмо от Хелен с поздравлениями по поводу окончания сезона. Она назначает мне встречу в ресторане Сан Антуан через две недели. Ее выработанная годами традиция. Мой агент всегда видится со своими подопечными только через две недели после крупного проекта. И в тот же день подписывает контракт на следующую картину.

В данном случае — это третий сезон «Калифорнийской мечты». Его съёмки начнутся через три месяца. А значит, я смогу устроить себе долгие выходные. И походить на кастинги.

Хелен будет недовольно кривиться, но угрожать расторжением договора, как в первом сезоне «Друзей Джилл», не станет.

Еще пара писем, не требующих внимания, и откровенная открытка от Зоуи. Она клянется, что не может уйти сегодня с читки роли, чтобы отпраздновать со мной окончание съёмки. Но, как очень хорошая девочка, уверяет непременно всё исправить при встрече.

Старательно и прилежно.

Несколько сообщений с поздравлениями от мамы, с кучей сердечек. О том, какая блестящая звезда ее сыночек.

«Не сомневаюсь, что и весь следующий год ты будешь в рейтинге лучших, мой талантливый красавчик! ♥♥♥»

Впрочем, после этого идет просьба подъехать к ней завтра на виллу и побывать на закрытой вечеринке.

Мама...

Организовываешь тусовки со своими великовозрастными подругами, а меня просишь на них присутствовать ради своего откровенного хвастовства.

«Пусть завидуют и пускают на тебя слюну.» — в пьяно-откровенные моменты признается она. Тогда как в трезвом состоянии называет вещи совсем другими именами.

Усмехнувшись, кидаю телефон на круглый столик и снимаю футболку. Следует освежиться до отъезда. Стягиваю брюки вместе с трусами и направляюсь в душ. Все же я буду скучать по своему комфортному трейлеру, с которым нам есть, что вспомнить.

Мысли об Эмилии, встающей на колени, всплывают в голове, и стояк не заставляет себя ждать.

Не стоит...

Она осталась в прошлом и сейчас крутится перед своим уже законным мужем Ларри Гарном.

«Ты хороший, — шептала она мне. — Но нам не нужно себя связывать обязательствами, мы же в самом начале своего пути, понимаешь? Не будем торопиться.»

А Ларри успел к тому времени снять два фильма, и оба неплохо подняли кассу. Связывать себя с ним для удачного движения карьеры вверх было тактически верным решением.

Это понятно, я ее не виню.

Но поступил бы так же я?

Нет.

Буря между ног успокаивается. Выключив воду, насухо вытираюсь полотенцем и, обмотав его вокруг бедер, снова подхожу к холодильнику.

Никогда не ем в процессе съемок. Просто не могу. И удивляюсь, как коллеги во время перерывов набрасываются на еду.

Для меня всегда важно от начала и до конца оставаться в образе. Не имеет значения играю я небольшой эпизод или мне отдана главная роль.

«Ты рабочая лошадка! — довольно усмехается Хелен. — И это очень хорошо. Не пытаешься выехать, надеясь только на свою красивую мордашку. Любишь вкалывать. Сможешь далеко пойти. Не как эти, молодые... Сыграют одну маленькую сценку и начинают пальцы гнуть!»

— Ты сама подписала с ним контракт, — улыбался я, попивая минералку.

— Не беси. — клешня краба, которую она уверенно держала с помощью щипцов, пока мы сидели в ресторане Турави, разломалась на две половины.»

Мой желудок обычно сообщает о голоде где-то через час после окончания съемок. Вроде оставалась вчерашняя китайская еда. Заглядываю в холодильник, как раздается стук в дверь трейлера.

Если снова приперся Эрик...

Но это оказывается не он.

На пороге стоит Мирабелла. Она успела переодеться в легкое желтое платье, еле прикрывающее молодую, но уже удачно доработанную хирургами, грудь. Немного влажные волосы говорят о недавнем душе, а запах алкоголя свидетельствует о паре бокалов шампанского, которые она себе позволила вместе со съёмочной группой.

«Хоть сделай вид, что ты тоже пьешь. — шипела на меня Хелен в самом начале нашего знакомства.

Мы тогда отмечали окончание работы над пилотным эпизодом. И она первый и единственный раз приехала меня поддержать.

— Но я же не пью.

— Так ты актер, сделай вид.

— Но я же сейчас не играю. — широко улыбаясь, я взял в руки бутылку минералки.»

В провокационно коротком платье Мирабелла смотрит на меня снизу-вверх и по одному взгляду я понимаю, зачем она пришла. Ей вроде совсем недавно исполнилось двадцать три. Она успела сняться в молодежном хоррор сериале «Вспышки» и ещё парочке рекламных роликов.

Пару недель назад наш продюсер Майк шел на итоговый просмотр каста для роли Дэйни. Новая героиня должна была появиться в последней серии сезона, заставить зрителя ахнуть от неожиданности и полноценно вступить в фильм только в следующей части. И, кажется, мое мнение в тот день помогло этой девушке получить роль.

Я не преследовал никаких целей, наблюдая за пробами. Только отметил, что Мирабелла вжилась в образ лучше остальных трех кандидаток. Собственно, когда Майк повернулся ко мне с вопросом «что я думаю», именно это я и озвучил

И сегодня, к счастью, выбранная актриса доказала, что я оказался прав. А продюсер решил просветить всех на площадке, какой мы сделали правильный выбор, благодаря моему зоркому взгляду.

Она кусает губу и смотрит на мой оголенный торс. Призывно и хищно. Отлично исполняя в фильмах роли невинных девушек, Мирабелла тут же сбрасывает с себя эту маску в реальности. Стоит лишь однажды посмотреть ей в глаза дольше чем на минуту, чтобы убедиться — она знает, как и чего хочет.

В начале своей карьеры я вёл себя, как дурак. Устраивал девушкам вместо прелюдии викторины из вопросов:

«Ты действительно этого хочешь?»

«Уверена?»

«Понимаешь, я и моя роль в сериале, это разные люди...?»

В ответ получал лишь недоумение и скучающее ожидание. Поэтому, к чему ненужные разговоры? Они знали и понимали всё намного лучше меня.

— Входи, — широко открываю дверь, пропуская актрису внутрь.

Зайдя, она заинтересовано смотрит по сторонам. Округляет зеленые глаза и приоткрывает пухлые чувственные губки.

— Ты сегодня молодец. Отлично сыграла. Присаживайся, — киваю в сторону дивана, а сам двигаюсь к холодильнику. — Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

Девушка стоит напротив и немного растерянно переминается с ноги на ногу.

Интересно, играет или нет?

Достаю бутылку воды. Прохожу к креслу и сажусь. Неспешно открываю крышку и делаю пару глотков. Широко расставляю ноги. Мирабелла вдруг резко преображается. Потеряв всякий стыд, с интересом скользит по мне глазами.

Семь дней в неделю у меня по расписанию — зал. И ни одного пропуска в течение пяти лет.

— Хотела тебя отблагодарить... — облизнувшись, произносит она.

— Иди ко мне.

*

Я никогда не изменял Зоуи, пока она сама не сообщила мне «о возможных исключениях».

— Ты же согласен, что мы работаем в такой сфере, где иногда совсем... — она на миг запнулась. Мы лежали с ней на кровати после секса. — Не обойтись без постели. Ну никак...

Её белокурые кудри лежали у меня на груди.

Я слышал стук ее сердца. И нет, я не был с ней согласен.

И никогда не разделял этих взглядов. Но знал, что у нее намечаются пробы к Саймсу Макфри. А тот проверял актрис на профпригодность разными методами. Ведь какая разница, если девушки не против, а награды облепляют каждый новый фильм, как пчелы уникальный цветок.

— Согласен. — сказал я.

Зоуи была не самой лучшей актрисой. Это доказывалось ее вздохом облегчения. Именно поэтому ей были необходимы все возможные способы.

— Тогда мы будем закрывать глаза на маленькие шажки налево? — улыбнулась она мне. — Как на карьерные издержки, хорошо?

— Отличная идея, дорогая. — чмокнул ее в лоб.

Каждый раз я испытывал стыд перед Зоуи, когда во время нашего с ней секса перед глазами всплывал образ Эмилии. А предложение о карьерных издержках помогало сбросить с себя гнетущее чувство вины. Да и на что я рассчитывал, начав отношения только ради того, чтобы забыть испанку? А потом встречи как-то сами собой вошли в привычку.

*

Мирабелла сидит на полу передо мной и молча ожидает продолжения. Обнаженная грудь поднимается и опускается. Ее желание еще не выплеснуло себя наружу, как мое.

Беру девушку за руку и, притянув, сажаю на колени спиной к себе. Убираю с одного плеча волосы и начинаю нежно покусывать загорелую кожу.

— Хотела тебя еще со старшей школы. — произносит она с придыханием.

Интересно, врет?

— Мастурбировала, думая обо мне?

— Да, — отвечает без тени смущения, а затем вскрикивает. — Ой, — и начинает нервно поднимать лямки платья. — Кажется, сюда идут.

— Не волнуйся, дверь закрыта.

Шторки опущены, но через небольшой проем я вижу вышагивающего в нашу сторону Эрика.

Все же приперся...

Мирабелла спешно встает, поправляет свой наряд и протягивает мне валяющееся на

спинке стула полотенце. Благодарю и кидаю его в сторону. Достая из шкафа джинсы, быстро натягиваю, а следом надеваю серую футболку.

— Ты же трахнешь меня в другой раз? — со странной неуверенностью в голосе спрашивает она.

Так...

Я рассчитывал, что мы оба понимаем всю несерьезность и одноразовость происходящего.

— Эмм... — тяну я, а фигура Эрика уже маячит рядом с трейлером.

— Это просто секс, — широко улыбаясь, успокаивает меня актриса. — Ничего больше, я все понимаю.

Возвращаю ей улыбку и успеваю вовремя открыть дверь.

Мирабелла вылетает из нее, словно бабочка. Лепечет слова благодарности за удачную совместную работу. Невинными глазами кивает в сторону Эрика, после чего убегает прочь. Но мой коллега старше меня на пять лет и намного опытнее.

— И как? — прищурившись спрашивает он.

— Что как? — усмехаюсь.

— Ты же трахал ее сейчас, а не метод Станиславского описывал?

— Может, трахал ее по методу? — впускаю его внутрь.

— Ну и отлично. Тогда пойдем сегодня в бар. Тебе не надо никого трахать, улыбайся и завлекай, а я сам все сделаю.

— Да ты и без меня справишься.

— Без тебя скучно, да и рыбка мельче попадается. А ты вон Мирабеллу шпилил, которую, говорят, Майк на днях хотел на коленки поставить, но та так отыграла невинное недоумение, что рисковать не стал.

— Да ладно?

— Ну да. Ты же знаешь, сейчас прям мода пошла с судами. Думаю, не захотел рисковать.

Мой телефон на столе начинает вибрировать. Новое сообщение приходит от сестры. Она не скупится на слова.

«Братик ♥ ты забыл обо мне? Поздравляю с окончанием съемок! Й-ю-ху! Сколько женских сердец пострадало? Верю в твою сознательность, которая приведет тебя на три месяца к нам. Папа тоже будет рад. Он просил тебе написать поздравления! Ты же знаешь, он занят и вечно в делах.

Приезжааааай! Ну, пожалуйста! Пожааааалуйста!

Тебе от твоего Беверли — Хилза до Саннивейла ехать всего 561.21 km! Совесть имей, а не только женщин! Я тебя так тоналкой замаскирую, что никто не узнает! Не верь примерам, я лучшая! Сможешь насладиться уединением и обществом прекрасной сестры.

Твоих назойливых фанаток обещаю денно и ночью отстреливать!

ХО — ХО.

Жду! Жду! Жду!

P.S. Папа завтра уезжает на четыре месяца в Сан-Франциско — это я к слову уточняю.

Твоя коварная Элизабет.»

— Тебе сценарий на телефон прислали? — спрашивает Эрик.

— Ага, — киваю. — Что-то вроде того, поэтому обдумаю и, может, поеду паковать чемодан.

— Вылетаешь в другой город?

— Да. Еду в Саннивейл, — улыбаюсь я.

Хлюя

— Ба, мы пришли! — кричу, как только мы входим с Лизи в наш с бабушкой небольшой и порядком обветшавший дом, который гордо возвышается между новенькими особняками богатых соседей.

Мы переехали сюда, когда мамы с папой не стало. Тогда я училась в средней школе. Бабушка заменила мне обоих родителей, и всегда старалась сделать все от нее зависящее, чтобы я не чувствовала себя хуже других детей.

В свое время она была известной детской писательницей. Сейчас же ба редактирует тексты книг молодых авторов. Это не приносит баснословных денег, но нам двоим вполне хватает на жизнь.

И бабушка поддерживает мои писательские начинания. Именно благодаря ее с Лизи участию, в студенческом театральном кружке уже несколько месяцев проходят репетиции моей пьесы.

Ну, как моей... История состоит из нескольких сюжетных линий, взятых из известных всем классических произведений и переделанных на новый лад.

Я начала работать над ней еще в старшей школе. А полгода назад как-то утром забыла свою папку на кухонном столе.

Мне нравится писать и сохранять мысли на бумаге. И только потом перепечатывать их на компьютер, который, кстати сказать, давно пора менять. К сожалению, тот, о котором я мечтаю, стоит очень дорого. Намного больше того, что я могу себе позволить. При Лизи я никогда об этом не упоминаю. Зная ее характер, легко догадаться — она мне его сразу же купит.

И да, несомненно, чертовски приятно иметь такого друга, но не все должно доставаться легко. Поэтому о моей зрительной любви с белым тас ай знает только консультант в торговом центре, где я практикую гипноз ноутбука. Вдруг однажды удастся сделать так, что он сам пойдет за мной.

Тем же вечером я обнаружила свою папку, дополненную заметками ба, на котором красовалась записка:

«Огонь! Вечером обсудим».

— Получается, ты у меня не только стихи пишешь? — говорила она позднее, разливая чай по фарфоровым кружкам. — Почему раньше мне не показывала?

— Хотела хорошенько отшлифовать. Ты же сама учила, жемчуг нуждается в полировке.

— И какая это по счету полировка? — усмехалась ба.

Лизи не могла об этом не узнать. И после кучи ругани в мой адрес, подчеркивающей вопиюще-бестактное утаение информации от лучшей подруги, я, наконец, получила от нее взрывную дозу поддержки. Таковую колоссальную, что ощутила себя чуть ли не вторым Шекспиром.

Конечно, понимаю — вера в нас наших близких не всегда может быть объективной. Но ведь иногда это и не важно. Она в любом случае ценнее всего остального. И именно она дарит силу и помогает вырастить крыльям за спиной.

Через две недели после того памятного вечера к нам на почту пришло письмо из драм кружка. В нем сообщалось, что пьеса рассмотрена и одобрена.

Настало мое время отчитывать ба с Лиззи. Пока я расхаживала на кухне из угла в угол, они сидели за столом с опущенными в виноватой позе головами. Разыгрывали сцену покаяния и делали это ужасно плохо, ужасно.

— Как вы могли отправить пьесу за моей спиной? — негодовала я.

— Это все я! — в голос отвечали обе, самоотверженно прикрывая друг друга.

Моего гнева хватило почти на час.

В отличие от Лизи, способной вычеркивать человека из жизни на более продолжительные сроки, я так не умею. Вспыхиваю намного легче, чем она, но и успокаиваюсь гораздо быстрее. Мне даже не нравится эта черта. Что за тряпка, которая тут же улыбается?

Но ба учит ценить каждую минуту жизни и не тратить ее на ссоры и ругань с близкими.

«Наслаждайся каждой секундой» — часто говорит она мне.

Поэтому через полтора часа мы втроем уплетали бабулин тыквенный пирог и обсуждали, как однажды я стану второй Джоан Роулинг.

— Вообще-то я бы хотела снимать кино, — смущенно добавила я.

Лизи тогда поперхнулась, и я бы почти обиделась, если бы она искренне не воскликнула:

— Я тоже об этом подумала! Только об актерстве. Помнишь, как ты классно играла старуху и ту злую ведьму. У меня аж дух тогда перехватило! А еще больную на голову в той странной школьной постановке и смешную богачку.

— Моя внучка станет звездой, — заговорщически подмигнула моя родственница.

— Почему, кстати, ты никогда не пробуешь получить главные роли?

— Тоже самое ей говорю. — согласно закивала бабушка и положила нам еще по одному кусочку ароматного пирога. — Это бы помогло Хлое перебороть стеснение. Она же преобразается на сцене.

— Да! Миссис Райт, вы тоже были в шоке? Первый раз я поверить не могла, что это моя Хлоя-моня, когда она смеялась в роли ведьмы. Честное слово, у меня по спине бегали мурашки.

— Да ладно тебе, — отмахнулась я, ощущая, как смущаюсь. — Мне нравятся небольшие и необычные роли. В них можно стать совсем другим человеком на короткий срок. А главные роли я вряд ли потяну, не так талантлива.

— Вот посмотрите, она даже при нас покраснела! — тыкнула в меня пальцем подруга. — Что за человек?! И почему так не уверена в себе?!

*

— Ну что, этот му***. Ой, то есть, профессор Мурдок, поставил тебе отлично? — раздается из кухни бабушкин голос, вырывая меня из воспоминаний.

Лизи прыскает и начинает хохотать.

— Обожаю ее, — шепчет она, а затем громко кричит. — Этот му***, ой, то есть, Мурдок, сказал приехать еще раз во вторник.

— Вот же му***! — смачно заканчивает ба. — И на это раз я точно не ошиблась.

Заваливаемся на кухню как раз к тому моменту, когда глава моей семьи вытаскивает из духовки лазанью. Она заблаговременно приготовила стол к нашему приходу. Нарезала два салата, сыр, немного салями и выложила в маленькую тарелочку мои любимые маслины.

Желудок сообщает, что находится в приятном предвкушении.

— Вначале мыть руки! — командует ба, видя наши приготовившиеся накинуться на еду, лица. — Марш!

Идем с Лизи в ванную комнату и по традиции моем руки, напевая очередную любимую песню. Не забывая кривляться и изображать в зеркале эстрадных див.

Эта странная привычка сохранилась еще со школы. Нас никогда не смущало, где именно находится умывальник и какие люди ходят вокруг. Мы даже умудрились получить прозвище — «фальшь-радио». Вслух возмущались, но втайне гордились.

— Опять поете? — кричит ба, когда подруга передает целую гамму эмоций на особенно надрывном моменте. Проводит по поверхности зеркала рукой в трагичном жесте, прощаясь с виртуальной первой любовью.

Раздается звонок в дверь, и я слышу бабушкины шаги в коридоре.

— Хлоя, — кричит она через минуту, — К тебе пришли.

Лизи поворачивается на меня с поднятой вверх левой бровью. Очень эффектно. У меня так в жизни не получится, сколько бы я тайно не практиковалась. Озадаченно кручу головой. Понятия не имею, кто это может быть. Выхожу из ванной, и навстречу мне идет бабушка.

— Он отказался зайти. — спокойно говорит она. — Поговори с ним. Или прогони. Как сама захочешь.

А потом под благовидным предлогом уводит на кухню Лизи, вышедшую вслед за мной.

Руки холодеют и в горле пересыхает от возникшего предчувствия. Нет, я не забыла, что сегодня за день. Но постаралась еще с утра не придавать этому никакого значения.

За дверью стоит Брендон Холл, мой лучший друг. То есть тот, кто был им раньше. В руке держит большой букет белых роз.

— Привет, Хлоя, — широко улыбается он. — Это тебе.

Чувствуется, что немного нервничает, но старается не показывать.

В школе он был одним из тех красавчиков, за кем охотилась толпа одноклассниц. Только Лизи он никогда не нравился, и подруга всегда открыто выказывала неприязнь. Отчего приходилось общаться с каждым из них по отдельности.

Когда нам было по семнадцать лет, его родители решили переехать в другой город. У нас тогда состоялись прощальные посиделки. Ровно три года назад. После них мы не общались. Он зачем-то иногда приезжает, привозит какие-нибудь шоколадки или цветы, как сейчас, спрашивает, как у меня дела, и уезжает.

— Привет, Брендон. — отвечаю и беру букет, который пошел бы в помойку, если бы не

бабушка.

— Ты хорошеешь с каждым годом. — говорит он, делая шаг навстречу, и я машинально отступаю назад, стараясь не встречаться с ним глазами. — Мне не хватает нашего общения. — кожей ощущаю, как пристально смотрит, но упираюсь взглядом в цветы.

Наступает минута тишины.

— Мне не хватает тебя, Хлоя. — предпринимает еще одну попытку подойти и негромко проговаривает. — Давай просто забудем.

В этот раз он намного красноречивее, чем во все прошлые.

Но порой забыть не так легко, как бы нам самим того не хотелось.

— Ты сердишься на меня из-за отъезда? — спрашивает Брендон, и мне резко становится душно. Будто весь воздух вытащили из легких. И я разучилась дышать.

— Нет. — отвечаю, стараясь держать себя в руках — Спасибо, что приехал. Но не стоило. У меня назначена встреча, — отчаянно вру, желая только одного — уйти. — Мне надо идти. Всего доброго, Брендон.

И прежде чем он успеет сказать что-то еще, быстро разворачиваюсь, иду к двери и захожу внутрь. Сердце бешено бьётся.

Когда я появляюсь на пороге кухни, то ловлю на себе озабоченный взгляд бабушки. Внутри меня все еще трясет и колотит, как и после каждой подобной встречи. Хочется забраться под душ и натирать себя мочалкой, пока не слезет кожа. Но я широко улыбаюсь, надевая на себя роль счастливой Хлои Райт. Все же маленькие и сложные роли — самые захватывающе интересные.

— Этот Брендон Холл всегда был от тебя без ума, — отправляя в рот нехилый кусок лазаньи, говорит подруга. — Ты одна этого не осознавала и не хотела замечать.

— Да уж. — весело отвечаю и сажусь на стул рядом с ней.

— Ох, божечки! — раздаются за спиной восклицания двух женщин, пока я стою возле кассы с минеральной водой в руке. — Это же Райан Лив!

Опускаю кепку пониже, но сонная кассирша решает все же более внимательно ко мне присмотреться. С приходом понимания расплывается в улыбке.

Достаю платиновую карту из бумажника и молча расплачиваюсь, стараясь не обращать внимания на сотни поз, которые успевают принять девушка.

— Хорошего вам дня! — уже без следов сна говорит она мне.

— И вам! — отвечаю, но пройти спокойно до машины не успеваю.

Распознавшие меня женщины окружают с двух сторон. Не оставляют шансов для бегства. Скорее всего дружат давно, и у них запатентована выработанная годами технология ловли звезд.

Смирившись с неизбежным, фотографируюсь поочередно с каждой из них.

— Мы Вас обожаем! — кокетничает одетая в зеленую кофточку в мелкий горох. — Моя дочь повеситься, когда я покажу ей снимки.

— Может, тогда не стоит показывать? — иронично спрашиваю я, но тут вторая, со жгучими волосами и испанскими корнями, серьезно добавляет:

— Моей маме сегодня исполняется семьдесят пять лет. Она вашего героя постоянно ставит в пример своим внукам. Думаю, даже любит вас больше, чем их.

— А почему же вы здесь в день ее рождения?

— Выехали за фруктами и тортом. Приехали специально в этот магазин, так как у них есть эксклюзивный отдел с тортами от Feel Dream. — виновато отвечает первая, но в их руках нет ни торта, ни фруктов.

— София вас увидела, мы потеряли головы и выбежали вслед за вами. — честно признается испанка с прямым и открытым взглядом.

— Тогда пойдемте внутрь выбирать торт. — говорю я в два удивленных лица и поворачиваю обратно к магазину.

Женщины обескураженно переглядываются, но без сопротивления следуют за мной.

— Только одно условие. — оборачиваюсь к дамам. — Вы должны защищать меня от поклонниц.

И пока первая, похожая на изрядно постаревшую Софи Тернер¹, осмысливает мои слова, испанка с пылом произносит:

— Ни одна не подойдет! — и по яростному хлопку, который получает ее сумка, понимаю, что это не пустые обещания.

Возможно, стоит задуматься над предложением Хелен и нанять телохранителя. Эту испанку точно бы взял без рекомендательного письма.

Когда мы входим в магазин, кассирша, улыбаясь, привстает с места, но охрана сзади даже зрительно работает на ура, поэтому девушка немедленно садится обратно.

В отделе Feel Dream нас встречает довольно скудный выбор. Консультант заверяет, что ассортимент гораздо обширнее, но с утра скупили большую часть продукции.

Так, если ничего не путаю, рядом есть одна приличная кондитерская.

— Есть ли у вас какие-то особые предпочтения? Аллергия, непереносимость ингредиентов?

— Нет, — качает головой испанка. — Мы всеядные. Бабушка любит ананасы, а дочь заверяла, что здесь эксклюзивные пироги.

— Люксовые торты. — тихо поправляет Софи. — И поперлись мы зачем-то в такую даль.

— С ананасом, наверное, имеется в виду Soul N. — вклинивается улыбчивый консультант. — Но он закончился. Могу предложить другой.

— Не стоит, спасибо.

Предлагаю своим компаньонкам выбрать фрукты, а в части торта положиться на меня. Они моментально соглашаются, и мы движемся в отдел, где красиво разложены все возможные на планете плоды. Мои дамы, которых зовут Беатрис и Маргарет, нерешительно набирают пару апельсинов, пока я добываю себе больше информации и узнаю, откуда они приехали.

Район мне озвучивается не близкий. И не самый фешенебельный. Значит, они действительно проделали весь путь ради одного единственно торта, и, как вижу, не ожидали, что цены на фрукты здесь окажутся в разы выше.

— Во сколько торжество? — задаю ещё один важный вопрос. — Вам надо к нему готовиться?

— В пять, — хлопает глазами та, что оказалась Маргарет, а не Софи.

— Нет, моя дочь с моими сёстрами и племянницами обо всём позаботятся. С нас торт и фрукты. Но фрукты мы и у себя можем купить.

— Ладно. Тогда давайте немного прокатимся. — говорю и направляюсь обратно к выходу.

Здесь единственный раз, когда у испанки возникают сомнения относительно моего предложения сесть в машину.

— Мистр Лив, удобно ли... — неуверенно начинает она.

А правда, что я сейчас делаю?

Моя сестра называет это #вспышками_ангела_в_сути_демона. У нее даже имеется отдельный хештег.

Захотел порадовать 85-летнюю бабушку своей персоной?

А оно им надо, мое общество?

— Вы правы. Извините мою настырность. Глупо вышло. Навязываюсь на ваше мероприятие, — собираюсь попрощаться и уехать, но Маргарет неожиданно толкает подругу в бок. Открывает дверь машины, сдвигает переднее сидение bmw 8 и, продвигаясь на заднее сидение, с уверенностью произносит:

— Мы поедем с вами, куда скажете! А на торжестве вы будете самым почетным гостем!

— Конечно! — подхватывает бойкая Беатрис и усаживается рядом с подругой. — Мы просто боялись даже пробовать вас пригласить! А-то я бы пригласительное отправила вам раньше, чем своей родне. Да какой отправила, сама бы пешком дошла и отдала лично вам в руки. Если бы адрес ваш знала. — и успокоившись, добавляет. — После всего сказанного мы не выйдем из вашей машины, мистер Лив. Извините. Но вам следует поехать с нами. — искренне заверяет испанка, крепко держась за сумку.

Интересно, отлупит меня, если откажусь?

— Пристегнитесь, — улыбаюсь женщинам.

Сажусь в машину, достаю сотовый и, найдя нужный контакт, жму кнопку вызова.

На второй звонок приходит ответ:

— Мистер Лив!

— Стивен, привет! Ты сегодня на месте?

— Да сэр! Вам как обычно? Клубничных конфет для мисс Томпсон?

— Нет. Скажи, у тебя есть торты с ананасом.

— С ананасом есть свадебные варианты... — неуверенно тянет тот.

— Свадебные? Они идут с каким-то особым декором или надписью?

— Нет-нет, — заверяет меня голос. — Я в том смысле, что они большие, двух или трехэтажные.

— Много гостей планируется? — спрашиваю, поворачиваясь к своим дамам.

— Как обычно. — пожимает плечами Маргарита.

— Много. — уверенно кивает Беатрис.

— Стивен, подготовь, пожалуйста, трехэтажный торт с ананасами, я минут через пятнадцать подъеду.

— Хорошо! Ждем вас.

Отключаюсь и начинаю соображать.

Зачем я это затеял?

Если там будет полно народа, то они все непременно захотят фотографий, которые мигом окажутся в сети. А я хоть и мечтал стать знаменитым, но при этом никогда не желал публичности. Пресса до сих пор не нарыла материал про мою семью, а все потому, что я умею хорошо маскироваться и нравлюсь женам парочке акул, контролирующим информационные потоки.

В этом бизнесе довольно сложно. Один неверный шаг и тебя обольют грязью по самое горло. Пока что мне удавалось варьировать и избегать проблем. Но сейчас я собираюсь на юбилей, на котором будет слишком много людей.

— Мистер Лив, — тихо спрашивает Беатрис. — А сколько стоит этот трехэтажный торт?

— Не беспокойтесь об этом. Это за мой счет. Мой подарок для бабушки.

— Но...

— Только я, скорее всего, не смогу прийти. Я куплю торт и фрукты, довезу Вас до дома, а дальше вы сами, хорошо? И еще, хотел попросить не публиковать фотографии, которые мы с вами сделали, в сети. Договорились?

Дамы тихо шушукуются какое-то время, а затем Маргарет заявляет:

— Вы не хотите ехать, чтобы никто не докучал вам, верно? Про вас так и пишут — самая скрытная звезда Голливуда. И вы не хотите, чтобы какие-то фотографии попали в интернет?

— Не могу обещать, что никто не будет фотографироваться. Но клянусь детьми, ни одна фотография не попадет в сеть. — Беатрис ударяет кулаком по спинке, благо не моего сидения. — Это на мне! Иначе я им всем пальцы поотрываю.

— Мадонна... — шепчет ее подруга. — Поверьте, мистер Лив, ее все так бояться, что никто не посмеет ослушаться. Даже мой муж перестал пить только после ее угроз.

— Пожалуйста, поедemте, — умоляюще говорит испанка. — Моя мама с утра сказала, что я привезу ей звезду. Первый раз в жизни я подумала, что у нашей abuela² немного поехала крыша... Но сами видите, как интересно получается?

— У нее точно она никогда не поедет. — усмехается Маргарет.

1 Софи Тернер — Британская актриса. Наибольшую популярность и признание критиков ей принесла дебютная роль старшей дочери лорда Винтерфелла Эддарда Старка Сансы Старк в телесериале в жанре фэнтези «Игра престолов» от HBO.

2 abuela — с испанского "бабушка"

Доезжаем до небольшого кондитерского магазина с табличкой Chocolate Pleasure. Окруженный дамами с двух сторон, вхожу внутрь и натываюсь на удивленное лицо владельца Стивена. В прошлый раз он пытался шутить на тему «какие еще девушки, помимо Зоуи Томпсон, могли бы мне понравиться».

Сейчас он может предположить, что я решил ему показать свои вкусы воочию. И совершаю своего рода приватный каминг-аут.

Скромно нас приветствуя, кондитер переводит любопытный взгляд с одной взволнованно-радостной женщины на другую.

Поздоровавшись с ним, я вслух уточняю:

— Девушки, мы же все втроем хотим ананас?

Те радостно улыбаются в ответ и поддакивают:

— Да, ананас!

— Хотим ананас.

Стивена я знаю уже давно. Он не из числа тех, кто может исподтишка продать репортёрам информацию, понимая, что может получить из моего кармана намного больше денег, пока я остаюсь его преданным клиентом. Поэтому я не боюсь увидеть завтра на первых полосах заголовки о моем тройничке с дамами постарше и нашей с ними общей склонностью к свадебным ананасовым тортам.

— Сейчас вынесу ваш заказ, мистер Лив. — произносит хозяин магазина и удаляется.

У него есть еще два работника. Но Стивен предпочитает ставить их вместе в одну смену, а сам несколько раз в неделю открывает магазин в гордом одиночестве.

К счастью, сегодня именно такая единоличная смена.

Взяв торт из рук Стивена, я быстро расплачиваюсь, не позволяя своим попутчицам тайно взглянуть на стоимость торта. Хозяин кондитерской желает нам приятного вечера, и я чувствую сколько потаенного смысла он вкладывает в эти слова.

От души благодарю.

Возвращаемся обратно в машину. Девушки садятся на заднее сидение, негромко перешёптываясь:

— Станный какой-то малый, да, Беатрис?

— Да, ты тоже заметила? Бледный весь, и красными пятнами покрывался.

Торт я загружаю на переднее сидение рядом с собой, а затем прошу своих спутниц подождать меня несколько минут.

В паре шагов от кондитерского бутика Стивена открыт магазин органических продуктов. Закупаюсь несколькими пакетами фруктов, загружаю все в багажник, сажусь в машину и прошу продиктовать точный адрес.

Навигатор подсказывает, что ехать нам предстоит около часа. И в течение всего этого времени я ни разу не включаю радио, так как мои дамы рассказывают все подробности о своих семьях, в которых мои сериалы играют не последнюю роль.

Когда минут через пятьдесят мы доезжаем, Беатрис просит подождать в машине, чтобы всех предупредить о возможных увечьях, если кто-то проявит неуважение к моей просьбе о снимках. А чтобы я не повел себя неблагоразумно, оставляет со мной в машине Маргарет. Но я уже настолько устал и проголодался, что вряд ли уеду сам.

Ей требуется ровно пять минут, чтобы донести до родни всю информацию, поэтому только пара совсем отчаянных девушек отваживаются выглядывать в окна. Беатрис возвращается вместе с тремя молодыми ребятами, неуверенно рассматривающими меня. Женщина быстро приводит их в чувство парой фраз, велит взять пакеты, торт и идти на кухню.

Видя, что я не умчал вместе с Маргарет, радостно приглаживает густые волосы и приглашает нас пройти внутрь.

Дом порядком потрепан временем, но в нем очень чисто и ощущается уют.

Когда испанка говорила про большое количество родни, не врала. На целую съемочную площадку потянет. Уж не знаю, чего она им наговорила, но за весь вечер никто не подходит ко мне с телефоном и желанием сделать селфи.

— Она сказала, что проклянет их. — поясняет мне бабушка, когда мы уже садимся за столом. — И я ответила, что поддержу ее. — самодовольно усмехается именинница.

Это взрослая и поджарая женщина, в чьи объятия я попал почти сразу же, как только переступил порог дома.

— Мой почетный гость! — громко объявила она. — Будет сидеть от меня по левую руку!

Первый час или полтора ощущается неловкость. Все тайком поглядывают на меня и тихо перешептываются. Но стоит сесть за огромный стол, как я оказываюсь в кругу старых знакомых и время пролетает намного быстрее, чем я того ожидаю.

Беатрис рассказывает о своих сыновьях. Те смущенно улыбаются каждый раз, как мы поворачиваем к ним головы.

— У твоего старшего все руки в татуировках. — замечаю я. — Почему?

— Дурень он, поэтому.

Когда ужин заканчивается и гости встают со стола, бабушка ведет меня к своему креслу, которое стоит около журнального столика. По дороге она хватается за руку внучку, проходившую мимо нас. На вид девочке лет семнадцать, и она ощущает себя богиней совращения, бросая на меня томные взгляды.

— Глаза свои усмири и принеси мои карты. — строго командует женщина.

— Ты же больше не гадаешь. — удивленно говорит та в ответ.

— Неси.

Усадив меня рядом и взяв карты в руки, женщина улыбается.

— Знаю, знаю, ты в это не веришь. — и тут же шикает, отгоняя приближающихся к столу девушек. — Отходите.

— Мама, — Беатрис появляется рядом. — Чего ты вдруг?

— Ты лучше иди и налей мне еще вина. — строго говорит она, и когда ее дочь отходит, именинница мешает карты и попросит мысленно загадать интересующий меня вопрос, а затем снять колоду.

— Так, так, посмотрим. Судьба твоя рядом с тобою ходит. Так близко, что не пойму, встретил ее или вот-вот должен найти. Хочешь, чтобы только с дерева яблоко было... Ан нет, оно подпорчено уже...

— Мама, что ты такое говоришь? — стараясь улыбаться, Беатрис Гарсиа ставит на стол бокал красного вина.

— Говорю, что вижу. Не мешай. — бабушка достает еще две карты. — Три женщины вокруг тебя. Ту, что небом предначертана обидишь. Ох, сильно обидишь — она бросает

недовольный взгляд на карты, а затем и на меня. Сейчас герой ее сериалов приносит ей разочарование.

Одна за другой появляются еще три карты.

— Ох! Тебя ждет испытание и нелегкий выбор. Если сможешь верно поступить и все исправить, тогда судьба исполнит твое желание. А не сможешь, проживешь вполне сносную жизнь, да не с ней...

— Вы все сделаете правильно! — заверяет рядом Беатрис.

— Не верю я, что кто-то один нам послан судьбой. — говорю я и с улыбкой на губах спрашиваю. — А красивая она, там, — указываю взглядом на карты, — Не видно какая?

— А чего спрашиваешь, если не веришь? — хитро улыбается бабушка. — Не веришь, а я говорю, что судьба тебе очень сильное чувство посылает. Много страсти вижу. И боли. И настоящей любви. — прищуривается. — Для тебя самая красивая будет. Самая.

Сидя в машине, я мчу домой по фривею. Сообщения от Зоуи мелькают на экране сотового. Ночь, спустившись на город, выводит на откровенный разговор и будит во мне странные вопросы.

Я никогда не верил в сказки про предначертанных друг для друга и всю эту туфту про половинки. В мире столько людей, ты найди того, с кем будет комфортно и хорошо в постели, чего еще надо? Но ночь спорит со мной и слова бабушки эхом шелестят в голове.

Для тебя будет самая красивая...

Хлоя

Мои вещи собраны. Лизи, напевая один из недавних хитов радио, выносит мой рюкзак, всем своим видом показывая и подчеркивая — отступление невозможно.

Будет неправдой сказать, что я не хочу провести месяц с подругой в огромном доме Стилов, в котором отдельная ванная предусмотрена практически в каждой комнате, а кухня своими размерами может потеснить наш с бабушкой первый этаж. Еще там есть два бассейна, один расположен снаружи, а второй внутри, спортзал, хамам и настоящий домашний кинотеатр.

Все это видится мне раем, но все же немного неловко перед ба. Ощущение, будто я бессердечно кидаю ее здесь одну, а сама иду наслаждаться чужой роскошной жизнью.

Бабушка с самого моего детства умеет читать мои мысли. Она притягивает меня к себе для крепкого объятия и иронично шепчет:

— Деточка моя, ты почему так любишь себя накручивать? Или ты уезжаешь на другой континент? Нет? Вроде твоя ба не рехнулась, и дом нашей Лизи тоже находится в Саннивейле.

— Да, но... Ты будешь здесь одна, — чувство вины никак не желает отступить.

— Я точно обижусь на тебя, если ты не поедешь и не оторвешься, как следует. У меня есть Тамара и Энн. А ты можешь навещать меня в любое время. Или ты надумала исчезнуть и даже не писать мне письма?

— Так вы тоже можете пожить с нами! — восклицает появившаяся в дверях Лизи.

— Нет, — смеется ба. — Вы же не станете устраивать вечеринки, будь я там. Ты лучше скажи, позаботишься о моей внучке? — спрашивает у моей подруги. И так всегда. Словно я маленький ребенок, а Лизи мой великовозрастный опекун.

— Ни о чем не волнуйтесь, — хитро улыбается блондинка. — У меня наполеоновские планы.

— Все, тогда я спокойна! Езжайте! Может, как-нибудь заеду к вам в гости и приготовлю домашней еды.

— Отличная идея! — радостно соглашается Лизи.

А ведь мы все втроем знаем о Клоде, их поваре, приезжающем в особняк Стилов три-четыре раза в неделю.

*

Пристегиваю ремень безопасности и наблюдаю в окне за удаляющимся домом.

— Ты сидишь с таким выражением лица, словно твою ба решили родительских прав, а тебя увозят от нее против воли. Еще слезу пусти. — иронично заявляет Лизи. — И не смотри так на меня. Тебя удочеряет потрясающая во всех возможных смыслах девушка.

— А почему ты, кстати, не поехала к своему дяде? — вспоминаю вопрос, который хотела задать ей еще вчера.

— К дяде? — выгибает бровь, а затем резко сигналил другой машине, восклицая, — Да куда ты прешь, дебил! Давно купил права?!

— Вроде дядя, да. Тот, к кому ты ездила почти каждое лето. Какой-то замкнутый тип.

— Путаешь, — беззаботно смеется подруга.

Но я не путаю. Совершенно точно она говорила, что ее дядя страдает некой

социофобной болезнью. Именно поэтому Лизи сама его часто навещает.

— Ну... Может, не дядя. Ты за все годы нашей дружбы ни разу не сказала точно, что он тебе за родственник. — а я никогда не настаивала, прекрасно подмечая, как этот вопрос не нравится Лизи. И как она всячески пытается его избежать.

— В этом году я решила все немного переиграть, — уклончиво выговаривает наследница Тру Голд. — Просто обещаю быть рядом со мной весь этот месяц?

— Что? К чему эта просьба? Мы же и так едем к тебе!

— Мало ли что взбредет тебе в голову. Я должна быть уверена. Обещаю!

— Мне надо как-то насторожиться? — недоверчиво смотрю на ту, от которой никогда не знаешь, чего ожидать.

— Со мной всегда надо быть настороже. Но ты безоговорочно доверься и обещаю. Иначе разобьешь мое сердце. — поворачивает на меня слезливые глаза.

— Обещаю, балбеска Лизи. — улыбаюсь ей в ответ.

*

Когда я перешла в школу Бишоп, первые полгода были для меня самыми тяжелыми. Мне не легко находить общий язык с новыми людьми. Если Лизи удастся всего за пару минут собрать вокруг себя целую толпу в совершенно новом месте, то я из тех, кто тихонечко сядет в углу и будет молча изучать глазами. И так всегда.

Мне ближе роль зрителя, незаметного наблюдателя за действиями и эмоциями окружающих. Все это копится и упорядочивается в моей голове, помогая в дальнейшем выплескивать себя на бумаге и создавать героев с их сложными характерами.

Переход в новую школу не принес моему характеру изменений, не раскрыл меня с новой стороны, как это часто происходит в кино, а только еще плотнее закрыл на внутренние замки.

Не самая популярная девочка в классе по имени Ума с готовностью стала ходить со мной в качестве подружки, и я была совсем не против. А потом мы несколько раз столкнулись с Бренденом в столовой, увлеченно провели время за разговорами и как-то незаметно сдружились. Тогда-то меня начала активно ненавидеть женская часть школы, влюбленная в него. Хотя меня он никогда не интересовал в качестве парня. Да, он был привлекателен. Да, мне нравилось с ним общаться. Да, я ему доверяла, но никогда, ни разу за все время нашей дружбы у меня не возникало желания дотронуться до него.

А через полгода учебы в Бишоп в моей жизни появилась Лизи.

Одна из самых популярных девочек в школе. Ей беззастенчиво подражали, с ней отчаянно хотели дружить, но больше всего — ей неприкрыто завидовали. Дочь миллиардера Харисона Стила считалась принцессой с характером.

До того вторника, а я прекрасно помню, что это был именно вторник, и погода вела себя не лучшим образом, распространяя сырость и дождь, я бы и не подумала, что она замечает меня.

По-моему, когда ее поднос опустился на стол, за которым я сидела, в столовой на минуту воцарилась абсолютная тишина. А после по рядам пронесся удивленный шепот. Она же, как ни в чем не бывало, села и начала вести себя так, словно мы дружим не первый год и ей непонятно, отчего мой рот не может закрыться обратно. Ума перестала со мной ходить в тот же день.

Не знаю, что заставило Лизи обратить на меня внимание, но, Вселенная, спасибо. Огромное тебе спасибо. Несмотря на мнение окружающих о ее стервозном характере, она

одна из лучших людей в моей жизни. Сильная, смелая, справедливая и не выносящая фальши.

— Почему ты села тогда ко мне? — спросила я ее как-то вечером, когда первый раз оставалась в их доме с ночевкой.

— Мне хотелось есть, вот и села, — Лизи сушила волосы и смазывала их специальным маслом, цена которого приравнивалась к стоимости всего моего гардероба.

— Ты знаешь, о чем я.

— Ла-а-а-дно. У меня никогда не было подруг. Я считаю всех женщин стервами или шлюхами, ну или комбо — ты же знаешь.

— А я кто?

— Ты не подошла под мои критерии. — тепло улыбнулась она. — Ты хорошая. И, надеюсь, никогда меня не разочаруешь!

— Мне теперь нельзя спать с Киану Ривзом? — трагически произнесла я.

— Даже дышать не смей в его сторону! — шутливо пригрозила подруга.

*

Мы заезжаем в гараж, где в ряд стоят редкие коллекционные машины. Отец Лизи является своего рода коллекционером. Но моей подруге закрыт доступ к некоторым экземплярам, точнее, к большинству моделей.

И я понимаю мистера Стила. Лизи любит включить музыку и, как сама говорит: «Отдаться ветру» — что подразумевает большую скорость. При мне она, к счастью, перестала себе позволять «шашни с ветром», но, боюсь, в своих одиночных поездках может временами себя баловать.

— Папа купил для Бьюика, который тебе нравится, какие-то раритетные, но обновленные колеса. — улыбается подруга и я заворуженно поднимаю глаза.

В моем любимом фильме герой приезжал за своей возлюбленной на точно такой красной машине.

— Снова представляешь сцену из «Сверкающего песка»? — усмехается Лизи.

*

Она приводит меня в какую-то непомерно огромную комнату, отказываясь слушать мои недо-мычания и звуки, от которых сложно сразу перейти к нормальной речи.

Да, у нее у самой роскошная комната, и я всегда открыто восхищалась ею, когда мы устраивали пижамные вечеринки. Но почему-то все равно никак не ожидала, что, переехав на месяц к Лизи, получу практически такую же.

— погоди. Ты что, переделывала комнату, чтобы поселить меня сюда? — испытующе перевожу взгляд на подругу.

— Н — е — е — е — т, — тянет она, плохо скрывая огоньки в глазах. — Просто это самая просторная и приятная комната на втором этаже, к тому же ближайшая к моей.

— Но здесь кровать точь-в-точь, как из того дорожущего каталога, который мы листали, а я сказала, как она мне нравится. И этот шкаф тоже! И эта ваза в половину моего роста! Ты специально подсовывала мне те журналы?!

— Как все-таки любопытно, что в мире сколько совпадений... — не обращая на мои возмущения ни малейшего внимания, вздыхает подруга. — Ладно, располагайся, а я пойду посмотрю, что нам наготовил Клод. И, кстати, — кидает она между делом, останавливаясь возле двери, — случайно купила тебе пару платьев. Попрошу без возмущений! Все, что висит гардеробной — теперь твое! И не надо так нервничать! Вон красными пятнами вся

пошла. Дыши. У меня к тебе маленькая просьба. Надень, пожалуйста, бутылочно-зеленое платье сегодня. Я его отдельно повесила, ты сразу заметишь. И не спорь. У нас запланирован званый ужин! Отмечаем начало каникул! — и не дав мне даже пикнуть, выходит из комнаты.

Вот с ней всегда так.

Райан

Последний раз я был в Саннивейле ...давно. Даже не вспомню, когда. После того, как родители развелись и поделили между собой детей, желания видеться с отцом не возникало.

Младшая сестра часто пыталась нас примирить, но всегда знала, когда следует остановиться. Иногда она приезжала ко мне погостить и вела себя крайне мудро, никогда не настаивая, чтобы я вернулся домой.

Но сейчас это уже не первое ее сообщение с просьбой приехать. И про отъезд отца, она упоминает, конечно, не просто так. У нее ничего не бывает просто так. Поэтому мой отказ, несмотря на знание о командировке папы, Элизабет воспримет, как личное оскорбление.

Нельзя говорить «нет». Да и зачем, если я порядком соскучился. Эта маленькая чертовка напоминает лавину, способную плавить все у себя на пути. Не помню ни одного раза, чтобы она не получила желаемого. А если такое случается — тем хуже для окружающих.

С девочками она никогда не дружила. Еще в детстве смешно закатывала глаза на мои вопросы о подружках. Обычно ее окружает либо толпа влюбленных мальчиков, либо — никто.

Укладываю несколько футболок в серый чемодан и оборачиваюсь на вибрирующий на столе телефон. Зоуи рассыпается сообщениями, мурлыкая и искрясь. А значит, прослушивание прошло удачно.

Мысль о том, как именно оно проводилось, лезвием разрезает пространство, оставляя неприятный осадок. Зашиваю никому ненужную пасть фантазии и откладываю мобильник обратно. Но он упрямо отказывается сдаться и вибрирует снова. Нехотя протягиваю руку. На экране загорается новое входящее сообщение, и оно не от Зоуи.

Э.: А когда ты приедешь? Папа уж уехал.

Могу прислать данные его билета и фото самолета.

Ухмыляюсь. Я не успел сообщить сестре, что готов принять ее приглашение, и вот она уже сидит в танке и уверенно придерживается намеченного курса.

Раньше она всегда сама выбиралась ко мне, озвучивая решение вполне логичным образом: «Зачем торчать в Саннивейле, когда можно пожить у знаменитого братика, у которого куча звезд по соседству».

Она прекрасно знает о моей нелюбви выставлять свою жизнь напоказ и, надо признать, так изобретательна, что нас практически ни разу не ловили журналисты. Лишь однажды фото с сестрой все же попало в газеты. Но мы оба били затонированы кепками и капюшонами, отчего заголовок гласил: «Очередная тайная спутница Райана Лива».

Элизабет первое время злилась на себя за допущенную оплошность, но вскоре, несколько раз пристально изучив снимок, пришла от него и самой статьи в полнейший восторг.

— Я теперь тоже мелькаю в газетах! В роли очередной твоей шлюшки! Надо папе показать!

— Элизабет, следи за языком!

— Мой язык не выражался бы подобным образом, если бы ты завел себе нормальную девушку. Хотя бы раз. Необязательно мутить с одними актрисочками и моделями. Конечно,

у них ноги от ушей, а у некоторых невменяемые груди, но брат...

— Тебе известно, что я встречаюсь с Зоуи Томпсон.

— Ну да, с первосортной шлюшкой.

— Почему ты так думаешь? — меня бесило то, с какой уверенностью она это говорила.

Притом ведь была в чем-то права.

— Мой шлюхосканер видит девушек насквозь. Он еще со школы работает безотказно, ты же знаешь. — передразнила мелочь мою интонацию

Р: Как я могу быть уверен, что фото самолета не монтаж? J)))) — печатаю в ответ

Э: Это у тебя в фильмах один монтаж, — присылает сестра и следом кидает огромное количество смайликов с высунутым языком. — А я папу попросила сделать фото из иллюминатора и прислать мне, чтобы я могла отправить тебе принтскрин экрана мобильного с нашей с ним перепиской. Видишь — все продумано.

Даже слишком, — широко улыбаюсь я

Р: Все слишком подозрительно. Хочешь затащить меня к себе и устраивать закрытые показы для своих подружек за сто баксов?

Э: Это мамина тактика. Не обобщай.

Р: Как раз собираюсь к ней на вечеринку.

Э: А тебе процент, кстати, перепадает?

Р: Нет (((она использует меня даром

Э: Жестоко. Я буду отдавать 10 %.

Р: Вся в мать.

Э: Я гораздо более щедрая!!! Так, когда приедешь?

Р: Завтра. Или послезавтра

Э: Завтра будет идеально!!! Жду!!! Хо — хо

Оставляю телефон на столе и иду в душ. Ехать на мамину вечеринку нет особого желания, но расстраивать ее хочется еще меньше. К тому же я уже перенес время встречи с Зоуи.

Может, для стимула и правда стоит обговорить с мамой процент? От этой мысли перед глазами всплывает выражение ее лица, если я решусь озвучить подобную просьбу, и я начинаю громко смеяться.

*

Мамина вилла всегда сверкает ослепительным блеском. Собственно, как и его хозяйка. В свои сорок девять лет мисс Стил, отказавшаяся менять фамилию мужа, выглядит прекрасно. Все благодаря постоянным тренировкам, различным диетам и баснословным деньгам на косметологов, стилистов и всяких коучей. И это притом, что она не работала ни одного дня в своей жизни. Они развелись с отцом почти двадцать лет назад, но Харисон Стил до сих пор полностью финансово ее обеспечивает.

«Чувствует себя виноватым. — любит подчеркнуть Аманда.

При друзьях она всегда просит называть ее по имени.

— Так же намного современнее, правда?»

И я всегда соглашаюсь играть по ее правилам, ведь, в отличие от отца, она не отказалась от меня. Не предала, нет. Она вгрызлась в свое право воспитывать сына и отвоевала его, о чем рассказывала мне с самого детства, с тех самых пор, как мы переехали в другой город.

Сестре в то время не исполнилось и года. Мама часто с горечью вспоминает, что не могла получить двоих детей, с учетом той власти, которая была в руках отца. И Аманда

посчитала правильным оставить Элизабет с бывшим мужем. Но зато она часто звонила и писала своему ребенку, о чем сама же мне и говорила. Чего нельзя сказать о вечно занятом главе Тру Голд, Харисоне Стиле, который после нашего отъезда всего пару жалких раз изъявил желание увидеть собственного сына.

Для некоторых детей развод родителей не является чем-то травмирующим. Разошлись и ладно. Но я оказался не таким. Наша семья представлялась мне самой лучшей на свете. Крепкой и дружной. Отец, несмотря на занятость, всегда находил для меня время. И на тебе. Ты съехал и все, дверь закрылась. Тебя моментально забыли. Вычеркнули, как никому ненужную вещь.

Я обещал себе никогда не создавать семью, пока не буду полностью уверен в своих чувствах. Но, став актером и окунувшись в среду шоу-бизнеса, осознал, что нормальная семья здесь требует слишком большой платы и стечения огромного количества факторов.

Поэтому к чему мне это?

Надо жить и наслаждаться моментом. Сейчас. В эту минуту

— А вот и мой красавчик! — мать идет ко мне навстречу с бокалом мартини в руке, в котором обязательно присутствуют три оливки.

— Аманда, — целую ее в щеку и ощущаю аромат дорогого парфюма, — Ты как всегда прекрасна.

— Ты мой лучший льстец, потому что только тебе я верю, — улыбается она и берет меня за руку.

На ней облегающее белое платье на одно плечо, подчеркивающее фигуру и с вызовом сообщающее о нежелании хозяйки соглашаться с предрассудками о возрасте.

— О, — шутливо говорю я, когда мы выходим на террасу возле бассейна, где проходит коктейльная вечеринка. — Сегодня в числе твоих приглашенных есть даже мужчины.

— Они большей частью геи, — делая глоток, тихо шепчет мать.

— Элизабет сказала, надо брать с тебя процент за эти встречи.

— Маленькая засранка, — она облизывает губы, желая что-то добавить, но в этот момент к нам подходит один из гостей.

Высокий мужчина в клетчатом сером костюме и темно-розовых мокалинах, одетых на босу ногу.

— Шарль! Вот и моя звездочка, Райан. Дорогой — говорит уже мне, — Это Шарль Энжей, он приехал к нам из Франции всего на пару месяцев. И его акцент совершенно сводит меня с ума.

— Очень рад встрече. — протягивает руку француз, а следом поворачивается к хозяйке.

На вид он немногим старше меня.

— Шери, Аманда, ты такая плутовка.

Далее завязывается светский разговор ни о чем, за которым я четко осознаю, что этот Энжей не гей. Он определенно новый любовник Аманды.

Оглядываю остальных присутствующих. Карла из Швеции нигде не видно — чего и следовало ожидать.

А ведь всего две или три недели назад мы втроем завтракали в мамином доме.

*

Устав от вечеринки, иду на кухню. Открываю холодильник и беру бутылку воды.

— Утомились? — произносит женский голос.

Неужели одна из обожаемых маминых подруг, имеющих свойство сменяться с

определенной периодичностью, пошла за мной?

Хотел побыть один.

Мечтатель...

— Немного, — нацепляю дежурную улыбку, которая за годы работы стала появляться на автомате.

Она не содержит ни капли настоящей эмоции и ни грамма усилия.

Закрываю дверцу и замечаю, что незнакомка сидит в дальнем углу стола. То есть она уже была здесь, когда я пришел. А значит, это я не увидел ее, пока блуждал в своих мыслях. Фальшивая улыбка сменяется на более искреннюю, но разница лишь в моей голове. Обычно никто не видит изменения.

— Как интересно. — задумчиво произносит она.

Ей не дашь больше сорока пяти. Черное платье выше колен обтягивает красивое подтянутое тело. Видно, что молодость ушла, но хозяйка не тоскует по ней, а наслаждается трансформацией, умело скрывая мелкие несовершенства и смело подчеркивая достоинства.

— Вы будто меняли свою улыбку. — у нее короткие платиновые волосы, постриженные в модное удлиненное каре.

Смотрит с интересом, но не более того.

— Увидел вас и поменял, — сажусь за противоположный край стола.

— Не буду отказываться от комплимента, — подносит бокал к губам.

Делает небольшой глоток, закрыв глаза. Не притворяется, а по-настоящему оценивает вкус вина.

— Но смею предположить, что шли сюда, чтобы посидеть в одиночестве и отдохнуть от гостей, готовых наброситься и разорвать.

У нее красивые глаза. Чарующая улыбка преображает лицо. Манит и таит в себе немало секретов.

— Верю, что Аманда сумеет меня защитить. А от кого прячетесь вы?

— Ни от кого. — говорит буднично. — Муж сейчас трахает свою секретаршу или очередную новую помощницу по... — усмешка трогает уголки губ. — Важным проектам. А я выбрала не ту вечеринку. На тебя видов у меня не было. Ты очень хорош собой, но для меня слишком молод. А подходящие по возрасту мужчины скорее заинтересуются тобой, чем захотят меня.

Встаю со своего места и подхожу к ней. Забираю из ее пальцев бокал, кладу на стол и отодвигаю в сторону. Немного наклоняюсь и целую незнакомку в губы. Глаза женщины вспыхивают. На миг она замирает, но вот мы уже жадно сталкиваемся языками. Одна моя рука сжимает светлые волосы, пропуская их между пальцами, а вторая накрывает грудь сквозь тонкую ткань платья. Ее пальцы тем временем уверенно ложатся на мой поднимающийся член.

— Хочешь его? — тихо спрашиваю я.

— Да. — следует хриплый ответ.

Веду ее в чулан, расположенный за кухней, и закрываю за нами дверь.

*

— Это Лилиан, — где-то через час мать представляет мне платиновую блондинку в черном платье.

— Очень приятно познакомиться. — говорит женщина.

К счастью, небольшие изменения в ее прическе совсем не заметны.

— Взаимно. — отвечаю я.

— Моя визитка. — произносит она и маленькая золотая бумажка переходит из ее руки в мою. Лилиан искренне улыбается. — Вдруг смогу быть полезной.

Собрав вещи, закидываю все в машину и еще раз обдумываю, не могла ли Элизабет соврать по поводу отъезда отца. Вдруг у мелкой родился в голове новый план примирения и теперь она под благовидным предлогом загоняет меня обратно в семейный дом?

Хотя нет, вряд ли бы она так поступила. Если бы хотела, попыталась бы уже давно и не один раз, без вранья и обмана. Моя сестра умеет мастерски воплощать свои идеи в жизнь, не пользуясь при этом услугами лжи. Да, местами мелкая не договаривает или виртуозно меняет акценты, но никогда не врет.

Сажусь за руль Volvo, надеваю солнцезащитные очки, включаю радио и трогаюсь в путь.

Зоуи заезжала попрощаться. В ее сообщении говорилось: «намереваюсь устроить тебе горячий и жаркий секс, по которому ты будешь скучать».

Она нещадно сияла, рассыпаясь деталями читки с мэтром Вудсоном, которому было лет семьдесят, не меньше. Я встречал его лишь раз на каком-то светском вечере: хитрые маленькие глаза, козлиная бородка и глухой смешок. Мне он не понравился. Как по мне, его фильмы сверх всякой меры наполнены пошлостью и долей едкого юмора. А чем старше становился режиссер, тем пышнее распускались в его картинах ветви порока и сатиры.

— Сладкий, я в душ и к тебе! — чмокнув меня в губы, моя девушка вильнула крепким задом и направилась в ванную комнату.

А я устроился на постели с книгой Хэмингуэя «Зеленые холмы Африки». Он мне тоже не нравился.

Какой же ты мягкотелый мужик, Райан Лив, раз тебя бесят сцены убийства куду. А ведь автор великолепно их описывает, ощущение полного присутствия, ни один 3D не сможет сравниться.

Телефон на кровати завибрировал. Зоуи кинула его на простыни, прежде чем удалиться, и я машинально взглянул на экран, без какой-либо цели. Маниакальная проверка гаджетов между партнерами, наблюдаемая у некоторых знакомых пар, всегда вызывает во мне непонимание. Разве ты не ощущаешь настроения своей пары?

Я всегда остро чувствовал нашу несовместимость с Зоуи, но отчего-то каждый раз оттягивал неизбежный разрыв.

«Киска, ты была такой сладкой» — высветилось на экране, и перед глазами Хемингуэй метко подстрелил очередную антилопу.

Отложив книгу, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

Почему так противно? Ведь я все прекрасно понимаю. И разве когда-то не понимал? Не потому ли сам трахал вчера... как же ее звали... ту платиновую блондинку на маминой вечеринке.

Знал, Зоуи не на простой читке.

Когда она вышла и скинула с себя полотенце, мой член даже не шелохнулся.

— Одевайся, — сказал я. — Жду тебя на кухне. Заварю нам чай.

И пока она удивленно хлопала глазами, вышел из комнаты.

Сидя на кухне, Зоуи молча выслушала мои слова, а затем никак не могла подобрать нужную роль. Ей хотелось играть спокойную и уравновешенную Аву Гарнер, а потом заламывать руки и кричать в стиле Софи Лорен.

И все ее попытки были крайне неудачны. Ни одна надетая маска не дотягивала до подходящего уровня.

— Зоуи, нам было хорошо вместе. Но давай будем честны, мы оба не можем найти друг в друге то, что ищем. Давай не будем обманываться и останемся друзьями.

Ничего лишнего. Ничего обидного. Правда, очевидная обоим. Но она не хотела ее признавать. И в секундах, в которых Зоуи сбрасывала личину актерства, мои глаза не могли уловить ни грамма любви, искренности или печали из-за расставания. Только возмущение, злость и нежелание терять сахарные статьи о нас.

— Ты представляешь какой ажиотаж поднимется в прессе?

— Меня не волнует.

— Это может плохо сказаться на ролях...

— Не думаю. Скорее, наоборот, сыграет нам обоим на руку.

— Ты так считаешь? — вот это искрений, спонтанный вопрос, раскрывающий всю правду наших отношений. Но она спохватилась, — Сейчас для меня это совсем не важно! Я не хочу терять тебя, терять наше общение.

— Ты всегда сможешь обратиться ко мне, если тебе что-то понадобится. — кажется в эту минуту она могла наброситься на меня с кулаками. Но, к счастью, не сделала этого.

— Хорошо. — поджав губы, Зоуи взяла в руку чашку и сделала несколько глотков чая. — А к каким родственникам ты, кстати, едешь? Я что-то забыла.

Не забыла, я ей никогда не говорил.

«Трахай ее сколько влезет. — всегда наставляла Хелен. — Пусть пресса пишет о вас бесконечные статьи. Мордашка у нее хорошая, да и зрителю нравится. Но, если ты столько лет скрывал информацию про свою семью, то ей тем более ничего не говори. Эта сука сразу продаст тебя с потрохами, если между вами что-то пойдет не так».

Поэтому я много раз хотел ей признаться, но каждый раз сдерживался. Хелен, ты и правда лучшая, как и этот чай с травами, подаренный тобой в прошлом месяце.

— Да я сам пока точно не решил. Может, и не поеду никуда.

— Ясно. — она поставила чашку обратно на стол. — Тогда я соберу сейчас свои вещи и оставлю тебе ключи.

— Это не к спеху. Ты можешь приехать тогда, когда тебе будет удобно и спокойно собраться.

— Спасибо, — она на минуту задумалась, — Лучше сегодня.

Зоуи удалилась в комнату, и я с благодарностью посмотрел ей вслед. Удивляясь сознанию того, насколько я был рад, что ее вещей больше не будет в моей квартире.

Семь часов дороги и только два перерыва на кофе, еду и туалет дают о себе знать. Когда я въезжаю в Саннивейл, воспоминания отъезда сразу всплывают в сознании.

Как же сильно я не хотел уезжать от отца в тот день. Слезы стояли в глазах, а он только раз сухо прижал меня к себе и сказал: «Мужчины не плачут сынок, с мамой тебе будет лучше.»

А потом он выкинул меня из своей жизни, словно меня в ней никогда и не было. Ироничная усмешка всегда появляется на моих губах, когда я думаю, как лез из кожи вон, желая заполнить фотографиями моих новых фильмов прессу, мечтая доказать ему, что продвинулся сам, без его помощи.

Одна только мать всегда поддерживала меня. С детства водила на кастинги, чуть ли не с самых пеленок. Верила и убеждала в моем таланте, ни разу не усомнившись.

Моя слава расцветала с каждым годом, успех плескался вокруг, накрывая с головой, и боль уходила глубже, прикрытая яркими слоями пленительного Голливуда.

Говорят, что время лечит. Так вот, оно ни хрена не лечит, только притупляет и точит нутро, делая нас острее и жёстче. Потому что к сегодняшнему дню я уже успел остыть и более не нуждаюсь в похвале отца. Более того, даже видеть его не хочу.

*

Старый добрый особняк семьи Стил возвышается на холме. Пока въезжаю в ворота, память будто играет со мной. Перед глазами проносится картина, как мы с мамой уезжаем. И никто, кроме слуг, нас не провожает.

Элизабет всю дорогу терроризировала меня сообщениями:

«когда ты выедешь?»

«ты далеко?»

«а вот сейчас ты где?»

«ну мог бы хоть как-то отреагировать!»

«ты вообще едешь?».

Мне хотелось помучить мелкую, поэтому я ответил только один раз, коротко сказав: «еду».

От сестры тут же пришло новое письмо:

«Обиделась. Не надейся на встречу с плакатами! Хоть я их и подготовила заранее!»

Ключи от дома она привезла мне еще в прошлый свой приезд, сказав:

— У наследника Стил всегда должна быть свежая пара ключей.

— Я не нас...

— Даже слушать не буду, — Элизабет заткнула уши и начала громко петь, — Ла — ла — ла!

Останавливаю машину, глушу мотор и сижу так минут десять. Смотрю на дверь. Ночь кутается в теплую шаль и спускается на город. Оказывается, некоторые шаги даются с трудом, даже, когда тебе почти тридцать.

Охранник, радушно встретивший возле ворот, подходит уточнить, не нужна ли помощь и стоит ли ему отвезти машину в гараж. Отряхнувшись от воспоминаний, протягиваю ключи. Достая чемодан и направляюсь к дому.

Дверь оказывается открытой. Я, конечно, понимаю, что на территории есть охрана, но

разве не следует элементарно закрывать входную дверь?

Усталость нещадно давит на тело. Хочется лечь и заснуть. Но вначале стоит отругать Элизабет.

— Элизабет! — кричу я, но то ли на меня сильно обиделись, то ли просто игнорируют.

Оставив чемодан в холле, заворачиваю влево, в гостиную. Изменения в интерьере присутствуют, но они незначительны. Будто мама, как и много лет назад, обставляла дом по собственному вкусу — вокруг все в камне и светлых тонах.

Огромная комната обрушивается на плечи новой дозой детских воспоминаний. Все тот же большой белоснежный диван, стеклянный стол, а там, в глубине, камин и два кресла. Мне нравилось сидеть в правом и...

Длинные женские ноги вальяжно лежат на одном из его подлокотников. Зеленый шейф платья, расшитого маленькими пайетками свисает вниз, оголяя светлую кожу. У Элизабет загорелая кожа круглый год...

Интересно получается, пригласила меня, а сама закатила вечеринку?

Мог бы предположить, что она, как и мама, собралась продемонстрировать меня своим подружкам, если бы не знал, как сильно сестра терпеть не может женский пол...

Сделав пару шагов, подхожу ближе к той, чьи руки сжимаются на животе. Она лежит в неудобной позе на кресле, повернув голову к огню. Ее глаза, обрамленные густыми и, кажется, не искусственными ресницами закрыты. Ровная линия носа выходит к маленькому алому роту, чуть приоткрытому и чертовски соблазнительному. Темные волосы волнами лежат на голых плечах, а откровенный вырез платья обнажает нежную кожу и прорисовывает небольшую вздымающуюся грудь. Неполная двойка.

Дикое и странное желание подойти и дотронуться до нее вспыхивает в сознании, но я немедленно его отгоняю.

Что за странный и нелепый порыв?

Да, красивая, да, притягательная, и на вид такая беззащитная...

Да что со мной?

Интересно, какого цвета ее глаза...

Незнакомка вдруг вздрагивает и начинает шевелиться. Издает вздох вперемешку со стоном, отчего меня накрывает. Открывает глаза и смотрит прямо на меня.

Зеленые, как я и думал.

— Ой, — трет одной рукой глаза, а затем снова поднимает на меня взгляд. — Надо же... В этот раз настолько реалистично. — слегка улыбается. — Знала, не надо было их принимать, могла и потерпеть.

Только этого не хватало, они балуются наркотиками. Твою ж мать, мелкая!

— Элизабет! — громко кричу я.

— Ого! — удивленно округляет глаза девушка. — Еще и звуковые эффекты! Лизи, ты где? Мне кажется, я сейчас вырублюсь и не успею тебе рассказать. На этот раз я вижу не какие-то там абстрактные шарики, а Райана Лива!

Моя сестра появляется в дверях. Смотрит на меня и с мольбой во взгляде подносит указательный палец к губам.

— Что это все значит? — гневно спрашиваю я.

Но Элизабет умоляюще качает головой, подходя ближе.

— Не кричи, — тихо шепчет она. — Обещаю, здесь нет ничего криминального, только дай ей заснуть. Буквально пару минут.

— Ты мне нравишься, знаешь? — обращается ко мне та, которая напоминает получившую желаемое русалку, и скрещивает свои длинные и чертовски красивые ноги.

— Неужели? — усмехаюсь. — Сильно нравлюсь?

— Очень! — гостя переводит взгляд на сестру. — Лизи, у тебя лучший майдол на свете. Он такой красивый. Если бы только ты тоже могла видеть...

Майдол — это разве не те таблетки, которые принимает Зоуи во время месячных?

Незнакомка протягивает руку. Поддаюсь порыву и подхожу к ней. Теплая ладонь оказывается в моей и тело отзывается, твою ж...

— Мастурбировала, думая обо мне? — спрашиваю я, и сестра издает разочарованно-гневный стон. А вот незнакомка на секунду вспыхивает.

Маленькая ладонь покидает мою руку, отчего внутрь проскальзывает разочарование. Русалка накрывает свои щеки пальцами, а затем доверчиво смотрит и говорит:

— Нет, ни разу.

После чего скрещивает на груди руки, устраивается поудобнее и в прямом смысле слова засыпает.

— Получил! — ехидно хлопает меня по плечу сестра. — А теперь немедленно крепко-крепко обними меня, братик!

Просьпаться на огромной кровати с прекрасным матрасом подобно раю на земле. Сладко потягиваюсь, вспоминая, что вчера мне мерещился Райан Лив. На одной из стен моей крохотной комнаты до сих пор висит его плакат.

Наверное, каждая девочка влюбляется в подростковом возрасте в актера и мечтает однажды встретить его в реальной жизни. И я не являюсь исключением.

Сцена поцелуя героев на пирсе в молодежной мелодраме «Сверкающий песок» сводила меня с ума, заставляя пересматривать сериал раз за разом.

Нещадно лил дождь, героиня Эмили Рат плакала и кричала, что отношения между ними невозможны, а герой Райана, которого в фильме звали Шон, нежным движением убрал с ее лица прядь намокших волос, а затем со словами: «Плевать. Я люблю тебя. И готов пойти на все» — притягивал к себе девушку и страстно целовал в губы.

Накрываюсь одеялом и зажимаюсь. Снова представляю себя на месте героини.

Ты не исправима, Хлоя Райт...

Сколько тебе лет?

Это просто фильм. Чья-то выдуманная история. Ты же сама пишешь рассказы. Не сегодня мне совсем не хочется быть серьезной. Слишком нереальным и сказочным было вчерашнее наваждение.

Интересно, как я добралась до комнаты?

Сама как-то доползла или Лизи помогла?

В смутных воспоминаниях-грезах меня держали крепкие руки, а затем бережно опускали на матрас. И приятный мужской голос желал сладких снов.

Это же надо, какой мощный эффект от майдола в этот раз.

*

Лизи несколько преуменьшила правду, сказав о покупке нескольких платьев. Гардеробная переполнена вещами. Только подруга и бровью не повела на мое:

— Я не могу это принять. Надеюсь, ты понимаешь.

— Нет. — она улыбнулась эффектной белоснежной улыбкой. — Это в твоей голове все сложно. Не в моей. Если для тебя так трудно их взять, ладно. Но пока ты здесь, считай, я одолжила тебе эти вещи, и ты можешь спокойно ходить в чем пожелаешь. Но сегодня я требую, чтобы ты вышла в том зеленом платье! — Лизи надула губы и продолжила. — А потом, когда ты съедешь, наряды переключают в мой гардероб. Размер у нас один.

— Не обижайся, пожалуйста. — присев рядом с ней, я обняла ее за плечи и чмокнула в щеку. — Ты и так слишком многое для меня делаешь. А я не знаю, как тебя благодарить. Мне банально нечем. И это создает неловкость.

— Когда прославишься, сможешь меня отблагодарить. — уверенно подмигнула моя любимая блондинка.

И я безмерно благодарна ей за веру в меня и колоссальную поддержку, но что, если я никогда не прославлюсь. Да и особо не продвинусь. Что я смогу для нее сделать?

Мне нечего предложить, кроме своей любви и дружбы. Но мне кажется, они меркнут на фоне всего того великолепия, которое исходит от Лизи.

Мне порой становится очень неловко, так как я не хочу выглядеть паразитом. И не хочу быть постоянно обязанной.

Бабушка всегда учит: в ответ на полученный подарок надо отдать такой же по значимости, а лучше — ценнее.

В прошлом году мне удалось продать пару статей разным блогерам и местным онлайн-журналам и купить подруге на день рождения браслет Tiffany. Не самый дорогой, а скорее наиболее приемлемый по стоимости, но Лизи каждый день с гордостью носит именно его. При этом постоянно меняет бриллиантовые серьги и кольца.

У нас у обеих одинаковые подвески на шею от Tiffany с выгравированными с внутренней стороны инициалами — ее подарок на нашу годовщину дружбы.

А вчера у нас состоялся закрытый светский прием, включающий, по словам подруги, лучших из лучших. То есть, только нас двоих.

Вырядившись в дорожные наряды, мы попивали молочные коктейли.

Лизи, облаченная в нежно-розовое короткое платье, олицетворяла эталон женственности. Я же в длинном бутылочно-зеленом, почти полностью расшитом пайетками, с чересчур открытой грудью и вырезом чуть ли не с самого начала бедра отдавала дань каким-то морским порочным девам.

— Почему твое платье закрытого и классического фасона, а мое как...

— А ты и так вечно ходишь, как монашка. — не дала договорить наследница Тру Голд, всучив мне в руки очередной сладкий напиток. — Мы будем тебя отучать от твоего дурного вкуса. У тебя ноги, как у модели, а ты при этом их постоянно прячешь в джинсах и брюках. Надо открывать свое тело, пока ты молода, а то постареешь, захочешь каминг-аут сделать, а время прошло.

Почти весь день мы пересматривали «Сверкающий песок», устроившись на огромном мягком диване. Подруга не так отчаянно разделяла мои восторги от фильма, но игра Райана Лива ей нравилась. Однако самым удивительным для меня всегда оставались ее слова о том, что главный герой совершенно не привлекает Лизи, как мужчина.

Как он может не привлекать?

Как?

Одни только его светлые и обычно немного взъерошенные волосы, голубые глаза и ямочки на щеках, игриво появляющиеся при улыбке, заставляют меня трепетать.

— Значит, нам нравятся разные типажи мужчин. — заключила я.

— Вот это очень хорошо. — хитро улыбнулась она.

А потом, ближе к шести вечера, тело начало ломить, и боль пронзила низ живота. Как и всегда в первый день месячных меня скрючило от неприятных ощущений и стало знобить.

Не хотелось сразу же пить обезболивающие, так как иногда через час или два боль уходила сама. А вот если она, наоборот, усиливается и отдается в каждой клеточке, сознание не выдерживает, и я бегу к аптечке, прекрасно осознавая странные последствия, из-за которых не могу нигде, кроме дома, позволить себе прием таблеток.

Гинеколог, у которого я консультировалась, пояснил, что подобный эффект встречается у очень маленького процента людей. И вот я стояла среди этих редких счастливиц. Правда, побочку, свойственную именно моему организму, женщина назвала своего рода уникальной.

Дело в том, что после приема лекарства боль уходит, а тело превращается в подобие ваты. Сознание приобретает легкость и щедро одаривает галлюцинациями. Не всегда яркими, но пару раз мне доводилось видеть мыльные пузыри и лепестки летающей вокруг сакуры. А затем буквально через несколько минут я крепко засыпаю и просыпаюсь в

прекрасном состоянии.

Вчера же, после того, как я перепробовала все возможные скрюченные позы для уменьшения боли, Лизи подошла и с улыбкой спросила:

— Готова ли ты увидеть матрицу? — в одной руке она держала стакан воды, а в другой лежал майдол.

— Ты сама-то готова?

— Не волнуйся, ты вроде не становишься буйной. А если вдруг заснешь, накрою тебя пледом.

Благодарно кивнув, я взяла из ее руки таблетку и, отправив в рот, запила водой.

Мое сознание, должно быть, вздумало устроить мне самые лучшие на свете каникулы, потому и явило передо мной образ Райана Лива, позволив даже немного его потрогать. Как реально это все было...

Ладно, хватит уже улыбаться и мечтать, надо вставать.

Дотянувшись до телефона, смотрю на время. Десять утра, ничего себе, Хлоя. Да ты сегодня соня.

В мессенджере меня ждет сообщение от Лизи.

Л: Как проснешься, спускайся, Хлоя-моня, завтрак ждет J

Спрыгнув с кровати, иду в ванную комнату. Провожу там ровно пятнадцать минут, приняв быстрый душ. Затем надеваю серые домашние шорты, широкую голубую футболку, левое плечо которой постоянно спадает, но такая приятная на ощупь ткань затмевает любые мелочи.

Насколько помню, у Клода сегодня выходной, и из прислуги дома только Джули, так что можно обойтись без лифчика.

Обожаю ходить без лифчика.

Обожаю!

Обмотав волосы полотенцем, вдеваю ноги в шлепки и выхожу из комнаты.

Элизабет, как самоотверженная сестра, не готовит мне завтрак.

Она тихо напевает какую-то песню и разогревает заготовки, оставленные предусмотрительным Клодом. Из предложенного списка я отдаю предпочтение панкейкам с ягодами и не ошибаюсь. Они великолепны.

Передо мной также расставляют несколько баночек с различными видами джемов и снабжают большим стаканом апельсинового сока. Себе она берет любимую с детства арахисовую пасту, тосты и чашечку кофе.

Мы сидим на террасе около бассейна и болтаем обо всем подряд. Точнее, она проводит искусный допрос, незаметно вытягивая из меня все возможные детали рабочих будней. Забывшись, я чуть было не описываю ей недавний случай с Мирабеллой. Но мой вовремя закрытый рот, кажется, не вводит сестру в заблуждение.

— Значит, приходила просто поблагодарить? — ехидничает мелкая.

— Да, — делаю глоток апельсинового сока и с усмешкой смотрю на нее. — Ты вытряхнула из меня всю душу. Может, и ты расскажешь немного о себе? Например, с каких это пор ты дружишь с девочками? Или эта эксклюзивная?

Элизабет снимает, наконец, свои огромные черные солнцезащитные очки и впивается в меня внимательным взглядом.

— Со средней школы. И да, она — эксклюзив. Поэтому сразу предупреждаю. Я тебя очень-очень-очень люблю, ты можешь отрахать в округе все, что движется, но от Хлои держись подальше. Тронешь ее, я тебе яйца отрежу.

— Мелочь, ты обнаглела? — громко смеясь, спрашиваю я.

— Даже ножнички специально золотые купила, — ангельски улыбается в ответ сестра, — Чтобы тебе было не обидно.

— Считаешь меня подонком?

— Нет. Ты лучший, — искренне произносит Элизабет. — Но ты не готов к чему-то по-настоящему серьезному, а она не из тех, кто заслуживает, чтобы им причиняли боль. Вы творческие личности все такие ранимые. — все то время пока говорит, периодически нервно поглядывает на свой телефон.

— Тебя что-то тревожит?

— Да. Я ей никогда про тебя не рассказывала. Не знаю, как она отреагирует.

— Будет в восторге. Она же сама вчера сказала, что я ей нравлюсь.

Но Элизабет криво усмехается.

— Ты не знаешь Хлою Райт.

*

Вчера, после того, как девчонка отключилась, меня попросили отнести ее наверх. Оказывается, у нее странная реакция на обезболивающие таблетки, и она приняла меня за очередную побочную реакцию, за галлюцинацию. Вспоминаю, как она улыбалась и тянулась ко мне. Нежная, трогательная и одновременно такая соблазнительная. Яркие губы без какой-либо помады, зеленые глаза и волнистые волосы, раскиданные по голым плечам.

Во время съемок я не раз поднимал актрис на руки, повторяя действие несколько дублей подряд и не испытывая при этом ровным счетом ничего необычного. Оттого вчерашний мгновенный отклик моего тела на совершенно незнакомую девушку стал для

меня полной неожиданностью.

Желание ударило в голову и, не заставив себя ждать, переместилось вниз, в область брюк. Хорошо, что в доме царил полумрак и сестра не могла увидеть мои не поддающиеся контролю реакции.

Элизабет шла впереди и показывала дорогу. Пользуясь ее неведением, я вдыхал сладкий аромат обнаженных плеч, на которых неистово хотелось запечатлеть свои губы.

Сейчас, за завтраком, стоит только вспомнить вчерашний вечер, как тело снова немедленно откликается. Ловлю себя на том, что время от времени кидаю взгляд на дверь.

Да сколько можно спать?

Нет, это уже перебор. Чтобы я ждал какую-то студенточку, подружку сестры? Подругу... это еще более странный момент.

Что такого мелкая должна была увидеть в этой Хлое, чтобы начать с ней дружить? Она же женщин на дух не переносит, даже с матерью всегда держится довольно прохладно. А тут эксклюзив?

У Элизабет несомненно имеется веская причина. Определенно.

Но какая? Надо будет как следует присмотреться к этой Райт.

Обнаруживаю вполне исчерпывающий повод изучить девчонку получше и поглубже.

Глубже. Картина того, как проникаю в нее, пока она сжимает в руках простыни, всплывает на лице довольной улыбкой.

— Ты подозрительно улыбаешься. — поддавливает меня сестра.

— Ничего подозрительного, мелочь. Просто собираюсь как следует узнать твою ненаглядную подружку. — отправляю в рот клубнику.

— Райан... — предупреждающе произносит Элизабет, напоминая волчицу, охраняющую детеныша.

От столкновения нас спасает высветившийся на телефоне звонок.

Хелен.

Еще вчера я послал ей сообщение о разрыве с Зоуи и ожидал бурной и злорадной реакции. Но она молчала.

Беру в руки телефон. Улыбаюсь сестре:

— Я отойду, мой милый цербер, а ты пока успокойся.

Прохожу ко второй террасе, расположенной с правой стороны дома. Провожу большим пальцем по зеленой кнопке и слышу в трубке радостный голос Хелен.

— Ты осчастливил меня сегодня, мой мальчик! И если бы эта тупая батарейка вчера не села, я бы узнала эту чудесную новость еще раньше.

— Ха-ха, — смеюсь в трубку. — Признаться, я был удивлен твоим молчанием.

— Молчанием? Да я с самого утра пою, стоя в пробке. С тебя самая дорогая бутылка шампанского! Все детали расскажешь мне лично! — Хелен любит смаковать подробности в приватной беседе. — Ты только скажи откровенно, как все прошло? Она адекватно себя повела? Не думаешь, что могут возникнуть проблемы? Ты те фото, на которых ты в блестящих плавках, удалил с ее розового телефона?

— Вполне спокойно. Она немного переживала, как бы это не сказалось на наших ролях, но...

— Ха! Еще бы она не переживала! Восемьдесят процентов упоминаний ее личности в прессе — это статьи о вашем романе. Может, она еще не поняла всех возможных для нее последствий, но Шейла сразу все учует, как верная гончая. Она не из тех, кто играет грязно,

но Томпсон ее ведущая рабочая лошадка. Посредственная, конечно, но Шейла сама сделала на нее основную ставку. Вот я бы на ее месте задвинула Томпсон в сторонку и переключилась на Мэри Остин. Внешность немного хуже, но таланта, если его отточить, больше, чем в Зоуи. Ладно, встречусь с Шейлой под каким-нибудь предлогом, прощупаю почву. Дам понять, что мы не будем кидаться говном, если они первые не станут его разбрасывать.

— Хелен, — улыбаюсь.

Мой агент любит все держать под контролем. А Шейла — это агент Зоуи, с которой они с Хелен знакомы очень давно.

— У них ничего на меня нет. Я никогда не позволял себе лишнего, пока встречался с Зоуи, ты же знаешь.

— Да, но ты же трахал не только ее?

— Это было ее предложение.

— Ты так и скажешь, когда выйдут газеты с информацией о том, что ты не мог держать своего дружка в штанах, а бедняжка Томпсон страдала и терпела столько времени? Будешь журналистам с пеной у рта доказывать, как она сама предложила свободные отношения? Она, конечно, паршивая актриса, но плачет в своих сериальчиках хорошо. Кажется, стик для слез всегда при ней.

— Она не станет.

— Мы не знаем. Я встречусь с Шейлой и сообщу, станут или нет. Ты уже уехал к сестре?

— Да, меня как раз кормили завтраком и допрашивали, — в этот момент я вижу, ту, которую жду с самого утра. Наконец, она выходит на террасу.

Какие же у нее потрясающие длинные ноги.

— Вот и отлично, побудь с семьей! И будь аккуратен.

— Не волнуйся, на меня уже наложили вето.

Наблюдаю, как девушка о чем-то радостно рассказывает Элизабет. И мне не приходится сомневаться, о ком именно она говорит. Она снимает с головы полотенце и мокрые волосы беспорядочно падают на ее плечи.

— Ты подобрал кого-то по дороге и приволок в дом? Красивая? — смеется на том конце провода Хелен.

— Нет, она уже была в доме, когда я приехал. — кажется, наша гостья сегодня без лифчика. — Пришлось только взять ее на руки и отнести на кровать. И да, красивая.

— Визжала от счастья?

— Спала.

— Так. У меня второй звонок. Отдыхай и смотри не влюбись там в спящую красавицу.

Хелен отключается.

Влюбиться? Усмехаюсь. На подобное безрассудство у меня нет ни сил, ни времени, ни желания.

Хлоя

Часто те или иные моменты из окружающей жизни воспринимаются мной, как кадры из фильма. Я люблю размышлять, с какого ракурса было бы лучше всего отснять тот или иной эпизод, как смонтировать, какую музыку наложить.

Утро дарит мне эффектную сцену. На террасе возле бассейна под большим зонтом стоит стол, окруженный мягкими стульями. На одном из них, положив одну ногу на другую, сидит прекрасная девушка — моя Лизи.

На ней широкая соломенная шляпа и светлое свободное платье.

Камера определенно должна начать снимать сверху (дальний план (Long Shot), а затем плавно спуститься вниз и остановиться на ее лице, переходя уже на крупный план.

— Доброе утро! — радостно приветствую героиню.

— Привет, соня. Надеюсь, хорошо спала?

— Превосходно! Извини, что я так поздно встала.

— Не говори глупости. У нас дома каждый встает, во сколько хочет. Садись и позавтракай. А мне надо тебе кое-что сказать.

Она явно чем-то озабочена, но меня разрывает от воспоминаний вчерашнего вечера, поэтому я нетерпеливо ее перебиваю.

— Сначала я! Gosh, Лизи, ты не представляешь, как хорош твой майдол! Нам надо съездить в ту аптеку и купить у них всю партию! Всю!

Полотенце на голове съезжает в сторону. Снимаю непоседу с волос и накидываю на спинку стула.

— Вчера я не видела единорогов или енотов, которых ты мне постоянно загадываешь, зато...

— Хлоя, сядь, пожалуйста. Мне надо сказать тебе...

— Нет, нет, я должна первая! — от переполняющих эмоций я начинаю подпрыгивать и пританцовывать на месте. — Вчера мне явился в моих галлюциногенных мечтах самый потрясающий, ослепительный и несравненный Райан Лив! Ты можешь себе это представить?

— Хлоя, — первый раз моя подруга так сильно хмурится. — Это...

Справа раздается шорох. Оборачиваюсь и застываю. Ноги наливаются свинцом. Рот предательски открывается и мало что способно вернуть его в обратное положение.

Но как?

Как?

Как?

Обезболивающие никогда не действуют так долго.

И если это не они, то почему Райан Лив в светлых брюках и синем поло сейчас подходит к нам?

Кажется, мне сложно дышать, а сердце еще немного и выпрыгнет из груди, умчавшись в космос.

Так он настоящий?

Этот вопрос бесконечное количество раз проносится в сознании. Ощущение, словно смотрю на себя со стороны и вижу свое ошарашенное и побелевшее лицо. Жалкое, позорное зрелище.

— Хлоя, — во вселенную моего ступора, вступает голос Лизи и разрывает остановившееся время — Я как раз хотела тебе сказать, что приехал мой брат.

Брат? Приехал ее брат? Но где он? И кто он? Какой брат?

У нее есть брат? Брат? Могу с уверенностью утверждать, что она никогда не упоминала никакого брата.

С непониманием поворачиваюсь на подругу, а затем вновь смотрю на актера из моих грез. Разум слишком ошеломлен происходящим и ему сложно соединить два куска простого пазла. Они кажутся неподходящими и неправильными. Ведь если он...

— Позвольте представиться, — сам Райан Лив стоит передо мной и протягивает свою руку.

Настоящий!!! — кричит сознание — Он точно настоящий...

— Я брат Элизабет, Райан.

— Хлоя, — протягиваю ладонь в ответ.

Вместе с током, который в меня ударяется при соприкосновении с ним, в голове загорается фраза «брат Элизабет». Она жжется и ощущается противоестественной. Фантастичной. Этого не может быть.

Смотрю на подругу.

Почему?

Почему ты молчала?

Ведь столько лет...

Желание потребовать от нее немедленного ответа велико, но я сдерживаюсь.

— Тот самый потрясающий, ослепительный и несравненный, — улыбаясь, говорит мужчина, не отпуская мою руку. — Очень рад познакомиться.

Чувствую, как вспыхивают мои щеки.

Gosh, на мне же нет лифчика.

Только бы никто не заметил.

К счастью, он выпускает мою ладонь, и я быстро скрещиваю руки на груди, чтобы прикрыть ненужные детали.

— Райан! — резко окрикает его Лизи и подходит ко мне. — Хлоя, я хотела тебе сказать еще вчера.

Вчера?

Серьезно?

А в остальное время нашей дружбы этого желания не возникало?

Да я же ей про свои фантазии рассказывала... И с кем? С ним! С ее братом? Мне хочется сказать, что подруги так не поступают. И что я не знаю, куда себя деть, но вместо этого говорю совершенно другое.

— Понятно. — киваю и делаю шаг назад. — Извините, но мне нужно ненадолго отойти.

— Хлоя, — Лизи пытается меня приобнять, но я отстраняюсь.

— Извини, мне правда нужно отлучиться. — стараюсь не смотреть на Райана оттого, что испытываю стыд.

Стыдно за свое поведение. А еще обидно. Будто меня предали. Предали там, где я этого совершенно не ожидала.

Отворачиваясь, быстро ухожу и бегом поднимаюсь по лестнице. Влетаю в дверь своей комнаты и закрываю ее с внутренней стороны.

Сердце бешено колотится.

Только бы Лизи не пошла за мной. Сейчас я не готова ее видеть.

Смотрю на свою руку, которую только что пожал звезда моих подростковых фантазий. Сколько раз я представляла себя шикарной актрисой, оказывающейся в богемной тусовке, где меня замечал Райан и влюблялся с первого взгляда.

Вот я иду в атласном платье, вокруг блестят стеклянные двери, и мое отражение двойится, тройится и множится, а он зачарованно идет за мной в строгом черном смокинге.

У меня имеется целая розовая охапка такого рода трейлер-встреч с ним, запрятанная глубоко в сердце.

А в реальности я предстала перед ним в глупых шортах и майке, на которой уже стерлись буквы, с мокрыми волосами и удивленными глазами. И кого напоминала? Огородное чучело?

Сползаю на пол и закрываю лицо руками. Как же стыдно.

Но почему она столько времени молчала?

Почему врала мне?

Слезы без спроса вытекают из глаз. Казалось бы, я должна прыгать от радости, ведь брат моей лучшей подруги сам Райан Лив, но внутри плещется горечь и обида.

Не покидает чувство, словно меня предали... И снова предателем оказался близкий друг.

Почему?

Неужели я заслужила эту ложь?

Как бы сильно мне не нравился Райан, тяжелое чувство из-за молчания лучшей подруги перевешивает.

Нет, я не могу здесь больше оставаться. Не смогу. Никак.

Быстро подхожу к шкафу и достаю первые попавшиеся джинсы. В руки попадают скинни. А где бойфренды? Ладно, не важно.

Беру лифчик (ни дня нельзя без него расслабиться) и темно-серую футболку с изображением TomJerry. Быстро натягиваю на себя.

Собрать чемодан? Нет, слишком долго. Надо просто уйти. Уйти. И желательно поскорее.

Вытаскиваю из ящичка маленькую сумку через плечо, перекладываю туда свои карты, наличку и ID. Обуваюсь в оливковые New balance. Теперь я готова к бегству. Морально не очень, но это единственный выход, который я вижу.

Стараясь не производить лишнего шума, открываю дверь и тихо, крадучись, выхожу из комнаты. Таким же образом дохожу до лестницы и спускаюсь вниз. Только раз останавливаюсь с бешено колотящимся сердцем, слыша звуки голосов в гостиной. Жду пару минут, а затем продолжаю свою дорогу к выходу.

Когда я, наконец, закрываю за собой входную дверь, пульс немного успокаивается. Главное выбежать за пределы владений Стилов, а дальше дойти до остановки. Конечно, без машины путь домой растянется часа на полтора, но другого пути нет.

Охранник Пол удивленно смотрит на меня, когда я раскрасневшаяся прошу открыть мне ворота.

Нет! Нет-нет, сообщать и спрашивать что-то у мисс Стил не нужно, только открыть мне ворота.

Как только механизм активируется, я желаю ему самого прекрасного дня и выбегаю.

Понятия не имею, что он обо мне думает. Во мне слишком много сталкивающихся

мыслей, не находящих ответа. И помочь им выплеснуться я могу только реактивным бегом.

Райан

Она похожа на дикого затравленного зверька, чьи большие зеленые глаза мечутся с меня на сестру и обратно. А потом ее ладонь оказывается в моих руках, и я должен признаться себе, что хочу эту девушку так же сильно, как и вчера. Смотрю Хлое в глаза, но все же подмечаю очертания груди под футболкой.

Интересно, какого цвета ее соски?

Ладонь у нее теплая и приятная. Не хочется выпускать ее из своей, потому я шучу, стараясь растянуть момент. Представляюсь ее же эпитетами, которыми она щедро меня одаривала.

Щеки русалочки вмиг становятся пунцовыми. Какие чертовски приятные искренние реакции. Хочется изучать ее без конца. Но сестра быстро одергивает меня. И я ухожу в тень.

Отхожу от гостыи и сажусь обратно на свой стул, предвкушая интересное продолжение завтрака. Только вот Хлоя не присоединяется к трапезе. Извиняется за что-то и спешит уйти.

Уйти?

Не то чтобы я слишком самоуверен, но еще ни одна женщина не захотела уйти, увидев меня поблизости.

Остаться любым возможным способом — да.

Окружить и, попытавшись соблазнить, вскарабкаться на меня — да.

Открыто сказать о своем желании стянуть с меня штаны — да.

Но уйти — никогда.

Это первый раз.

Хотя, она определенно волнуется. Даже руки скрестила в закрытую позу. Скорее всего, хочет прийти в себя. Принарядиться и только потом спуститься к нам.

Конечно, все женщины одинаковы в желании понравиться мужчине. Именно поэтому я пресекаю сестру в попытке пойти за Хлоей.

— Оставь ее одну. Ты видишь, она переволновалась. — это же очевидно.

— Вижу, но Райан...

— Может, ей надо побыть одной. Попрыгать немного от счастья, покричать: «Боже, это сам Райан Лив!». Потом переодеться в свое лучшее платье, накраситься...

— Ты такой самоуверенный, — Элизабет одаривает меня недовольным взглядом. — Не сравнивай ее со своим голливудским обществом. И вообще не смей ее обижать!

— Да я всего лишь вежливо с ней поздоровался. Не надо было?

— Братишка, я знаю этот твой взгляд. Когда ты смотришь на женщин, будто хищник готовящийся к прыжку. Я тебя предупреждала.

— Помню. Ты уже грозила мне экзекуцией, если я на нее прыгну. — усмехаюсь и отправляю в рот клубнику. — Я понял. Но, что если она сама сделает первый шаг?

— Не сделает. И не надейся. — сестра качает головой и улыбается так, словно я сказал бессмыслицу.

— Хорошо. — соглашаюсь. — Но, если сделает, я не намерен убегать. — медленно и спокойно проговариваю каждое слово.

— Райан. — гневно шипит Элизабет. — Она девственница!

Встает и раздосадовано уходит.

— Успокойся. — насмешливо говорю ей, но сестра даже не думает обернуться. — Не иди за ней, дай ей время.

Девственница.

Эта новость еще больше будоражит всколыхнувшийся во мне интерес к этой девушке. Но вместе с тем и все усложняет.

Если она одного с Элизабет возраста, ей, должно быть, двадцать один или двадцать два года.

И она до сих пор невинна. С ее внешностью и телом еще ни перед кем не раздвигала ноги. Сейчас такое поведение большая редкость.

Значит, хранит себя для чего-то светлого и чистого?

Что ж, Хлоя, если ты не дашь мне ясных намеков, трогать тебя я не стану.

Я точно не белый и не пушистый и определенно желаю увидеть твой оргазм... Чтобы ты билась и кричала подо мной, умоляя не останавливаться. Оттрахать тебя до дрожи в твоих сексуальных коленках... Но не стану этого делать.

И, пожалуйста, цени мое благородство, потому что эрекция сейчас больно давит на ширинку.

Когда буря в штанах успокаивается, я наливаю себе еще сока и, взяв стакан, иду искать сестру. Нахожу ее в гостиной. Сидит, уткнувшись в телефон, и нервно дергает ногой.

— Элизабет, — опускаюсь рядом с ней на диван и обнимаю правой рукой. — Ты обещала мне незабываемые каникулы, а сама взяла и надулась.

— Думаешь, она будет долго на меня сердиться? — тихо спрашивает мелкая.

— Уверен, она очень скоро успокоится. Все спокойно обдумает и осознает, что сегодня лучший день в ее жизни. — заговорщически говорю я и радуюсь при виде неуверенной улыбки на лице сестры.

Мы сидим, обнявшись, еще какое-то время. Всячески стараюсь говорить на отвлеченные темы. Рассказываю веселые случаи со съемок, но меня самого хватает ненадолго. Хочется расспросить ее о русалочке. И в какой-то момент плотина прорывается:

— Так значит, вы давно дружите? — бесстрастно говорю я.

Сестре не нужны уточнения о ком идет речь, она молча кивает.

— Дай угадаю, она мечтала общаться с самой Элизабет Стил и подсыпала тебе в еду зелье доверия, отчего ты потеряла бдительность.

— Мимо, — кончики губ ползут вверх.

— Тогда...

В эту минуту начинает звонить ее мобильный телефон. На экране высвечивается: «Пол». Она удивлена не меньше меня.

— Да, Пол. Что-то случилось? — мне не слышно ответа охранника, но Элизабет меняется в лице. — Понятно. Спасибо, что сообщил.

Закончив разговор, она гасит экран, но продолжает несколько секунд бесцельно смотреть на сотовый. А потом поднимает на меня глаза. В них тревога.

— Хлоя недавно ушла.

— Ушла? — недоверчиво переспрашиваю я. — Куда?

— Пол сказал, она попросила открыть ей ворота и убежала.

Смех сам резко вырывается из моего горла. Даже не знаю, будет ли Хелен продлевать со мной контракт, если я расскажу ей о том, что та, кому я нравлюсь в кино, убежала сразу же, как только увидела меня вживую.

— Это не смешно! — кричит на меня сестра. — Я сейчас же поеду за ней.

— Нет! — собравшись за долю секунды, совершенно серьезно смотрю на Элизабет. —

Позволь мне самому все уладить?

Дорогая Хлоя, еще ни одна женщина от меня далеко не убегала.

Хлоя

Если этот автобус не приедет в течение пятнадцати минут, я зажарюсь на костре собственных мыслей. Они нещадно крутят меня на вертеле, напоминая о том, как лучшая подруга много лет мне не доверяла и врала... И бонусом — я предстала умалишенной идиоткой перед актером из моих грез.

Практически утро мечты...

Из подросткового сериальчика попала сразу в драму. Если сейчас ко всему прочему меня для своих опытов решат похитить инопланетяне, можно еще сделать приписку жанра «хоррор».

И зачем я убежала?

Кто убегает, когда с тобой в одном доме Райан Лив...

Кто?

Никто!

Нет!

Все верно!

Моя подруга меня обманула!

Обманула.

А дружба намного важнее какого-то актера, чей образ в кино может диаметрально отличаться от того, какой он в жизни.

Но он не просто актер, он брат Лизи.

Вспоминаю, как Райан сжал мою руку и тепло улыбнулся. Oh my gosh¹, какой же он красивый. Эти беспорядочные светлые волосы, синева глаз и ямочка на щеке. Погодите-ка...

В голове зажигается лампочка. Какая ты, Хлоя, дура, они же похожи! Моя Лизи и Райан очень похожи. И как я могла за столько лет этого не заметить?

Разве смогу я вернуться в дом Стилов после того, как вчера, приняв его за побочный эффект майдола, говорила насколько сильно он мне нравится. Позорище позорное! Не то что вернуться, мне даже взглянуть на него будет стыдно. Все мечты о том, как он идет за мной, лучше бы так и оставались мечтами, чем осознавать, что теперь все, на что я могу рассчитывать, это снисходительный взгляд.

У меня в двадцать один год совсем нет мозгов.

Но ведь он так искренне сказал, что рад знакомству.

А что еще он должен был сказать? «Вот и ты, влюбленная в меня фанатка? Приветтики!»

И как на зло поблизости ни одного такси.

Случится одно из двух: меня одолеют либо мысли, либо солнце. Опускаю голову и закрываюсь руками. Надо как-то утихомирить хаотичный поток сознания в голове.

Через некоторое время слышу звук останавливающихся невдалеке колес. Но это точно не автобус. Поднимаю глаза и чувствую, как каменею.

Volvo орехового цвета, опущенное переднее стекло, за рулем сам Райан Лив.

Ущипните меня кто-нибудь. Кажется, тахикардия сегодня настигает меня несколько раз за день. Затуманенное солнцем состояние немедленно улетучивается.

— Давай я тебя подброшу? — улыбка на его лице стол притягательная и манящая, что сложно сразу оторвать взгляд.

— Не надо, спасибо. — через силу кое-как глухо отвечаю я.

Это наверняка Лизи попросила его приехать. Из жалости.

Да где носит этот автобус?

Он отстегивает ремень, выходит из машины и, обойдя ее, открывает передо мной переднюю пассажирскую дверь. На нем черные солнцезащитные очки, и, к моему сожалению, я не могу видеть его глаза.

— Лизи хотела приехать сама. Мне стоило больших трудов уговорить ее разрешить сделать это мне, — он поворачивает голову вправо и, следуя за его взглядом, вижу появившийся вдали автобус.

— Мне правда не хочется тебя тревожить. — говорю я, а сама думаю, как он сейчас уедет, и как я буду жалеть об этом всю свою оставшуюся никчемную жизнь.

Так и вижу картину в голове: *Парк. Немного утреннего тумана. Ворох сухих разлетающихся осенних листьев. Я — старушку на скамейке и мой вздох сожаления.*

— Тогда запрыгивай. — его голова вновь поворачивается на меня.

Сердце пропускает удар.

Если останусь сидеть на скамейке, то автобус подъедет и начнет сигналить. Это будет ужасно — убеждаю себя. Поэтому встаю и иду к машине. Сажусь на кожаное сидение, а за мной галантно закрывают дверь.

Когда машина отъезжает от остановки, Райан просит меня пристегнуться. И именно сейчас я настолько напряжена, что элементарно не могу вытянуть ремень безопасности. Так происходит каждый раз, если я спешу, волнуюсь или и то и другое вместе. Дергаю снова, но попытка тщетна. Чувствую себя полной идиоткой. Остановившись на светофоре, актер моих грез придвигается плотнее ко мне. Оказывается настолько близко, что я ощущаю аромат его парфюма вместе с чем-то терпким и в то же время сладким. Запах его кожи? Сильная мужская рука уверенно и плавно вытягивает ремень и четко фиксирует его скобу в скважине замка. А мое тело отчего-то вздрагивает и покрывается взволнованными мурашками.

— Извини. — тихо говорит он, отодвигаясь.

— Что? — непонимающе спрашиваю я, обескураженная и несколько потерянная от его секундной близости.

— Сегодня утром мне не стоило шутить. Это было не вежливо.

— Все нормально, — стараюсь не выдать волнение, быстро лепечу в ответ.

— Не уверен. Ведь ты даже не позавтракала. Не против, если мы заедем куда-нибудь и поедим?

В моих фантазиях он часто звал меня на завтраки, ужины и всяческие романтические прогулки. И, конечно же, я бойко ему отвечала. Игриво улыбалась и делала великое одолжение. В жизни же проваливаю все свои годовые сценарные наработки, обретая паралич речи и пунцовость щек. Мои попытки вытащить из себя звуки с грохотом разбиваются о реальность.

Но ему, как оказывается, и не нужен мой ответ. Он проезжает несколько известных мест с довольно неплохими завтраками, но так и не останавливается возле них. Временами хмурит лоб, однако мне неведомы его мысли, поэтому все, чем я занята — это дыханием. С его помощью я стараюсь успокоить себя и свой грохочущий пульс.

Насчет пять — вдох, на три — задержка, на восемь — выдох.

Но даже больше волшебного дыхания мне помогает сам Райан. Он полностью расслаблен. Улыбаясь, актер рассказывает о Саннивейле времен его учебы в школе. В нем

нет позерства или самолюбия. Уверенность — да, она сшибает с ног. Но при этом с ним чувствуешь себя комфортно и просто.

Мужчина много шутит и несколько раз я не могу сдержать смеха. Наконец, он выбирает кафешку и останавливает автомобиль на парковке. Натягивает кепку, надевает очки. Здесь немногочисленно и, кажется только теперь я понимаю, почему он выбрал именно это место.

Мысль о возможном неуместном внимании к его персоне не сразу возникла в моей голове. Тем более, вряд ли ему нужна лишняя головная боль и фотография в прессе с такой, как я. Совершенно обычной студенткой.

— Расскажи, как вы начали дружить с Элизабет? — интересуется Райан, когда официантка ставит перед нами наш заказ.

Он взял эспрессо, а к моему капучино велел принести стандартный завтрак. Поэтому передо мной большая тарелка, на которой красуется аппетитная яичница с жареным беконом и парочкой тостов.

— Она подсела однажды ко мне во время ланча и стала болтать так, будто мы сто лет знакомы. — отвечаю я, стараясь контролировать свое слюноотделение, но голод дает о себе знать.

— Уверен, именно так и было. — усмехается он. — А теперь начинай, пожалуйста, есть или мне придется кормить тебя с ложечки.

От этих слов мои щеки вспыхивают. Фантазия оказывается испорченной и неконтролируемой. Я хватаю вилку с ножом и, отрезая кусок бекона, отправляю его себе в рот.

— Вкусно?

— Очень. — стараюсь не смотреть на него, а сконцентрироваться на еде, иначе начну трястись и не смогу отправить в рот ни один кусочек.

Но он ведет себя так, будто мы завтракали вдвоем уже не раз. Совсем как Лизи в тот день, подсевшая ко мне в школьной столовой. Шутит и рассказывает о каких-то забавных ситуациях, помогая расслабиться и обрести, если не уверенность, то хотя бы немного спокойствия. И уже через некоторое время, оставляя на тарелке недоеденный тост, я поднимаю на него глаза без страха и дрожи.

— Наелась? — спрашивает Райан, и я спешно киваю. — Тогда у меня будет к тебе просьба. Я понимаю, ты хочешь вернуться домой. И мы обязательно заедем к тебе, но, прошу тебя потом поехать со мной в дом Стилов.

Дом Стилов — именно так он называет дом своего отца. И это видится мне странным. Ведь это и его дом тоже.

— Я не могу.

— Это из-за меня? Если так, то я сегодня же уеду, и вы с Элизабет...

— Нет! — кажется, вскрикиваю слишком громко, потому что официантка, разливающая кофе по чашкам за соседним столом, изумленно оборачивается в нашу сторону, — Это не из-за тебя.

— Вам следует поговорить с Элизабет. Уверен, у нее есть веская причина, которая все расставит по местам. Просто дай ей шанс, Хлоя.

— Я не могу вернуться, извини.

— Хорошо. — мне мерещится, будто его настроение немного портится. — Тогда я тоже не смогу остаться в этом доме и уеду сегодня вечером.

— Но Лизи расстроится. — шепчу, пытаюсь его переубедить.

На подругу я очень зла, но прекрасно помню насколько она была счастлива, летая к своему так называемому «дяде». И, если он первый раз приехал за столько лет, то мне не хочется быть причиной его отъезда...

— Будет ей уроком. — с улыбкой отвечает Райан и делает официантке знак рукой, давая понять, что готов расплатиться.

В машине он лишает меня возможности самой взяться за ремень. Вновь наклоняется ко мне. Замираю. Боюсь шелохнуться. Его лицо и губы так близко, что волнующий огонь проносится по всему телу.

— Спасибо, — лепечу я несмело.

*

При виде Райана ба ведет себя на удивление сдержанно, за исключением кокетства, которое неожиданно вспыхивает в ней невиданными для меня ранее красками. Когда наш гость отлучается в уборную, она за пару секунд вытягивает из меня всю случившуюся историю.

— У тебя есть выбор. — быстро произносит ба, доставая из шкафа варенье. — Остаться дома, проявить гордость и потом всю жизнь жалеть. Или поехать и провести незабываемое лето. Сможешь влюбиться и... Главное, предохраняйся.

— Бабушка! — шиплю я.

— И, скорее всего, тебе разобьют сердце, моя дорогая. У него таких, как ты, море. Но, раз он сам помчался за тобой, значит, в этот промежуток времени ты смогла его заинтересовать. А он из тех, кто получает свое... — она задумчиво улыбается, опуская банку варенья на стол около моей руки. — Когда все закончится, ты будешь плакать и страдать. Но, если будешь готова к этому, тебе будет намного легче.

— И после этого предлагаешь мне поехать? — обескураженно округляю глаза.

— Конечно! Это будут незабываемые мгновения твоей жизни. А жизнь — это именно мгновения, которые так дороги в старости.

Райан

Русалочка снова в моей машине. Ее неуверенно произнесенные слова: «Я согласна поехать с тобой обратно в особняк Стилов» — отдаются во мне мыслями о том, как сложно будет не трогать девушку, если уже сейчас я готов положить ее к себе на колени и запустить руку под футболку.

Вокруг меня постоянно крутится бесчисленное количество уверенных в себе женщин, за которыми волочатся мужчины. Но ни к одной из них меня никогда не тянуло так же сильно, как тянет к робкой подруге младшей сестры.

Рядом с Хлоей я чувствую себя иначе. Хочется быть лучше, чем я есть на самом деле. Хочется оберегать ее. Обнять и прижать к себе. Вдыхать сладкий запах волнистых волос и защищать от любых подлостей окружающего мира. И это, несмотря на то, что мы знакомы всего несколько часов

И все эти мысли мне не свойственны.

Совершенно.

Оттого я с легкостью списываю их на усталость, закономерно возникшую после длительного процесса съемок.

Последние четыре серии вымотали всю съёмочную группу. Причем не только морально, но и физически.

Мне необходимо отдохнуть и отвлечься от работы, а она всего лишь оказалась рядом. Случайное стечение обстоятельств и ничего больше. Скорее всего ее лицо сотрется из моей памяти сразу же, как только я уеду обратно в Лос-Анджелес. А пока, пока у меня заслуженные каникулы, во время которых необходимо восстановить силы.

Я вызвался поехать за Хлоей не столько ради самой Элизабет, сколько из-за закравшихся сомнений насчет ее подруги. Мелкая еще с детства обходит женщин стороной, и любое ее общение с девушками вызывает подозрения. Здесь же мне было сказано не о простом общении, а о настоящей дружбе. Настораживало еще и то, что сестра пригласила подругу в дом и выделила ей одну из самых лучших комнат.

Элизабет, несомненно, умна не по годам, но, может, нашлась та, кто оказалась хитрее. Втерлась в доверие и решила войти в семейство Стилов.

Мне плевать на отца, но я понимаю, что, добравшись до него, юная особа смогла бы иметь нешуточное влияние и на будущее сестры.

Но русалочка разрушила мою теорию о коварстве одним своим взглядом еще на автобусной остановке. Я встречал и трахал слишком много женщин, в том числе актрис, чтобы подметить полное отсутствие женского коварства.

Лишь робость и волнение переплетались в Хлое. Настоящие и настолько трогательные, что нестерпимо хотелось дотронуться до ее кожи.

Метания в нерешительности — все это присутствовало. При этом они переплетались с природной грацией и изяществом. Она являла собой удивительное воплощение противоречивых эмоций, отображающихся на ее привлекательном лице.

Я знал и отчетливо видел, как нравлюсь ей. И если рядом с другими женщинами подобное знание вызывало во мне скуку, то с ней будоражило воображение. Минуты ее искреннего смеха над моими шутками приносили новые волны желания и отчетливые сцены

той минуты, в которой я трахаю Хлою на переднем сидении, сажая себе на колени снова и снова.

К счастью, быстро переключать мысли, работая в актерской среде, мне тоже пришлось научиться.

Я в очередной раз не позволил Хлое самой перекинуть ремень безопасности, наслаждаясь тем, какой эффект производит на девушку моя близость.

Ее кожу моментально покрыл румянец. Маленький ротик слегка приоткрылся, стараясь вобрать в себя больше кислорода.

Она напоминала мне беззащитного мотылька. Ее губы остро хотелось попробовать на вкус, а мысли собрать вокруг себя в плотное кольцо, чтобы только обо мне она ежесекундно грезил.

Зачем мне это?

Я уеду спустя пару месяцев и что оставлю после себя?

Ее разбитые мечты?

Нет. Не хочу использовать ее в качестве своего очередного секс-приключения. Неужели сестра настолько хорошо меня знает, что действительно купила специальные золотые ножнички? Золотые, мать его.

Снова усмехаюсь.

И как, должно быть, ей дорога та, кто сейчас сидит рядом со мной в машине, раз Элизабет готова отрезать собственному брату яйца?

Всю дорогу обратно я шучу и стараюсь не загонять русалочку в сети. Убеждаю себя в несокрушимой силе воли и в том, что не трону эту девушку.

Ради сестры. Ради сестры и ради самой Хлои. Проще простого. Главное не смотреть, как она смеется. Почему ее смех меня так заводит?

Мы доезжаем до особняка Стилов. Я глушу мотор и русалочка, улыбаясь, доверчиво смотрит на меня.

— Ты иди в дом, — говорю ей, — А я поставлю машину в гараж и приду.

— Я так часто тебя представляла, — слишком искренне и быстро лепечет она. Мотылек, что ты творишь, ты хоть понимаешь, что выносишь себе приговор.

— Но в жизни ты оказался намного лучше.

Что же ты творишь.

Не смотри на мои губы, Хлоя. Не лишай себя последнего шанса.

Но она опускает робкий взгляд на мой рот, и я понимаю, никакие убеждения не смогут помочь.

Девушка смущенно отводит глаза, слишком поздно осознавая себя и свои бесхитростные откровенные импульсы. Краснея, тянется к ручке, чтобы открыть дверь.

Мое внутреннее животное уже все решило. Скольжу взглядом по ее округлым ягодицам, пока она выходит из машины.

Хлоя, я намного хуже, чем ты думаешь, но обещаю трахнуть тебя так, что стоны вместе с моим именем не раз будут вылетать из твоих алых губ.

Хлоя

Мне хочется сгореть со стыда. Это что за моменты откровений, Хлоя Райт? Что за безумные «часто представляла»?

У тебя совсем нет мозгов?

И что он теперь обо мне подумает?

Ты бы еще рассказала ему в подробностях про свои фантазии.

Дорогой Райан, присаживайся, пожалуйста, поудобнее, сейчас я покажу тебе многочасовой фильм о своем буйном воображении. Ты, кстати, в главной роли.

Почему нельзя перемотать время назад? Надо было сказать «спасибо» или «спасибо за завтрак» и спокойно выйти из машины, без полоумных улыбок. Показывая, что я не какая-то озабоченная фанатка.

— Хлоя, — голос Лизи выбрасывает меня в реальный мир.

Подруга стоит напротив и неуверенно смотрит на меня красными глазами. Не успеваю ничего ответить, как она тут же кидается мне на шею. Мои руки не слушаются и обнимают ее в ответ.

— Я все еще зла, и нам надо серьезно поговорить.

— Да-да-да! — радостно соглашается она.

— Но, может, лучше у тебя или у меня в комнате.

— Давай у меня? — схватив мою руку, она тащит меня вверх по лестнице. — Я тебе как раз хотела одно новое средство для кожи показать. Корейцы какие-то волшебники!

Когда мы оказываемся в ее спальне и дверь за нами закрывается, то, что гложет меня с утра выходит наружу:

— Мы дружим с тобой со средней школы. Когда ты собиралась рассказать мне о том, что Райан Лив твой брат? — негодую и нахожу свой праведный гнев полностью оправданным.

— Ну... Ты мне значит: «Хочу кидать в него свои трусики». А я тебе тоном мегеры-преподши, как наша мисс Джил Сандеро: «Вообще-то милочка, я его сестра. Усмири свои хотелки и следи за языком», — Лизи слишком хорошо пародирует грубоватый голос нашей учительницы географии, отчего мне не удается сдержать смешок.

— Не было такого про трусики! — кидаюсь в нее подушкой.

— Всего лишь помогла озвучить твои сокровенные мысли. — смеется она и, успокоившись, добавляет. — Я так рада, что ты вернулась. Писала Райану почти каждые пять минут, а он, гад, отвечал кратко и туманно.

— Он был очень мил и галантен. — тихо произношу, стараясь оставаться спокойной.

— О, нет, — Лизи оценивающе смотрит на меня и тянется к пачке чипсов, лежащих у нее на столике. — Ты, конечно, его давняя фанатка, но не могла же ты влюбиться в него за одно утро! Подруга, это не серьезно!

— Да с чего ты взяла? — отмахиваюсь.

— Да с того, что ты вся светишься! — подходит ближе и серьезно добавляет. — Давай я дам тебе пощечину? Нельзя в него влюбляться.

— Успокойся. Ты с ума сошла? Мне уехать обратно?

— Ни в коем случае! Садись и рассказывай, что вы делали? Он приставал, обольщал,

сворачивал?

— Лизи!

— Разочарование на твоём лице меня успокаивает, — без жалости говорит подруга.

— Я ничего не расскажу, пока ты не скажешь, почему столько лет мне врал? Ты мне настолько сильно не доверяешь? Я думала, что мы близкие друзья.

— Ты для меня не просто подруга, ты один из самых близких людей. — перебивает Лизи. Эти слова она произносит искренне, смотря прямо мне в глаза. — И я не врала тебе. Никогда. Возможно, недоговаривала или немного изменяла...

— Врала, — безапелляционно поправляю я.

Наследница Тру Голд опускает голову и молчит пару мину.

— Есть несколько причин. Но основная: я боялась потерять. — в её голубых глазах я вижу боль, однако не понимаю её причины.

— Потерять?

— Да. Твое общение. Хлоя, ты моя единственная подруга. Я никогда не сблизилась с кем-то также, как с тобой. И я знала о твоём отношении к Райану. Извини, я знаю, что это прозвучит ужасно эгоистично, но мне так не хотелось уходить на второй план, если ты узнаешь, кто мой брат. Мне казалось, я потеряю для тебя всякий интерес и все наши разговоры будут так или иначе сводиться на тему Райана. Наша дружба со временем превратится в одно постоянное обсуждение его таланта и улыбки. А это уже будет не дружба, а какой-то односторонний фан-клуб. И тогда я бы начала всех ненавидеть. Себя — за слабость и неспособность заткнуть твои разговоры о нём. Его — за то, что увел тебя у меня. И тебя — за то, что предпочла его мне...

Какое-то время мы сидим молча, и каждая думает о своём.

— Ты считаешь меня конченной эгоисткой? Да? — Лизи первой разрывает тишину. — Я понимаю тебя.

— Нет, — придвигаюсь к ней и заключаю в крепкие объятия. — Просто думаю, какая я дура. Но за сегодня это ощущение стало чем-то вроде нормы. Говорят, люди с годами умнеют, видимо, не мой случай.

— Почему ты так говоришь, Хлоя-моня? — с любопытством смотрит Лизи, слегка отодвигаясь, но не расцепляя объятия. — Хочу знать все детали.

— Никаких деталей. Наши разговоры не будут о твоём брате, чтобы ты не воображала будто...

— Нет, нет, — вскакивает она с места. — Это я раньше так думала, сейчас все иначе! Клянусь моей коллекцией духов! — недоверчиво поднимаю на неё глаза. — Можем хоть сутками говорить о Райане. Главное, только бы тебе это не навредило.

— Ничего не понимаю.

— Понимаешь ли, я слишком хорошо знаю своего брата. Он потрясающий, и я его люблю больше всего на свете. Но женщины наскучивают ему так часто, что я давно сбилась со счета. А видеть тебя в его списке завоеваний я не согласна. Вот в особом, — сверкает глазами блондинка, — Да... Поэтому постарайся, пожалуйста, не терять сразу голову, если, конечно, ты уже не влюбилась в него.

Мой сотовый, мирно покоившийся в кармане джинсов, начинает вибрировать. Достāju и смотрю на сообщение от Хэнка Тернера.

— Что случилось? — задает вопрос Лизи и я молча передаю ей свой телефон. А через секунду она произносит. — Вот же урод.

До премьеры моей пьесы осталось совсем мало времени, а актер, исполняющий главную роль, прислал сообщение о намерении уехать на Гавайи. Завтра.

Великолепно.

Причем я помню, как Лизи несколько раз уточняла со всеми сроки и объясняла — спектакль будет показан на каникулах, поэтому первые три недели никому не следует уезжать.

Хэнк клялся и бил себя тетрадью по голове сценарием в подтверждение своих слов оставаться в городе. Отчасти именно из-за этого и из-за странного отношения Лизи ко второму кандидату, который, на мой взгляд, играл в разы лучше, был выбран тот, кто бессовестно отбывал вскоре на Гавайи.

Будет мне уроком на будущее — бьющим себя по голове тетрадями верить не стоит. Они таким образом тут же вышибают из себя данное тебе слово.

— У нас есть еще один кандидат. — спокойно произносит подруга.

— Он тебе не нравится, — откровенно озвучиваю я. — Не могу понять почему так, но Джордж тебя бесит. Сколько себя помню. А, так как главная роль — твоя, не уверена, что это хорошая идея.

— Главная роль моя, потому что я дружу со сценаристом.

— Лизи!

— Мы обе прекрасно это понимаем, — весело смеется она. — Но, раз ты доверила мне такое важное для себя дело, то я как-нибудь уживусь с Джорджем. Поверь, он мне вовсе не неприятен. — уверенная синева глаз смотрит не моргая. — Позвонишь ему?

— Даже не знаю...

Она встает и, сделав пару шагов к изголовью своей кровати, берет с круглого столика золотой iphone. Лизи стоит ко мне спиной, и я не могу видеть ее лица, только слышу уверенный голос, когда она прикладывает телефон к уху и говорит:

— Привет Джордж. Это Элизабет Стил. Как дела, не сильно отвлекаю?

— Да вот тоже. Слушай, тут Хэнк оказался козлом и подставил Хлою со спектаклем. Ты не мог бы его заменить?

Я сижу вся, как на иголках. Моя подруга спокойно звонит тому, от чьего вида она тотчас становится хмурой или начинает раздраженно теревить свои вещи. Мне она всегда с безразличной усмешкой заявляет, что ей плевать на капитана команды «Волков», но ее реакции говорят об обратном. И вот теперь ради меня она, как ни в чем не бывало, звонит ему и просит заменить Хэнка.

Перед Джорджем мне тоже стыдно. Он всегда был со мной мил и вежлив, да и на прослушивании показал себя в несколько раз лучше Хэнка и остальных участников. Но я видела, а точнее слышала дыхание Лизи во время его проб, поэтому, заткнув свой объективизм, дала шанс Хэнку. А теперь Джорджа просили прийти на помощь за пару недель до премьеры спектакля. Он имеет полное право послать нас вместе с Лизи далеко и надолго...

Но вместо этого моя подруга произносит:

— Отлично! Тогда ждем тебя завтра в час дня для репетиции. Я сейчас пришлю тебе адрес.

Неужели он согласился?

Все же Лизи умеет убеждать. Быстро позвонила, предложила и готово, дело улажено. У меня никогда так не получится. Сначала я буду час собираться, настраиваться на разговор и

репетировать перед зеркалом.

— Джордж — твой. — говорит Лизи, поворачиваясь в мою сторону и не отрывая взгляда от померкшего экрана.

— Как тебе только это удалось?

— Он не бросил бы тебя в беде. — усмехается она. — И это нам на руку.

Ее глаза вспыхивают. А это всегда свидетельствует об одном — в голове наследницы Тру Голд неожиданно сложился какой-то план, и она находит его поистине стоящим вложением.

— Хлоя! — оживленно кричит она, будто только увидела меня, и плюхается рядом с моими ногами на мягкий ковер. — Не отрицай, пожалуйста! Не отрицай! Скажи честно, тебе же понравился Райан?

— Что?

— Вот чего ты краснеешь? Мы же здесь вдвоем. Не как актер сериала, а как мужчина. Ты из стадии «люблю звезду» еще не полностью переключилась в реальность?

— Да с чего ты вообще такое взяла? — собрав остатки гордости, пытаюсь сопротивляться ее напору.

— Если ты будешь меня слушаться, мы попытаемся сделать так, что для Райана ты станешь не однодневным развлечением, а, — она кусает нижнюю губу и с азартом добавляет, — Настоящим сильным искушением. — Не хочу быть ничьим искушением.

— А он поможет тебе побороть свое стеснение! Которое тебе удастся подавить только на сцене. Считай, бесплатные актерские курсы!

— Ничего не хочу подавлять. — от блеска ее глаз становится не по себе. Но она уже все решила. И слушать меня не собирается. — Какие еще курсы?

— Завтра за завтраком я оглашу некую легенду, а ты, главное, ничего не отрицай.

— Что это ты собралась оглашать? Может, мне стоит узнать заранее? М?

— Нее, нам нужна будет твоя искренняя реакция! Можешь даже обидеться или начать возмущаться и отрицать — так даже лучше! — Лизи, умоляю! Давай не будем ничего делать. Мне не нужен твой брат, я лишь хочу спокойно отдохнуть с подругой.

— Но обещай не злиться! — меня уже никто не слушает, она вся погружена на глубину своего плана и шифует все имеющиеся детали.

— Это ради тебя, и ради Райана. Ты же знаешь, я могу заполучить, кого захочу?

— Знаю, да, но...

— Отлично! Завтра начнется новый спектакль.

Райан

Сегодня русалочка спускается к завтраку вместе с сестрой. Девушки оживленно и радостно что-то обсуждают. Значит, успели помириться и забыть вчерашние моменты недоверий.

Завидев меня, обе широко улыбаются. Небольшой румянец на щеках Хлои не ускользает от моих глаз. Внутренне я доволен. Огорчаюсь только тому, что она не забыла, как вчера, надеть лифчик. На ней белоснежная рубашка в мелкий горошек и светлые голубые брюки клеш из мягкой ткани.

Я бы предпочел, чтобы она была в платье, как моя сестра. Элизабет в коротком, обнажающем плечи наряде бледно-желтого цвета, который подчеркивает красивый загар.

— Как чудесно, что Клод сегодня с нами, — мелкая с нескрываемым аппетитом смотрит на накрытый стол.

— Хммм, не знаю, — наливая себе минералки, произношу я. — Ощущать вчера заботу сестры мне было намного приятнее.

— Ага, конечно. — усмехается Элизабет, протягивая руку к арахисовой пасте.

— Но почувствовать заботу Хлои я бы тоже был не против, — мне даже не приходится поворачивать голову, чтобы почувствовать замешательство в глазах русалочки и увидеть румянец на нежных щеках.

— Хлоя приехала сюда отдыхать, а не проявлять заботу кому попало, — показывает язык мелкая, имитируя пальцами движение ножниц, чем напоминает об угрозе моим яйцам.

— Ну разве же я кто попало? — поднимаю взгляд и смотрю в упор на Хлою.

Если жертва попадает в сеть, необходимо действовать быстро и умело. Будешь тянуть и сомневаться, она начнет дергаться, и ты не успеешь заметить, как добыча уйдет обратно в море.

Прошлая ночь дала четко понять, что мой зверь вышел на охоту вполне за определенной добычей. И никакие золотые ножницы не смогут меня остановить.

— Мы же вчера сдружились, разве нет?

— Да, — тихое и неуверенное подтверждение вылетает из ее алых губ.

— Раз вы сдружились, — обрадованно берет инициативу в свои руки сестра, — Тогда, Райан, может ты сможешь нам помочь?!

Этот тон ее голоса мне прекрасно известен. Он сообщает, что как раз в эту минуту она нахлобучивает на голову шлем, усаживается в танке и готовится ехать напролом. Поэтому я придаю лицу самое безмятежное выражение и спрашиваю:

— Ты разве не звала меня сюда отдохнуть?

— Ой, не будь букой! — Элизабет чарующе улыбается, намазывая толстый слой пасты на тост. — Как бы так начать...

Обеспокоенные взгляды русалочки совсем не радуют.

— Дело в том, что у нас в университете есть один парень. Он весь такой из себя спортсмен. Капитан футбольной команды. К тому же не тупой и якобы благородный. И вот одной девушке за этим столом он очень нравится... — Хлоя давится кофе и начинает кашлять. — Ну чего ты так реагируешь? Здесь все свои, а между своими не должно быть секретов.

Сестра как ни в чем не бывало по-дружески хлопает подругу по спине и заботливо протягивает салфетки. Затем поворачивается ко мне и доверительно уточняет:

— Его зовут Джордж.

— Элизабет, но ...

— Да, есть «но», — мелкая поправляет светлый локон. — Оно заключается в том, что Хлоя у нас девушка застенчивая.

Цвет лица русалочки переносится во все более темные оттенки красного.

Значит, ей нравится какой-то футболист.

Но отчего тогда такая явная реакция на меня?

Мне совершенно точно не показалось.

Все просто, — глумливо подсказывает мой внутренний голос, — Ты актер и мечта ее подросткового периода. На тебя так реагируют почти все поклонницы. А среди них есть вполне себе замужние женщины, но это не означает, что они в ту же минуту перестают любить своих мужей. Также и здесь. Чего удивляться, Райан?!

Ей нравится какой-то парень из университета...

Хренов футболист.

Почему эта новость так меня злит?

К счастью, я хороший актер и мое раздражение закрыто под ширмой увлеченной разговором улыбки.

— Не совсем понимаю свою роль в этой истории?

— Все просто. — сладко говорит сестра, — Научи ее быть более раскованной!

— Лизи! — в ужасе вскрикивает Хлоя.

— Это прекрасный шанс! Актерские уроки от голливудской звезды! Райан потрясающий актер. А год назад он преподавал игру двум юношам, когда я летала к нему летом. У него немного специфическая форма обучения, но я своими глазами наблюдала преобразования тех студентов, пока жила у брата. Он создает ситуации и обыгрывает их вместе с учениками. В моей идее одни плюсы для вас обоих. Ему хорошо — он будет поддерживать свой талант на отдыхе, а ты, в свою очередь, сможешь многое перенять у настоящего актера.

— И ты, наверняка, успела придумать сценарий и роли? — спрашиваю я.

Ничего из сказанного сестрой не входило в мои планы, но она умеет заряжать своей энергетикой. К тому же мне действительно интересно знать, что придумало ее богатое воображение.

— Нууу... — задумчиво тянет она.

Изображение нерешительности дается ей плохо. Очень плохо. Не сумев перебороть блеск в глазах, свидетельствующий о том, что роли ей давно известны, она тихо произносит:

— Сыграй ее наставника. Этакого холодного и бесчувственного мэтра, который обучает попавшую в его руки Мисс Зажатость искусству современной гейши. — затем Элизабет берет в руки стакан и заботливо вкладывает его в руку своей пунцовой подруги, — Выпей воды. А то ты сейчас чего доброго отключишься. Я имею в виду гейши по соблазнению и обольщению, чего ты себе навывдумывала? Никакой пошлятины. — поворот на меня. — И наша Хлоя-моня должна со временем преобразиться в более раскрепощенную девушку и стать роковой соблазнительницей. Конечная цель — охомутать Джорджа, а в процессе можно потренироваться на холодном наставнике.

— Нет-нет, — нервно произносит русалочка, — Не надо, пожалуйста, Райану нужно отдохнуть и у него свои дела...

— Я согласен, — разрезаю омлет и отправляю в рот большой кусок. — Клод действительно хорош. Но у меня есть условие.

— Не сомневаюсь, — азартно отвечает сестра. — Оно, надеюсь, адекватное?

— Вполне. Хочу, чтобы завтраки мне готовила Хлоя, — широко улыбаясь, смотрю на русалочку.

Как же мне чертовски нравятся ее губы.

Хлоя

Кажется, я готова убить Лизи. Или нет, не совсем так. Вначале провалиться сквозь землю, потом вернуться и вот тогда убить ее.

Еще вчера меня смущали неоднократные просьбы довериться ей и ничего не отрицать. Но откуда мне было знать, что придется соглашаться на подобное?! Джордж, конечно, хороший парень и действительно нравится мне, но не так! Не так!

Все, чего хотелось за завтраком — это кричать, что все не так и мне не нравится Джордж Шептон.

Не нравится.

Но какая разница.

Ему было определено все равно. Точнее, мне на секунду померещилось изменение его лица, но через мгновение его улыбка, которая бывает у тех, кому одновременно любопытно и так же безразлично ударила холодной пощечиной. Он слушал Лизи со смехом, с аппетитом поедая приготовленный Клодом омлет.

А чего ты хотела?

Думала, что за день в тебя влюбится сам Райан Лив?

Ха — ха — ха.

Он всего лишь был с тобой мил и только. Не думаешь же ты, что он поехал вчера за тобой из-за тебя самой? Он сделал это ради сестры. Свои глупые фантазии оставь себе. Закопай их или выкинь в океан, привязав к ним заранее большой булыжник.

Но зачем тогда он согласился на эту чудовищную глупость?

Что еще за особенный метод? Лизи не могла еще больше меня унижить: и про неуверенность, и про зажатость — все учла.

— Хлоя у нас потрясающая. — сияла подруга. — У нее шикарная фигура и ноги, как у модели. Но она не совершенно умеет себя правильно преподнести, а мои советы почему-то не доходят до нужной цели, — дула губы Лизи. — А ты будешь ее личным love-тренером. Ты же столько женщин оттра... видел. Хорошо знаешь, как должна вести себя девушка. Сделаешь из нее соблазнительницу. В обмен на завтраки.

— Зачем ей это? Ради футболиста? — Райан, отламывая хлеб, отправил в рот небольшой кусок и посмотрел на меня.

Если бы меня спросили, кто из живущих на планете ест аппетитнее всех, то все мои части тела немедленно повернулись бы в его сторону.

— У нее, может, своя уникальная нежная очаровательность.

— Райан, выключи, пожалуйста, свой взгляд ловеласа и признай, ты, хоть и согласился, но считаешь, что не сможешь добиться желаемого.

Почему мне хотелось встать и уйти?

Почему так обидно слышать, как подруга предлагает своему брату, в которого я влюблена с четырнадцати лет, вылепить из меня какую-то соблазнительницу? Но еще более обидно — он не верит в эту возможность. Неужели во мне нет ничего сексуального?

— Не уверен, что Хлое это нужно. — более серьезно ответил он, и я не узнала себя.

— Раз в меня никто не верит, давайте, пожалуйста, закончим.

— Я верю. — произнес он без тени шутки. — Через месяц этот парень будет твоим, не

сомневайся. Но ты должна полностью меня слушаться. В стенах этого дома ты будешь изображать влюбленную только в меня. И соблазнять должна исключительно меня.

Мое сознание еле себя контролировало. Не понимаю, как выдержала этот взгляд и улыбку. Почему захотелось признаться — уже влюблена... И это плохая, плохая идея.

Его слова гипнотизировали. Его «исключительно меня» ударило по мне электрическим зарядом, от которого внизу живота возникло томление. Никогда не думала, что мои мысли и тело настолько испорчены, но картина того, как его губы...

— Да, Хлоя должна изображать влюбленность, а ты полное отсутствие к ней интереса и даже холодность. — отрезвила меня Лизи со сталью в голосе. — Иначе, как мы пойдем, продвинулась ли в итоге наша Мисс Шикарные ноги в искусстве роковой обольстительницы? Посмотрим и оценим твои способности наставника, братик. — усмехнулась она. — И никакого физического контакта.

— Не выйдет. — мои щеки вспыхнули от того, как просто он это произнес. — Дотрагиваться до Хлои мне придется, Элизабет. Не смотри так. Идея ведь твоя. А касания мои будут только поверхностными, — поднявшись, он наклонился и поправил прядь моих волос.

Кажется, в ту минуту щеки могли бы побороться за яркость цвета с помидорами черри, которые лежали на столе.

Райан

Хрень.

Зачем лепить из Хлои соблазнительницу? Дешевых и пластмассовых барышень, расхаживающих по Беверли-Хилз, и так полно. Эрик тащит меня в клубы как раз ради таких вот девиц, умеющих вилять задом и выставлять напоказ глубокое декольте.

С каждым разом все сильнее воротит от этих кукол.

Русалочке не нужно становиться одной из них. В этом я совершенно точно уверен. Ее природная нежность и грация в разы лучше. Во много раз. Чего только стоят розовые щеки и невинный взгляд.

И если какой-то убогий футболист не может этого заметить, то пусть и дальше встречает своей тупой головой землю.

Раздражает.

Бесит сильнее Ларри Гарна.

Два убогих.

Почему женщинам нравятся убогие типы??!!

«Раз в меня никто не верит, давайте, пожалуйста, закончим.» — она так трогательно произнесла эти слова, что мне захотелось немедленно ее обнять.

И, чтоб тебя, каждый раз вспоминая ее лицо, до невыносимой духоты возникает желание войти в нее. Овладеть каждой клеточкой и полностью раствориться в ощущениях.

Но, пожалуйста, не волнуйся, Хлоя, я сделаю так, что этот недоумок футболист будет ползать в твоих ногах.

Может, у парня проблемы со зрением. Или он гей. Первый раз в жизни я так сильно заинтересован в том, чтобы незнакомый мне футболист оказался геем, предпочитающим исключительно мужские задницы.

Но...но... но...

Мы сделаем из тебя, дорогая русалочка, не простую доступную соблазнительницу. Мы создадим особенный, уникальный и единственный в своем роде эталон женственности. Пара интересных идей у меня как раз имеются.

Когда я лепил сам себя, то совершенствовался, беря пример у лучших из лучших. То же самое мы проделаем с тобой.

Если вдруг во время нашего тесного обучения твои мысли непрерывно будут смыкаться на мне, то в этом нет моей вины. И как только твое тело и разум начнут тянуться ко мне, то прости, но я вряд ли смогу себя контролировать.

Мелодия звонка растворяет видение. Ощущаю, как член в штанах не доволен невозможностью сейчас же показать себя в действии.

— Да?

— Мальчик мой, — раздается в трубке голос Хелен. — Трахаешь кого-то?

— Нет, — усмехаюсь в ответ. — Только представлял.

— Тем лучше, — в ее голосе скользит небольшая тревожность, а я слишком хорошо знаю своего агента, чтобы просто проигнорировать этот факт. — Оставь свои фантазии на потом и постарайся лишней раз не высовывать своего дружка. Эта сучка решила сменить политику. Они готовят интервью для Style Star. В нем Томпсон будет изображать жертву

твоих измен. Будет лучше, если на ближайшее время ты возьмёшь на себя роль страдающего одиночки, охреневающего от ее лжи.

Блядь...

— Но Зоуи рассталась со мной без всяких скандалов.

— Никаких девушек, Райан! — строго отрезает Хелен. — Во всяком случае пока. Папарацци начнут охоту на тебя сразу, как только выйдет статья. А я видела ее отрывки. Ты там выставлен далеко не романтичным героем, а кобелем, трахающим всё на своем пути. Поэтому играем роль переживающего страдальца. Чтобы эта сука на твоём фоне выглядела лживой сукой! — повторение двух раз слова сука в одном предложении — знак нешуточной злости моего агента.

— А что если дать ответное интервью? Опровергну «всё на своем пути» и добавлю, что формат выборки иногда присутствует. Так правдоподобнее.

— Райан, — смеется она в трубку, — За это я и люблю тебя больше остальных своих истеричных деток. Ты никогда не теряешь позитивный настрой и внешне остаешься спокойным. Но я все равно скажу, не переживай. Мы точно справимся. Только давай перенесем нашу встречу и увидимся в эти выходные, идет?

— Хочешь, чтобы я заранее подписал контракт на следующий сезон, пока не возникло никаких сложностей?

— И к тому же ты наделен не только красивой мордашкой, но и хорошей смекалкой, дорогой. Но не только поэтому. Так что, в Сан Антуане на выходных? Приедешь ради меня?

— Ради тебя, хоть на край света.

— Ты же понимаешь, что я тебя записываю и в случае чего буду шантажировать? — снова смеется она.

— Уверен в этом.

Хлоя

Сегодняшняя репетиция дается мне с трудом.

Изначально театральный кружок просто одобрил мою пьесу, изъявив желание поставить спектакль на своей сцене. Даже речи не шло о моем участии в качестве режиссера, но, кажется, Лизи приложила к этому свою руку. Об этом не стеснялись говорить злые языки, но мне на них все равно.

Я занимаю пост второго режиссера-постановщика и полностью вкладываюсь в работу.

И если мисс Ирма Дюкре вначале относилась ко мне скептически, то сейчас она время от времени спрашивает мое мнение по поводу того или иного действия. В такие минуты я ловлю на себе взгляд Лизи, отчетливо сигнализирующий: «Видишь, видишь?».

Когда же мы оказываемся вдвоем, она довольно произносит:

— Эта старая вампиресса поняла, какое ты сокровище, и уже не кривит свой перетянутый рот.

Вампирессой мисс Дюкре называют за ее вечно выбеленное лицо и любовь к раритетным платьям, в которых она появляется в любое время, независимо от времени года. Как она ходила в них в жару, остается загадкой.

Лизи серьезно предполагает, что «раз она вампир, то ее температура тела вполне это позволяет, а потому нечему удивляться».

— Она же не плохая, просто...

— Просто все творческие люди с придурью, я помню, да. — улыбается подруга.

— Хорошо, что ты смогла уговорить Джорджа. — поворачивается ко мне Дюкре на середине репетиции. — Мне кажется, у него с Элизабет больше химии, чем было у Тернера.

— Да-а, наверное — мямлю в ответ.

На самом деле, это первая репетиция, которая не вводит меня в состояние транса. Когда весь внешний мир перестает существовать, оставляя тебя наедине с актерами, играющими на сцене.

Мне всегда кажется, что сама я недостаточно хорошо могу играть, но вот чувствовать чужое перевоплощение получается на подсознательном уровне. Желания хвастаться или как-то превозносить свои таланты у меня нет, ведь пока я ничего не добила в жизни. Но ловить любую малейшую фальшь или неверно понятую интонацию выступающих получается легко. А после я просто обсуждаю с исполнителями, какие именно чувства и смысл необходимо вкладывать в реплику.

Вначале я дозированно и избирательно преподносила свои наблюдения мисс Дюкре. Боялась показаться наглой и самоуверенной. Но с каждым разом она стала все больше прислушиваться ко мне. И именно я все чаще выхожу на сцену для разъяснений, что и как следует играть. А где заламывать руки вовсе не обязательно.

Сегодня все иначе. Я жестоко корю себя за это, но никак не могу побороть свои мысли и перестать прокручивать в голове разговоры за завтраком.

Не сомневаюсь, все сказанное Лизи для моего же блага. Но зачем приплетать Джорджа? Зачем говорить о моей неуверенности в себе, да к тому же просить самого Райана Лива давать мне уроки?!

На мой взгляд, довольно специфические.

Что за методика вселения уверенности при изображении влюбленности? Внутри все вспыхивает, когда вспоминаю его улыбку и слова «В стенах этого дома ты будешь изображать влюблённую только в меня. И соблазнять должна исключительно меня.».

Лизи получила весь поток моего негодования, пока мы ехали в машине на репетицию.

Что еще за идея с соблазнительницей?

Меня вполне устраивает мое поведение.

Да я сама мисс раскованность и уверенность в себе!

— Неужели? — скептически кидает на меня взгляд подруга. — А кто однажды пару лет назад на Хэллоуин сидела, надувшись, и уверял, что мечтает быть королевой соблазна, чтобы Даг Лоуренс сломал себе шею.

Вот что у нее за память... Я уже давно забыла этот позорный эпизод своей биографии. Точнее, запихнула его в никому не нужные файлы для уничтожения.

В старших классах мне нравился Даг. Он производил впечатление благородного рыцаря и носил очки, которые придавали лицу сексуальную серьезность. Лизи не разделяла моих взглядов, описывая его, как «заурядного бычка, готового трахнуть, что полегче и само подвернется.» И уверенно добавляла:

«Очки у него убогие, Хлоя! И улыбается он тебе ради возможности списать у тебя математику. Помогать тебе его завоевывать не буду. Он и мизинца твоего не стоит.».

Но все же на вечеринку к Дафне Миллиган, куда собирались почти все наши одноклассники, Лизи меня подготовила. Не владея природным даром общения с макияжем и плойкой, я полностью доверила себя подруге.

Она в тот вечер надела шелковый комбинезон и подняла волосы в высокий хвост, меня же облачила в короткое голубое платье с открытой спиной и уложила волосы локонами на одну сторону.

— Хлоя, ты бомба! Только хватит тянуть юбку вниз! И учти, я тебе разрешаю только соблазнить Дага, без физического контакта!

Несмотря на чувство неловкости, я не могла не признать, что отражение в зеркале мне нравилось.

Мы вошли в дом Дафны и хозяйка вечеринки встретила нас радостным повизгиванием, а многие парни, ранее не обращавшие на меня внимания, начали кидать в нашу сторону заинтересованные взгляды.

Когда же я, наконец, перестала поправлять юбку и заботиться об открытой спине, вселенная посчитала, что я несколько поспешила забывать скромность. Завидев Дага и в первый раз почувствовав себя уверенной, я помахала ему рукой. Он ответил тем же, а потом Лика Вотс, с хохотом проходившая сквозь толпу, случайно толкнула меня, отчего бумажный стаканчик в моей руке накренился и апельсиновый сок не замедлил окрасить ткань моего платья.

— Смотри, куда прешь! — крикнула Лизи.

Уверена, она бы не оставила от Лики и мокрого места, но я сумела вовремя ее оттащить, а затем позорно убежала в туалет сушиться.

— Может, откроешь, и я помогу? — говорила подруга, стоя за дверью. — Почему ты не дала мне как следует вздуть эту корову.

— Все нормально. Лучше сходи и возьми нам чего-нибудь выпить.

— Думаю, чего-нибудь покрепче сока?

— Определенно.

Никакие попытки отмыть или уменьшить пятно не помогали. На самом деле, становилось только хуже, потому что мокрый круг на моем животе увеличивался. Появляться в таком виде не было никакого желания.

— Хлоя! — в дверь постучали. Это был голос Дага Лоуренса. Я затрепетала, подумав, он пришел утешить меня и поддержать.

— Да? — открыв дверь и стараясь держать руки на животе, ответила я.

— Ты еще долго? — пьяно осведомился он.

— А то нам очень надо, — хихикнула появившаяся за его спиной Лика. Она наклонилась ко мне и шепнула на ухо. — Выручай, подруга, спальни все заняли, а он уже под юбку лезет...

— К-к-онечно, — закивала я, — Проходите.

Выйдя, я уступила им ванную, на что Вотс подмигнула, сказав:

— Еще раз извини за платье.

Даг же молчал, занятый расстегиванием своего ремня.

К счастью, дверь за ними вовремя закрылась.

— Наслаждайтесь, — тихо произнесла я, когда голос за спиной произнес:

— Ты классно выглядишь. — Брендон радушно смотрел на меня.

— Издеваешься? — усмехнулась я тогда, благодарная ему.

А сейчас от одного этого воспоминания меня передернуло сильнее, чем от всей истории с Дагом.

Забывать.

Райан

Неделю спустя.

— Как, кстати, проводишь время в доме сестры? — спрашивает Хелен, когда мы заканчиваем со всеми деловыми вопросами.

Мы с ней несколько раз прошились по сценарию моего поведения, если Зоуи все же опубликует статью.

Официально мы пока не сообщали о нашем разрыве журналистам, поэтому газеты молчат.

Хелен вытряхнула из меня все детали разговора, который был с Зоуи при расставании, и, будь ее воля, она бы заперла своего подопечного в доме и не выпускала, пока возможная буря не уляжется. Но такой вариант меня не устраивает. Это еще больше убедит всех в моей вине перед Томпсон.

К тому же я не склонен верить, что Зоуи так поступит.

— Создаю прекрасную искусительницу.

— Оу.

— Сестра пригласила свою подругу пожить в дом Стилов и попросила для своей протеже частные уроки соблазнения мужчин.

— Эта та, которую ты хотел трахнуть?

— Да, — отправляя в рот сочное мясо, признаю я, — Но Элизабет пригрозила отрезать мне яйца при подобном раскладе.

Хелен отдается громкому смеху и некоторые посетители, сидящие за соседними столиками, с любопытством начинают на неё оборачиваться. Но мой агент никогда не стыдиться громких эмоций.

«Чем искреннее, — уверяет она меня, — Тем честнее».

— Даже золотые ножнички купила.

— Обожаю рассказы про Элизабет. Ты должен меня с ней однажды познакомить.

— Вряд ли. Вы можете поладить. А это мне абсолютно не на руку.

— И всё же, возвращаясь к той девушке. Сомневаюсь, что тебя может хоть что-либо остановить, если ты захочешь залезть кому-то в трусы.

— Не сможет, — соглашаюсь и делаю глоток «красного сухого вина».

На наших подобных встречах я всегда заранее прошу официанта налить в бокал для вина вишневого сока. И всегда ловлю один и тот же взгляд удивления.

— Но ты уже неделю живешь у сестры и всё ещё там не был?

— Нет.

— Хммм... — она насаживает креветку на вилку и отправляет себе в рот. — Тебе сейчас нельзя влюбляться.

— С какой стати мне влюбляться?

Как ни странно, но с моим агентом всегда проще, легче и комфортнее общаться, чем с собственной матерью.

— Она уже тебе нравилась, а сейчас ты еще и вылепишь из неё то, что желаешь. И это всё было бы прекрасной историей, если бы не ситуация с Томпсон.

— Плевать мне на Зоуи, у неё на меня нет никакого компромата.

— Ты не узнаешь настоящую силу врага, пока он выжидает. И это я не про Зоуи.

— Она девственница, — снова перехожу на более приятную для меня тему.

— Тебя это тоже обычно не сильно останавливает. — усмехается Хелен. — И понять твой фетиш на невинность мне не дано, Райан. Ты уже столько лет в бизнесе, а так и не понял, человека определяет то, какие мысли крутятся в его голове, а не то... — увлеченно говорит моя собеседница, как неожиданно осекается, перепрыгивая на другую мысль, возникшую в голове. — Или ты уже настолько к ней проникся, что этот факт тебя сдерживает? К тому же, факт, который тебя самого еще больше привлекает...

— Я ее знаю всего неделю.

— Но ты не отрицаешь. — прищурившись, смотрит на меня. Берет бокал в руку и делает пару жадных глотков. — Есть ее фотография? — глаза Хелен сияют, а изумление плавно переходит в радость. — Я обязана увидеть ту, кто даже без постели сумела сбить с ног нашего красавчика.

— У меня нет ее снимков. И прекрати так улыбаться.

— Как ее, говоришь, зовут? — спрашивает, доставая из маленькой сумочки телефон и не терпя возражений.

Я выжидаю чуть дольше трех секунд, прежде чем отвечаю:

— Хлоя.

И женщина, которая при необходимости поднимет из гробниц фараонов, уже через пару минут восклицает:

— А она хорошенькая! И даже очень!

— Где ты смотришь?

— Нашла в инстаграм твоей сестры. Она ведь ее единственная подруга. А через Элизабет уже вышла на нее страницу.

— У тебя есть инста Элизабет?

— У меня есть все, что связано с тобой, мой мальчик. — самодовольно произносит она. — Слушай, а у нее неплохой типаж. Может, и талант есть?

— Нет. — отрезаю.

— Бездарна?

— Нет. Никакого актерства для Хлои.

— Посмотрите, как он заговорил. Ты трахал Томпсон, а она актриса. И, кстати, твоя Эмилия, тоже актриса. Или ты про нее, наконец, забыл?

А ведь правда. Только сейчас осознаю, что целую неделю не прокручивал в голове образ Эмилии.

— Угадала? — весело подмигивает Хелен, но я не отвечаю, а только улыбаюсь.

— Ох уж эта твоя улыбка кота. Уверена, бедная девочка вся уже извелась. Трахни ее, я полностью одобряю твой поступок. Чего ты так смотришь, разве не именно это ты хотел услышать? — она салютует бокалом, а затем подносит его к губам, давая тем самым понять, что пьет в честь моего будущего секса.

— Ей нравится какой-то парень из университета. — спокойно отвечаю я, хотя выдавить из себя эти слова оказывается непростым занятием.

В следующую секунду мой агент прыскает и взрывается еще одним приступом громкого смеха. Пара за соседним столиком, помпезно разодетая в белые наряды, судя по надменным взглядам, всячески не одобряет поведение Хелен.

— И за неделю ты не успел ее охмурить?

— Я всего лишь ее подростковая фантазия. И только. А наняли меня обучать Хлою как раз-таки из-за этого Джорджа, — сладкий и оттого мерзкий вкус сока оказывается во рту. — Про которого она не забывает упомянуть каждый день. Я же играю роль холодного и сурового наставника.

— А ты, смотрю, злишься. — Хелен, настолько довольную разговором, я, признаться, видел давно.

— Потому что, блядь, я каждый день заставляю ее играть влюбленность в меня и соблазнять меня! А она вчера, когда мы чуть не поцеловались, ляпнула: «А Джордж любит рисовать.» — ярость снова разрастается во мне, стоит только вспомнить этот эпизод. — Какой на хрен, Джордж? Еще ни одна женщина не говорила мне такую чушь, когда мои губы были в паре сантиметров от ее рта.

— Да... — моя собеседница облокачивается на спинку стула и, задумчиво глядя куда-то вдаль, подносит руки к губам — Она прекрасна! Но, как жаль, что настолько бездарна, раз даже не может толком сыграть влюбленность в тебя.

— Может.

— Таак... — поддается вперед. — Смотрит влюбленным взглядом?

— Да. — подтверждаю глухим голосом. — Хелен, мать его. Я не знаю, что это. Когда она смотрит мне в глаза, я отчетливо вижу, что для нее нет никого кроме меня. Но говорит иногда такое...

— В какие моменты она это говорит? Не тогда ли, когда между вами вспыхивают искры или, как вчера, созревает поцелуй?

Быстро пробегаюсь по всем ее упоминаниям этого убогого Джорджа.

— Похоже на то.

— Тогда трахни ее. Даже если она будет пятиться от тебя с тетрадкой-оберегом, в которой на всех страницах выведено имя «Джордж» и обведено сотнями сердечек. Мы совсем забыли о твоей сестре. А она бы не подпустила тебя близко к лучшей подруге без должного урока.

— Ты считаешь, что...

А ведь правда, как я сам не додумался. Был занят...

— Уверена. Ты, наверняка, слишком часто думал о сексе с Хлоей, упуская важную деталь. Может, этот Джордж девочке и не нравится вовсе. Мне именно так и кажется. Скорее всего, персонаж создан для того, чтобы держать тебя, нашего расхищающего женские трусики, красавчика, подальше от героини. К тому же, тебе самому отведена роль незаинтересованного наставника. Не задумывался почему? А потому, что ты ко всем своим ролям подходишь ответственно и серьезно.

— Хелен.

— Не благодари. Трахнуть ее вне дома я тебе запрещаю. После статьи Томпсон, которая отчего-то столько тянет с ее выходом, это не закончится словом «хорошо». Но и в доме твоего отца тоже может быть опасно, — на мой вопросительный взгляд, она, смеясь, дополняет. — Там же золотые ножнички. Не забывай, Райан. — и широко улыбается.

Хлоя

Те дни, что я провожу в особняке Стиллов, похожи на сладкую пытку. Периодами я страдаю, но при этом умудряюсь обождать все происходящее вокруг. Кажется, это самая прекрасную неделя в моей жизни.

Райан улетел вчера утром и должен вернуться только завтра вечером, но бабочки в моем животе сходят с ума и уверяют, что это слишком долго. Слишком.

Лизи щиплет меня за руку, пока мы лежим на соседних шезлонгах около бассейна:

— Ты хоть сделай вид, что не так скучаешь по нему! Этот тиран уехал, и мы можем свободно вздохнуть.

— Он не тиран...

— Неужели? — хитрым взглядом смотрит подруга. — А кто ныл в пятницу?

— Нууу...

*

На самом деле Райан подошёл к просьбе сестры по созданию из меня соблазнительницы неожиданно серьезно. Кажется, даже наследница Тру Голд не ожидала от него такой прыти.

И непонятно отчего мне так стыдно перед капитаном «Волков», но теперь, встречая Джорджа на репетициях, я краснею, будто за его спиной ежедневно варю зелья с целью его скорейшего приворожения.

Наши специфические занятия с Райаном длятся с двенадцати дня до шести вечера. Если у нас с Лизи в этот период имеется запланированная репетиция в драмкружке, то время сдвигается.

Он в тот же вечер огласил нам свои условия «мастер-класса». На начальные предложения моей подруги о «полном нон-стоп погружении» был дан категорически отказ.

— После шести — недовольно шептала мне Лизи, — Этот кобель снимет с себя роль холодного наставника, так что не смей от меня отходить.

— Да он даже не смотрит в мою сторону...

— Ты и пикнуть не успеешь, как будешь лежать без белья с раздвинутыми ногами. — не знаю, что она читала на моем лице, но ехидно добавляла. — Ты ещё успеешь их раздвинуть, но пока держи колени вместе, а ночью надевай железные трусы и завязывай ноги тугим ремнём.

До завтрака Райан уходил на пробежку, а я спускалась готовить ему завтрак. Моя белокурая опекунша ужасно возмущалась, но больше бесилась оттого, что мне самой нравилась отведенная мне роль.

— Ты такая глупенькая, — качала головой Лизи и демонстративно закатывала глаза. Красивые небесно-голубые, точь-в-точь, как у ее брата.

Клод первое мое появление на кухне воспринял, как личное оскорбление. Но на попытки объяснить только помахал руками и отвернулся к своей готовке. А в дальнейшем подчеркнуто меня не замечал. Однако периодически кисло поглядывал на мою яичницу. Уверая одним взглядом — более жалких яиц на сковороде, он давно не видел.

Когда в очередной раз он страдальчески изучил содержимое тарелки, в котором красовалось приготовленное для Райана блюдо, и тихо на французском высказался о странностях американцев, меня это позабавило. Я без задней мысли задала ему встречный

вопрос. Озвучив его также на французском.

На самом деле мне уже давно, с тех самых пор, как я узнала, что повар Лизи из Парижа, хотелось с ним поговорить, но было бы странным заваливаться на кухню с радостной улыбкой и предложением попрактиковать франсэ́.

*

Моя мама родом из Монпелье. Это город на юге Франции. В студенческие годы она приехала на практику в США. Встретила папу, и со слов ба «у них закрутилась жаркая Амур-тужур, после чего о возвращении к Средиземному морю можно было забыть.

Через год они поженились и родилась я.

С самого рождения со мной говорили на двух языках. Папа на английском, а мама — на французском. Сколько бы Эдвард Райт не убеждал жену перестать мучить ребенка своими «bonjour baguette», она оставалась непреклонна.

— Язык любви, — улыбалась вечерами мама, когда ложилась рядом со мной. — Самый красивый и мелодичный. Когда ты вырастешь, мы все вместе поедem во Францию. Не знаю, как насчет Монпелье, но ты точно с первого взгляда влюбишься в Париж.

Папа появлялся в это время в дверях и изображал рвотные позывы, наблюдая за которыми невозможно было не рассмеяться. Его жена, Агнес Моро, гневно смотрела на мужа, при этом еле сдерживалась от улыбки. Но папа так просто не сдавался. Он удалялся, чтобы в следующую секунду появиться в мамином красном берете и начать смешно расхаживать взад и вперед, посылая нам томные поцелуи.

Этим он мстил маме за ее частые упоминания об уровне шика французских мужчин.

«Твой папа шикарно кривлялся, — грустно вспоминала ба. — И одно время мечтал о кино, как и ты сейчас.»

*

После той аварии родителей не стало.

Мы с ба переехали, а мои французские разговоры оборвались. Я читала книги и смотрела фильмы на французском языке, но это не заменяло живого общения.

А здесь, благодаря Райану, Клод открыл меня с новой стороны, и теперь мы каждое утро проводили с ним за оживленной беседой. Ещё в тайных разговорах о Райане, чьим ярым фанатом был повар, смешивший меня своими: “Uhlala”. Благодаря ему я не только практиковала язык, но и улучшала свой уровень в части готовки завтраков. Лизи в это время предпочитала спать или загорать на шезлонге возле бассейна.

После завтрака Райан поднимался к себе в комнату, а затем спускался в тренажерный зал, оборудованный в доме Стилов. В эти часы его можно было встретить в доме в одних только шортах и футболке. Или без неё.

В такие минуты вокруг действительно начинала звучать пленительная “Uhlala”, срывающая с моих глаз всякую скромность и сдержанность.

Загорелое тело, широкие мощные плечи, плоский живот и выраженные косые мышцы пресса. В голове крутилась фраза из фильма: «Ты что, оффотошоплен?».

Он расплывался в улыбке и уходил, откровенно смеясь, лишь когда ладонь Лизи ложилась на мои горевшие глаза, а улыбка «мир прекрасен» расплывалась на моем лице.

— Ты зачем мне глаза закрывала?

— Боялась, они у тебя расплавятся. А по легенде они должны так себя вести при виде Джорджа! Повторяй про себя как мантру — Джордж Шептон навсегда!

*

Мне и раньше нравилась игра Райана на экране, но, живя с ним под одной крышей, я прочувствовала, насколько он на самом деле хороший актер. И от этого моя голова с каждым днем кружилась сильнее. Судя по всему, бабочки из живота вылетали прямиком в мозг, отчего мой IQ при его виде с грохотом летел вниз.

До полудня звезда моих фантазий оставался собой, много шутил и веселил нас с Лизи. Но стоило стрелке часов оказаться на двенадцати, как «его забирала злая тыква» — метко подмечала подруга.

Он переодевался в темные джинсы, белую рубашку и надевал очки.

— За очки не благодари. — шепнула мне в первый день Лизи. — Только умоляю, не пялься так на него.

— Н-не пялюсь. — и стоило подумать, как мои потаенные даже от себя самой эротические фантазии сбываются, меня немедленно спускали на землю.

У Райана имелось вполне определенное представление о том, как должна выглядеть соблазнительная женщина. Оно складывалось из совокупности черт, присущих мировым актрисам. Поэтому в ежедневное расписание наших «занятий» входили киносеансы. В основном это были черно-белые картины с признанными дивами кино.

«Опять старомоднятина пошла... — вздыхала страдальчески Лизи.»

Мне же, наоборот, все нравилось. Я обожала фильмы 30х–50х годов, а больше всего мне доставляло удовольствие наблюдать за тем, с какой страстью и сосредоточенностью Райан детально разбирает жесты, мимику, походку, взгляды, улыбки.

Все это следовало впитывать в себя, как губка, иначе божественный преподаватель хмурился и смотрел так строго, что хотелось немедленно заказать себе билет на Марс. В один конец, пожалуйста.

*

— Походка очень важна. — говорит он. — Особое умение пройти так...

— Чтобы все шеи себе посворачивали, — радостно добавляет Лизи, и он действительно строг, так как одного единственного взгляда хватает, чтобы она, моя Лизи(!), добавила. — Извини, не буду больше перебивать.

— Не будешь. — уверенно кивает, и второй томик «Унесенных ветром» опускается на светловолосую голову. Первый неуверенно лежит на моей с самого начала его речи. — Нечестно лишать тебя аздов, моя дорогая сестра, поэтому некоторым вещам будешь обучаться вместе с Хлоей.

— Но...

— Три раза пройдитеесь отсюда до бассейна и обратно. Любое падение книги добавляет Вам по два лишних захода. Марш!

Идеальная походка по мнению Райана — это микс движений Софи Лорен, Одри Хепберн и Брижит Бордо. Он как раз демонстрирует ее нам, пока мы, вытянувшись по струнке, сидим на диване и после пары совместно проведенных часов с толстыми томами, ощущаем особую связь со Скарлетт О'Хара и Реттом Батлером.

— Братик, а из тебя бы получилась шикарная женщина. — ехидно изрекает Лизи.

После этих слов звезда разворачивается и своей ослепительной походкой, которой позавидует любая модель Victoria's Secret направляется к нам.

У меня так никогда не получится...

Райан останавливается перед сестрой, опускается на колени и сурово изрекает.

— На второй этаж с книгой. Дойдешь до своей комнаты и обратно.

— Ну, блин... — злится Лизи, и книга падает с ее головы.

— Каждое падение влечет еще два захода.

Когда шаги подруги удаляются, две синевы глаз поворачиваются на меня.

— Надеюсь, тебе не надо доказывать, что я мужчина?

Надо! — кричит мое неконтролируемое тело. Я даже согласна сидеть все время с книгой на голове. Но мой разум отвечает себе пару оплеух. С размаху.

— Не надо.

— Отлично. Тогда скажи мне, что моя походка шикарна. Скажи это так, чтобы я опешил и захотел тебя раздеть.

От его слов меня бросает в жар. И то, что его голос абсолютно спокоен еще больше действует на мое нездоровое воображение. Отдается дрожью в теле, из-за чего Скарлетт с Реттом начинают немного колыхаться на моей голове.

Возможно ли, что мне нравятся бесчувственные ко мне мужчины?

— Я жду.

— Твоя, — мямлю, — Походка шикарна.

Качает головой.

— Еще раз.

— Твоя походка шикарна. — чувствую, как краснею.

В коридоре слышатся шаги Лизи.

— Плохо. — выдыхает, встает и отходит в сторону.

*

Как-то после очередного киносеанса Лизи радостно хвасталась главной ролью в нашей пьесе. Мне был дан запрет упоминать о своей работе сценариста и второго режиссера.

— Доверься мне. Еще рано. — уверенно говорила подруга в часы нашего вечернего шушуканья за закрытой дверью ее комнаты. — Перед мужчинами лучше не сразу раскрывать все карты. Мы будем кидать свои козыри постепенно. Пусть думает, что конфетка наша простая, а она с сюрпризом.

— Изобрази удивление, — быстро велел ей Райан, прервав ее качественный самопиар.

— Радость.

Лизи улыбнулась, но ее брат покачал головой и захохотал.

— Ужасно. Ты точно играешь главную роль, ничего не путаешь?

— Эй! Ты просто застал меня врасплох.

— Режиссер слеп или она его подкупила? — смеясь, он повернулся ко мне.

— Ты слишком строг, — тихо ответила я.

— Неужели? Тогда давай ты. Удивление и ужас, — уже без иронии сказал он мне.

Я сразу же вспомнила, как видела однажды очень странную целующуюся парочку. Ему на вид было лет четырнадцать, а ей все тридцать. И они друг друга засасывали, ну или она его подала. Мое удивление вперемешку с ужасом заставило тогда Лизи захотать. Эта сцена в голове побудила мои брови ползти вверх.

— Радость. — скомандовал актер.

Стереть ту картинку и посмотреть на Райана, улыбка появилась сама собой.

— Страх.

Мысли об одиночестве. О глухой и пугающей пустоте.

Райан встал со своего места и, сделав пару шагов, сел напротив меня. Взглянул прямо в глаза и произнес:

— Желание.

Мои щеки вспыхнули алым цветом.

— Думаю, для первого раза достаточно, — Лизи плюхнулась между нами, показав брату язык.

— Неплохо, — не переставая смотреть на меня, улыбался он. — Для начала очень неплохо. Но над желанием мы еще поработаем, — подмигнув, тихо добавил — когда Лизи не будет нам мешать.

Наряды теперь тоже выбирает мне он. И в первый раз осмотрев огромную гардеробную в выделенной для меня комнате в роскошном доме Стиллов, Райан одобрительно произнес:

— У тебя хороший вкус. Присутствует чувство стиля. Но почему ты не ходишь в этих платьях?

— Я... ну...

— Потому что орации здесь предназначаются мне, — усмехнулась Лизи, обнимая меня за плечи. — Я купила ей парочку вещей, а она... Если бы ты только видел ее наряды, — указав рукой на мой одиноко лежащий в углу чемодан, произнесла подруга. — Давно бы подумал, что она мечтает податься в монашки. Причем в такие, целенаправленные.

Мой суровый наставник кивнул. Выбрал парочку вещей и кинул их на кровать.

— Сегодня наденешь это. Каблуки есть?

— Есть! — радостно ответила за меня блондинка.

— Отлично. Тогда переодевайтесь, жду вас внизу.

Честно говоря, я не очень люблю каблуки и чувствую себя с ними неуверенно. К тому же мой рост — метр семьдесят три — вполне позволяет обходиться без них.

И вот я сидела в короткой джинсовой юбке и светлой рубашке на нижних ступенях белоснежной лестницы и пыталась водрузить на ноги туфли с какими-то завязочками.

Райан, скрестив руки на груди и подняв брови (чудовищно сексуально), повернулся на стоящую рядом сестру и спросил:

— Почему она здесь их надевает? А не оделась полностью в своей комнате?

— Знакомься, — усмехнулась Лизи, сделав глоток из стеклянной бутылочки колы. — Единственная и неповторимая Хлоя Райат.

Не то чтобы я совсем не умела ходить на каблуках, но Лизи, видимо, решила пойти ва-банк и выделила мне такую модель, чьи каблуки могли побороться в длине с Эйфелевой башней.

Чувствуя себя великаном, я, наконец, встала и убрала волосы за спину. Райан сделал шаг вперед и его взгляд заскользил по моему телу, заставляя кожу гореть.

— Покружись. — повелел он.

— Это часть обучения? — скептически уточнила Лизи.

— Да. — скупое ответил он, продолжая в упор смотреть на меня. — Покрутись. И сделай это сексуально.

Кажется, не только тело, но и щеки начали полыхать.

Что значит сексуально кружится? Понятия не имею.

Я сделала парочку неуверенных шагов и на третий моя нога подвернулась. Предчувствие встречи с холодным кафельным полом промелькнуло в сознании, но две горячие руки уверенно легли на мою талию и удержали равновесие.

— Стоишь? — спросили мужские губы возле уха.

— Д-да, спасибо — шепнула в ответ и ощутила kloкочущее разочарование в груди, когда он отошел в сторону.

Мне надо подышать и желательнее много раз недо-упасть в его руках.

Какая же ты неожиданно озабоченная, Хлоя...

От волнения руки начали тянуть края юбки вниз.

— Что она делает? — спросил Райан сестру.

Кажется, этим двоим мои собственные ответы были совсем не обязательны.

— Считает, что владеет магией и сейчас нарастит юбке пару лишних сантиметров.

— Чтобы я этого не видел. — строго велел актер. — Твои ноги созданы не для того, чтобы их прятать.

— Согласна. — широко улыбнулась блондинка. — Братик, но эта реплика разве не идет в противовес с твоей ролью?

— Нет. Учитель может не испытывать к ученику никакого сексуального желания, но при этом трезво оценивать красоту тела.

Мне нужно много, очень много бумажных пакетиков, чтобы нормально дышать.

— Ага, ага. — закивала Лизи, как вдруг зазвонил телефон, лежащий в переднем кармане ее ярко-розового джинсового платья. Взглянув на экран, она радостно вскрикнула, — Это папа! — а Райан вмиг превратился в еще более сурового и непроницаемого джедая.

— Я передам от тебя привет! — уходя в комнату, кинула она брату.

Я наблюдала, как темная туча поглощала фигуру моего наставника.

Интересно, что за отношения у него с отцом? Точно не ванильные.

Захотелось подойти к нему и обнять. Мои ошалелые ноги даже сделали пару шагов. Но Райан встряхнул головой, взъерошил светлые волосы и, устремив на меня взгляд, произнес:

— Сегодня ты научишься плыть на каблуках. — и прежде, чем мое сердце пропустило удар, добавил. — Не волнуйся, я буду рядом и всегда успею тебя поймать.

И он не соврал, потому что ловил меня не один раз, и не два. Каждый раз щекоча мою кожу своим дыханием и обжигая тело сквозь тонкую ткань рубашки горячими ладонями.

Я успела сбиться со счета в количестве своих шагов, но ощутила существенный прогресс, очередной раз дефилируя по длинному холлу.

— Давай теперь спускаться по лестнице. — произнес мой наставник.

Я бросила измученный взгляд на белое великолепие, а в следующую секунду почувствовала, как меня поднимают на руки.

— Решил помочь тебе подняться наверх. Ты не против?

— Не против. — его рука на моей голый ноге распространила по телу заряды, от которых между ног становилось жарко. Щеки бессовестно краснели. Так странно. Одно время я была уверена, что никогда не смогу испытывать таких эмоций.

— Почему ты краснеешь? — его голос прозвучал серьезно и глухо. — Разве мы делаем что-то непристойное?

Не удивлюсь, если я по цвету кожи напоминала Хэлбоя.

— Нет.

Он аккуратно поставил меня на пол второго этажа. Наши тела все еще находились слишком близко друг от друга, его пальцы поправили мои волосы. Убрали непослушную прядь назад и коснулись шеи. Нежно, едва уловимо. Тахикардия, опять. Эти уроки плохо для меня закончатся...

— Ты же не упадешь? — спросил он.

И мой язык, опережая разум, произнес:

— Нет. Ведь ты рядом со мной.

Синева его глаз стремительно ринулась к черноте. Теплая мужская ладонь спустилась по спине, поглаживая кожу сквозь ткань рубашки и заставляя мое тело полыхать. Он остановился в опасной близости от бедра и глухо велел:

— Спускайся.

К счастью, спуск дался мне легко, и мой наставник даже удостоил меня небольшой похвалы. Окрыленная, я начала вновь подниматься, но неожиданно споткнулась, а затем оказалась прижатой спиной к телу Райана. Он одной рукой удерживал меня за живот и ...

Я ощутила, как в мои бедра упирается что-то твердое.

Или нет? Может, мне показалось? Может, у него просто везде крепкие мышцы.

Меня снова подняли на руки.

Сознание вместе с телом не желали больше слушаться, отчаянно захотелось зарыться руками в его волосы. Вдохнуть его запах. И, чтобы хоть как-то помочь себе вернуть контроль, я лихорадочно вспомнила наставления подруги и нервно, словно цепляясь за соломинку, торопливо произнесла:

— Джордж! Джордж!

— Джордж? — вздернув бровь, спросил Райан.

Он остановился. Его голос царапнул кожу холодом. Во взгляде вспыхнула злость. И у меня возникло стойкое ощущение, что мой наставник сейчас перекинет меня за перила с фразой: «Асталависта, бейби».

— У Джорджа скоро игра. Просто вспомнила. Само как-то пришло.

Отвернув от меня глаза, он молча продолжил наш путь на второй этаж. Затем опустил на отрезвляющий пол и сурово кинув:

— На сегодня мастер-класс окончен. — пошел к себе в комнату.

А я молча стояла и смотрела на его удаляющуюся спину, не понимая, что его так разозлило. Моя провальная встреча с каблуками? Или же он полностью разочаровался моей походкой?

— Где наш мастер Йода? — спросила, появившаяся внизу Лизи.

— Сказал, что на сегодня занятие закончено.

— Отлично! Тогда собирайся, Хлоя, поедem по магазинам!

*

— Оскар плачет и мечтает быть в твоих руках, красотка! — подруга лежит на шезлонге, а руками изображает медленный танец гb, пока я устраиваю по ее просьбе сексуальный показ вокруг бассейна. — Ты все делаешь идеально. Идеально. Видишь, какого я тебе классного препода нашла? Для твоей роли в пьесе стараюсь. А ты еще бегство кролика тут устраивала. Ладно, не смотри так. Лучше продолжай меня соблазнять, мне дико нравится!

— При нем я постоянно спотыкаюсь... — опускаюсь на соседний рядом с ней лежак.

— Это одновременно странно и прекрасно. — Лизи задумчиво проводит пальцами по подбородку.

— Что прекрасного в том, что он считает меня бездарной?

— Не считает. Только не знает твой истинный потенциал, — коварно усмехается и продолжает дёргаться в такт одной ей известной песне, которую вскоре начинает напевать вслух.

Мы на секунду переглядываемся, а затем вскакиваем с лежаков и устраиваем дикие пляски.

Солнце согревает жаркими лучами и мои щеки покрываются пламенем, когда я вспоминаю наш урок с Райаном, который состоялся в эту пятницу.

Походка, жесты и взгляды были не единственными пунктами на пути к соблазнительнице. Они являлись ростками, начальными ступенями, разогревающими па до

начала основного курса. А уже в нем Райан заставлял проживать с ним различные сценки, в каждой из которых мне, по правде говоря, даже не приходилось особо стараться, ведь следовало изображать влюбленность в него. В такие моменты, наставник говорил:

— Молодец, хорошо отыгрываешь влюбленный взгляд. — отчего я ощущала себя синьором-помидором, покрасневшим до кончиков волос, а потом вмиг становилась баклажаном от холодного добавления. — Но тебе не следует смотреть на меня с обожанием, Хлоя. Тебе надо меня соб — лаз — нять.

И, кажется, злость на себя в пятницу после этих слов взрастила во мне нужные плоды, потому что сцена по обольщению в кафе, которую мы играли, сидя за барным столом, продвигалась на удивление успешно.

Зрачки моего холодного наставника из безоблачной синевы перетекали в грозный ураган, а его лицо придвигалось все ближе, и я ловила сметающий все на своем пути и подкашивающий мои колени взгляд на своих губах. Красивая сцена...

Во рту стало сухо, и я ощутила чужое дыхание на лице.

Больше всего на свете мне хотелось, чтобы его губы коснулись моих, но в голове, как отчаянно защищающий границы тамплиер, вспыхнула Лизи, а над ее головой развевался на ветру флаг, на котором было вышито лицо капитана «Волков».

И я, кажется, пропищала самое глупое, что пришло тогда мне в голову:

— Джордж любит рисовать.

Брови Райана ползли вверх, рот чуть приоткрылся, а глаза заметали молнии, от которых захотелось накрыться тем воображаемым флагом.

— Вы там случайно не целуетесь? — закричала Лизи, появившаяся в дверях.

— Да разве мы можем себе такое позволить, — с усмешкой и полным безразличием ко мне, произносит ее брат. — Мы обсуждаем таланты нашего обожаемого Джорджа. — с этими словами его рука с силой хлопнула по столу. Он встал со своего места и вышел из комнаты.

После его ухода Лизи показала мне поднятые вверх большие пальцы рук.

*

Но больше всего меня приводит в замешательство другая сцена. Она не дает покоя... Мешает ночами спать.

Перед выездом он обнял Лизи и чмокнул ее в щеку. А затем и я оказалась в его крепких руках, утонув в самом сладком для меня аромате его туалетной воды и кожи.

— Я поцелую тебя очень сладко, Хлоя, когда ты прикоснешься к себе, мечтая обо мне. — тихо шепнуло мне в ухо его дыхание, и мое тело моментально покрылось взволнованными мурашками.

Райан

Я не любитель перелетов. Они изматывают, даже если длятся всего час или полтора. Потому, не желая истязать себя, я всегда выделяю пару дней отдыха между полетами. Конечно же, это только в том случае, если из-за съемок или пресс-конференций нет необходимости менять за день несколько самолетов.

Следуя этим правилам, я намеревался вернуться в дом Стилов только завтра. Но мысли о русалочке слишком часто прокручиваются в голове. Никогда не думал, что прозвучу однажды, как герой одного из моих сериалов, но черт, «мне не хочется засыпать, не увидев ее».

А с учетом того, какие новые уроки я собираюсь с ней попрактиковать, откладывать никак нельзя.

«Никак!» — отчаянно долбясь об мою ширинку, повторяет член в штанах.

Следует вылетать прямо сейчас, желательно самовылетающей из машины ракетой.

Вспоминаю, как пленительно открылся ее ротик при моих словах во время прощания.

А я хорош. Хорош! Если бы не моя цербер-никогда-не-дремлет-сестра, позволил бы себе намного больше одного только обещания.

Выкуси, гребанный Джордж. Какое же тупое имя, Джордж. Кто только так называет детей?

Звонок телефона прерывает мои мысли об убогости футболиста, и я напрягаюсь, видя высвечивающееся на экране имя «Зоуи».

Что этой женщине от меня надо?

Если она желает получить для своей статьи мое фото в блестящих плавках — она его определенно не получит.

— Слушаю.

— Приветик. — раздается игривый и приторный голос бывшей, от которого немедленно хочется поморщиться. Словно мне в нос начали тыкать нашатырём, отгоняя от недавних мыслей о чистой русалочке. — Как твои дела?

— Нормально. — спокойно отвечаю я и паркую машину.

Игнорирую советы Хелен «никаких лишних вопросов при разговоре с врагом, только короткие ответы по существу» и спрашиваю:

— А ты как?

Ведь мы с Зоуи не враги. Статью она не опубликовала, и вряд ли опубликует. К тому же, я сам ей сказал, что она всегда может ко мне обратиться, если что-то понадобится. А быть пустословом не входит в число моих правил.

— Без тебя очень плохо... — вздыхает она. Делает это чересчур топорно. Не верю ни единому слову.

— Это пройдет. — выключаю мотор и выхожу из машины. — Ты найдешь того самого. Обязательно.

— Это ты, Райан.

— Нет. — уж поверь, это точно не я.

А главное, мы оба прекрасно знаем, что я никогда им не был.

— Через неделю у меня красная дорожка. «Жезл власти» выходит в прокат, надеюсь, ты

помнишь? — сразу переходит к делу. Молодец.

Сложно забыть про упомянутый «жезл». Первый раз, когда она рассказывала о проекте, я подумал, что она собралась сниматься в порно...

Но, вроде, у Тима Сомерса была тогда заявлена драма. Откровенно говоря, довольно сомнительный проект. Что режиссер, что название стоят друг друга.

Но Зоуи была полностью очарована ролью какого-то второсортного шпиона. Когда же съемки закончились, картину долго и нудно монтировали — особая черта Сомерса. И вот, наконец, она выходит в прокат.

Чувствую, бывшая не хочет появляться одна на ковровой дорожке.

— Райан, давай, пожалуйста, вместе пойдем на премьеру? — неуверенно и нервно задает она вопрос. — Можем, как друзья!

И тут тоже мы оба понимаем, что ее как раз-таки не устроит выход в свет в статусе «просто друзья».

С одной стороны, мне не хочется соглашаться. Но с другой — она не просит тащить ее под венец. Почему бы не пойти ей навстречу.

— И потом сразу же объявим о нашем расставании! — быстро добавляет Зоуи.

«Райан Лив бросил Зоуи Томпсон прямо на премьере! Разглядел всю бездарность ее игры в новом мутном фильме Тима Сомерса «Жезл Власти» — фантазия быстро подбрасывает в голову заголовки газет.

— Насколько мне известно, ты готовишь статью о том, какой я был кобель в наших с тобой отношениях.

— Райан, — тут же переходит на визг бывшая, — Все совсем не так! Шейла разозлилась на тебя из-за нашего расставания и хотела тебя немного проучить, — конечно, она все свалит на своего агента. — Но я ее отговорила от этой затеи! Никакой статьи не будет!

«Видишь, я благородно не буду давать добро на поганую статью, а ты пойдешь со мной на премьеру» — дословный перевод сказанного.

— Хорошо. Созвонимся ближе к твоей премьере.

Уверен, мне прилетит от Хелен что-то вроде: «Какого хрена?!», но сейчас не хочется быть говнюком. И дело даже не в статье. Все же Зоуи долго ждала выхода нефритового жезла.

*

В бизнес-классе самолета пусто. Никто не досаждают улыбками, взглядами или нескончаемым желанием сфотографироваться. Кроме, разве что стюардессы Мэри, активно размахивающей своим задом передо мной и каждый раз уточняющей, не желаю ли я чего-нибудь. Ее сверкающая белоснежная улыбка уверяет, что, если я захочу отыметь ее в любом удобном для меня месте, включая кабину пилота — она сможет это устроить.

Извини, реклама блеска тридцати двух зубов, но мой член мечтает о вполне определенных пристанищах. Не о твоих. Но, кажется, ее предложение долгосрочное, так как в конце полета мне активно подсовывают салфетку с номером телефона.

Выхожу из стеклянных дверей, пониже натягиваю кепку, выбрасываю бумажку в урну, сажусь в такси и прошу водителя поторопиться. Тот недовольно бухтит, сообщая о нежелании нарушать правила.

— Вас случайно зовут не Джордж? — уточняю, чтобы убедиться.

— Что? — удивленно оборачивается мужчина. — Нет, я Том.

— Странно. — тихо отвечаю я.

Снимаю блокировку с экрана телефона и открываю сообщение от Лизи.

Сестра прислала селфи в зеркале. Сидит в сиреновом кресле в каком-то салоне. Пряди волос покрыты фольгой, на губах сияет довольная улыбка.

«Скоро я стану красоткой!» — гласит надпись под фото.

Райан: Ты и так красотка.

Элизабет: Что есть, то есть J)) — приходит немедленный ответ.

Райан: Моя ученица тоже подвергается атаке фольгой? — как бы невзначай спрашиваю я.

Получить заодно фото Хлои буду совсем не против.

Не могу же я, как последний извращенец, начать сам ее фотографировать, пока она не видит.

Элизабет: Нет, она осталась дома.

А вот на этом месте поподробнее. Значит, русалочка сейчас одна.

— Джордж, прибавь газу!

— Не могу, — кривится гад и врет, потому что тащится, как черепаха. — И я Том.

— У меня жена рожает, Том! Пишет, что не справится без меня! — я чертовски хороший актер, потому что ко мне сразу проникаются с фразой:

— Она дома? Не в больнице?

— Вот именно! Не в больнице! Ее некому отвезти, она там совсем одна, бедняжка моя. — трагическим голосом подтверждаю догадки водителя.

— Ради такого дела можно и немного ускориться, — отвечает он и прибавляет, наконец, чертову скорость.

Райан: Не знал, что ты оставляешь свою подопечную одну.

Мне надо понимать, сколько времени есть в запасе.

Элизабет: Ну, ее озабоченного наставника нет рядом, так что я спокойна. — отвечает маленькая засранка.

Еле сдерживаюсь, чтобы не ответить, как еду вдоволь оттрахать ее эксклюзивную подругу.

Райан: А эта фольга не вредна для волос? Долго надо держать? — прикидываюсь идиотом.

Ну же, скажи мне, сколько еще времени ты будешь в этом салоне!

Элизабет: Райан, ты точно актер? Наверняка сам знаешь. Мне минут пятнадцать осталось, потом смывка и укладка.

Блин. Мало. К этому времени я только доеду.

Но тут мелкая кидает фото своих ноготков с припиской: «Как думаешь, может, стоит обновить маникюр?»

Да! Определенно стоит обновить! Еще педикюр, шугаринг!

«И хренаринг!» — не остается в стороне мой член.

Хочется ей посоветовать сделать все возможные процедуры. Но. Я знаю свою сестру, поэтому вместо этого, отправляю:

Райан: Да вроде нормально.

Она печатает. Печатает. Слишком долго печатает.

Ответа все нет.

Неужели я ошибся?

Снова печатает. Кажется, сейчас телефон затрещит в моих руках.

Элизабет: Хм, все же обновлю ногти.

И из меня вырывается довольное:

— Дааа!

— Родила? — спрашивает недо-Джордж.

Я более чем уверен, его родители долгое время рассматривали именно это имя.

— Нет! Но скоро.

Когда, наконец, оказываюсь перед дверью отцовского дома, меня окутывает приятное предвкушение встречи.

Но как я собираюсь это сделать?

Не наброшусь же я на нее, как животное?

Или наброшусь?

Да что со мной?

А если Хелен не права, и ее фантазия — это жалкий Джордж? Отгоняю от себя эту мысль, как ненужную.

Тихо вхожу в дом. Не хочу преждевременно давать о себе знать. Улавливаю движение в большой комнате на первом этаже и на цыпочках пробираюсь туда.

Кажется, я совсем свихнулся.

Наконец, вижу русалочку. И обожаю свою мать, так как в этой комнате полно зеркал, позволяющих мне наблюдать за Хлоей, в то время, как сам я скрыт от ее глаз.

На ней тоненький шелковый халат, мокрые волосы раскиданы по спине. Скорее всего, она недавно вышла из душа. Берет в руки пульт и включает телевизор. Делает пару щелчков, и я вместе с ней вижу на экране себя, целующим Эмилию.

Эту сцену, в которой мы займемся любовью, в свое время снимали не один день. Но сейчас мне не до Эмилии, я всецело поглощен той, кто замороженно смотрит фильм. Она садится на диван и мой взгляд опускается к выпирающим соскам, к которым мне до одури хочется прикоснуться.

Медленно проводит рукой по шее и движется вниз к животу. Халат слегка раскрывается, открывая полоску нежного тела. Когда Хлоя ложится на диван, у меня нет сомнений, о ком она сейчас думает, и мой член незамедлительно докладывает о своей полной боевой готовности.

Хлоя

Лизи уехала к своему стилисту Франку. Как ни странно, она не стала уговаривать меня пойти вместе с ней. Хотя, по известному нам обеим сценарию, упрасивания обычно длятся где-то час, после которого меня как правило называют «глупой».

Райан придет только завтра, а потому мне хочется, чтобы сегодня поскорее закончилось и наступил бы поскорее чудесный новый день.

Находится одной в огромном особняке Стиллов довольно необычно и даже немного страшно. Если в нашем с бабушкой доме чуть громко произнести какое-то слово, то тебя услышат в любой комнате, а здесь, кажется, придётся кричать, напрягая связки.

Наличие охраны, несомненно, успокаивает, но странное ощущение, временами заставляющее вслушиваться в тишину, так или иначе проступает.

Надо перестать смотреть ужастики. Несмотря на то, что я прекрасно понимаю, что это всего лишь фильм, игра актеров и компьютерная графика, недельное послевкусие тревожности все равно остается со мной.

Лизи часто иронично заявляет:

— Интересно, а если ты сама снимешь ужастик, то будешь ли его потом бояться при просмотре? — я каждый раз стараюсь не подавать вида, что мне самой смешно от этого вопроса, так как я не могу ответить на него точно, а потому гордо поднимаю подбородок.

Принимаю душ и, накинув купленный подругой серый шелковый халат, спускаюсь на первый этаж. Захожу в одну из больших комнат, подхожу к окну и любуюсь нежным закатом.

Решаю посмотреть какой-нибудь фильм до возвращения Лизи. Беру пульт и включаю телевизор. Прощёлкиваю новости и пару передач, останавливаясь на хорошо известном мне сериале. Попадаю на сцену, в которой Райан целует героиню Эмили Рат. Сейчас его рука проскользнет к ней под кофту, он уложит девушку на песок, и они предадутся бурной страсти.

Сажусь на диван и в голове проносится дурманящий сознание голос:

— Я поцелую тебя очень сладко, Хлоя, когда ты прикоснешься к себе, мечтая обо мне...

И я, должно быть, совсем глупая фантазерка, потому что, прикрыв на пару секунд глаза, медленно провожу рукой от горла до пупка.

Герой Райана раздевает свою возлюбленную, а меня наполняет волна желания. Ложусь на диван.

Сейчас как дурочка предамся мечтам...

И вдруг я слышу шаги.

Раз, два, три...

Мое тело парализовано. Райан Лив стоит надо мной. Настоящий.

Краска смущения, не жалея себя, заливает лицо. Разум кричит встать и бежать. Gosh, неужели он видел... Сгореть со стыда на месте.

Но вот он опускается на колени.

Вставай, Хлоя, вставай. Только я не могу.

Почему я не способна пошевелиться, не могу перестать смотреть в его синие глаза? Почему мои соски предательски твердеют?

В следующий миг горячая мужская рука опускается на мой голый живот. От этого

прикосновения по телу проносится дрожь. Приятная и дурманящая...

Я же совсем голая... Халат расстегнут. И очень условно прикрывает грудь. К счастью, хотя бы между ног он уверенно запахнут.

Ладонь Райана медленно гладит обнаженную кожу, отчего мой рот слегка открывается. А он вдруг быстро наклоняется вперед, и я не успеваю ничего осознать, как его губы накрывают мои. Влажный и горячий язык начинает мягко ласкать мой рот, с каждым разом становясь все более требовательным. И это оказывается таким приятным.

Совсем другим...

Не понимаю, что со мной происходит, но руки сами обхватывают его голову и тянут на себя, а язык толкается навстречу.

Райан издает глухой стон. Мужская рука проникает под халат, скользит к груди. Пальцы нежно обхватывают сосок и чуть тянут его вверх. Не могу сдержать стона наслаждения, которое волной проносится по телу.

Его поцелуи то требовательные и жадные, а затем нежные и чувственные.

Голова кружится, между ног становится влажно.

Райан целует меня в шею, лижет кожу на ключице, зубами отодвигает ткань халата и присасывается ртом к груди. Бессвязный стон вылетает из моего горла. Чувство стыда борется с наслаждением.

— Ты такая красивая, — хрипло говорит он, когда затвердевший от ласки сосок покидает его рот.

Он считает меня красивой!

Райан Лив считает меня красивой.

От этой мысли бабочки внизу живота начинают блаженно и бесконтрольно порхать.

Он осыпает поцелуями мой живот, и его рука оказывается между бедер.

Но ведь там так влажно...

Мужские пальцы дотрагиваются до самого сокровенного, распространяя по всему телу жар. Райан аккуратно раздвигает мои ноги, а мне хочется закрыть ладонями глаза от охватившего смущения, но все же я не могу отвести взор. Завороженно наблюдаю, как он жадно изучает меня, и от этого желание все больше нарастает внутри.

Вижу его пылающий взгляд, но все равно не ожидаю, когда он резко вжимается к лону влажным языком. Скользит, совершает ласковые движения, заставляет задышаться и стонать.

Мои руки сжимают подушку дивана, я бесстыдно двигаюсь навстречу его прикосновениям. Не узнаю себя, неужели в постели весь мой стыд улетучивается?

— Райан... Райан... Райан — в иступленном состоянии несвязно мычу я. Наслаждение поднимает меня в невиданные ранее выси, и вскоре я взрываюсь на сотни и тысячи частиц, а затем обессиленно падаю на спину.

Мои веки прикрыты, но я ощущаю, как он снова нависает надо мной и дарит нежный поцелуй.

— Русалочка, — хрипло дышит мне в ухо. — Я так сильно тебя хочу.

В следующую минуту входная дверь резко хлопает, и мы слышим бодрый голос Лизи:

— Хлоя, я дома!

Этого оказывается достаточно, чтобы реальность навалилась на меня, помогая осознать все случившееся. Нервно кутаюсь в халат и замечаю на нем и на диване пятна.

Как за одну секунду блаженство может превратиться в кошмар?

— Признаемся ей? — хитро улыбается Райан и, наверняка, читает такой ужас в моих

глазах, что сразу добавляет. — Поднимайся к себе, я здесь приберу и все улажу.

Медлю секунду, и тогда он шепотом произносит:

— Это наш маленький секрет, русалочка.

Кивнув, босиком бегу к лестнице, благо их здесь много. Добравшись до своей комнаты, как провинившийся подросток, вхожу внутрь и, скинув халат, направляюсь в ванную. Там, не жалея себя, открываю прохладную воду, стараясь притупить эмоции и охладить разгоряченное тело.

Вода помогает, но не так сильно, как мне бы хотелось.

Неужели это правда случилось? Я и Райан Лив... Неужели это не сон?

Уверена, сейчас мои щеки горят красным, стоит только вспомнить, где находилось его лицо и рот.

А я... как я могла так откровенно, без стеснения отдаваться его ласкам? Почему не сбежала? Почему? Что обо мне подумает Лизи?

Лизи... мне ужасно стыдно перед ней...ужасно.

Но оказывается... бывает совсем по-другому.

Слезы на моих глазах никак не могут остановиться.

Райан

— Сестренка, — широко улыбаюсь, выходя навстречу к Элизабет. — Ты шикарно выглядишь!

— Райан? — изумленно произносит она.

Кладет ключи от машины на столик и обнимает меня, когда я оказываюсь рядом с ней. Но почему-то в голове возникает ощущение, словно она не так сильно удивлена моему неожиданному появлению. Правда, оно тут же рассеивается, когда сестра задает вопрос. — А ты разве не завтра собирался вернуться?

— Завтра, но успел соскучиться по тебе и решил подкорректировать планы. — ласково отвечаю и заинтересованно продолжаю, — Ну-ка, покажи ноготочки?

Беру в руку ее маленькую ладошку и внимательно изучаю ярко-розовый лак, а затем голосом маникюрного знатока объявляю:

— Очень красиво! Очень хороший мастер.

— Неужели? — ехидно уточняет маленькая засранка, ни капли, не проникаясь моей наигранной похвалой. — Только по мне соскучился? И, кстати, почему ты такой внезапно-довольный?

Потому что русалочка хочет *меня*, а не какого-то идиота Джорджа!

И я этому несказанно рад!

А еще я счастлив, потому что буквально пару минут назад она кончила, сладко выкрикивая мое имя!

Выкуси, хренов футболист!

Мне чужды и непонятны собственные эмоции, которые бурлят внутри меня. Я готов самозабвенно цитировать Гамлета и танцевать чечетку, подражая герою фильма «Танцующие под дождем». Единственный раз в моей жизни, когда меня переполняли похожие чувства, был, когда я получил главную роль в сериале «Сверкающий песок».

— Потому что я подписал контракт на потрясающий проект. — поднимаю сестру и начинаю кружить.

— Новый фильм, братик?

— Ага! Новый. И совершенно потрясающий!

На втором этаже слышатся шаги. Элизабет просит опустить ее на пол, а затем громко кричит подруге:

— Хлоя-моня, иди к нам! Смотри, кто приехал раньше положенного времени. У Райана какой-то новый проект и он светится, как новогодняя гирлянда. — подколы мелкой меня не задевают.

Я полностью занят разглядыванием той, которая недавно извивалась в моих руках от желания, а сейчас эффектно — уроки не проходят даром — спускается вниз по лестнице.

Она в свободных серых штанах и белой футболке, волосы собраны в смешной пучок.

Хлоя до того милая, что внутри простреливает острая необходимость подойти к ней заключить в объятия, но я сдерживаю свои нелепые желания и спокойно жду рядом с сестрой. Предвкусно наблюдать за краснеющими щеками.

— Франк тебя чудесно покрасил! — улыбается русалочка, оказавшись напротив нас. — Привет, Райан! — приподнимает правую руку, обозначая тем самым приветствие. — Очень

рада за твой проект. — улыбка котика и искренняя радость.

Никаких мечущихся в испуге глаз, краснеющих щек или полубморочных состояний. Смотрит прямо мне в глаза и все настолько хорошо отыграно, что я в прямом смысле охреневаю. От восторга. И, кажется, у меня встает.

Я не раз подмечал имеющийся у нее талант на наших занятиях, но чрезмерное смущение каждый раз губило ее игру.

А сейчас...

То, что я вижу сейчас, не идет ни в какое сравнение с игрой многих моих знакомых актрис, гордо именующих себя звездами.

— Мне надо срочно пройти в одно место! — без тени стеснения сообщает Элизабет, — Иначе последствия могут оказаться плачевными. Я быстро вернусь, и тогда расскажешь нам подробнее, что у тебя за проект!

Как только она спешными шагами удаляется в коридоре, у Хлои сразу же опускаются плечи, словно она только что уронила с себя тяжелый груз. А стоит нашим взглядам встретиться, как лицо русалочки вспыхивает и покрывается румянцем.

— Потрясающе, — восторженно хриплю я.

Кладу руки на ее талию и прижимаю к себе, наклоняясь для поцелуя.

Мне жизненно необходимо ощутить эти сладкие и податливые губы. Она испуганно трепыхается в моих руках, но сама же льнет ко мне. А когда поцелуй обрывается, разочарование в ее глазах щедро разливает во мне неведомую радость.

— Не смей закрывать ночью дверь в свою комнату, поняла? — шепчу я, утопая в изумрудных глазах.

Она еще больше краснеет и робко кивает.

Хлоя

Соберись! Давай же, соберись! — говорю себе снова и снова, стоя перед зеркалом.

Если Лизи меня увидит, то сразу все поймет. Она и ба считают мое настроение на раз. А я не готова сейчас рассказывать про случившееся подруге. Нет, я обязательно ей все расскажу... то есть, без деталей, конечно. Но можно, пожалуйста, не прямо сейчас?

Ведь ничего же страшного.

Не думать о его взгляде и прикосновениях. Не думать. Снова мурашки проносятся по телу и жар бьет в области живота.

Не могу же я запереться в комнате... или могу? Надо было взять номер Клода, тогда смогла бы позвонить и попросить его тайком принести мне с утра еды... А сама бы прикинулась больной. Больной Райаном Ливом.

Надо сыграть!

Точно!

Сыграть роль! — подсказывает мое возбужденное до предела сознание.

Небольшую. Как раз они у меня хорошо получаются. А потом Лизи спишет все мое волнение на приезд ее брата.

Да, решено!

Только вот, какую роль мне следует сыграть?

*

Мое выступление началось вполне неплохо, пока Лизи вдруг не покинула место действия, откровенно умчавшись навстречу туалету.

А дальше все происходило совершенно не по сценарию...

Поцелуй Райана одним горячим прикосновением стер теплившиеся во мне остатки образа спокойной и не взволнованной особы, а его глухое и требовательное наставление оставить ночью дверь моей комнаты открытой, кажется, и вовсе вышибли из меня все капли и так беспокойного спокойствия.

*

— Хлоя, напиши мне свой номер телефона, — просит Райан, протягивая мне свой мобильник, пока мы втроем чинно ужинаем, наслаждаясь великолепием блюд, которые мастерски приготовил для нас Клод.

— Зачем? — недоверчиво приподняв левую бровь и отправив в рот кусок спаржи, интересуется наследница Тру Голд.

— Собираюсь обучить ее смс-соблазнению, — усмехается ее брат. — Успокойся, мелкая, я всего лишь хочу получить контакты моей ученицы.

— Ладно, — Лизи кивает, давая согласие.

Быстро набрав свой номер, возвращаю телефон Райану. И через пару минут на экране моего мобильного вспыхивает сообщение: «Хочу тебя поцеловать». Мои губы, не слушаясь, ползут вверх, расплываясь в улыбке. А довольное лицо Райана опьяняет так, словно я пью не сок, а вино.

*

— Он тебе нравится? — спрашивает подруга.

Мы лежим на с ней на большой кровати в ее комнате и, уставившись в потолок, поедаем

жевательных червячков.

Возможно, стоит рассказать прямо сейчас, но у меня язык не поворачивается.

Получается только коротко ответить:

— Да.

— Сильно? — не сдаётся Лизи.

— Да...

— Тогда начинай снимать свои железные трусы. — ухмыляется она и тычет в меня зеленым червячком, — Я хочу знать все детали, связанные с твоим первым разом. Даже несмотря на то, что твоим расчехлителем будет мой брат.

И в эту минуту меня пронзает боль. Слезы резко подступают к глазам. Но ведь я могу играть, убеждаю себя я. Смогла же ранее, а значит, смогу и сейчас. Поэтому, когда моя Лизи поворачивает ко мне свое ангельски прекрасное лицо, то видит только смущенную улыбку ее подруги.

Дорогие читатели,

Буду очень благодарна вашим комментариям и лайкам))

Всем доброго вечера)

Райан

Чувствую себя нетерпеливым рыбаком, которому померещилась русалка, и теперь он никак не хочет отходить от зачарованного озера. Его сети оказались довольно хилыми, а вот один только взгляд водной нимфы сумел накрепко привязать бедолагу к месту ее первого появления.

Сижу и караулю, когда моя цель, наконец, покинет спальню сестры.

Сколько можно разговаривать?

Они и так болтают целыми днями, тогда зачем запираются еще и вечерами?

«Есть намного более интересные занятия... — философствует член в штанах».

Моя выдержка, готовая разорваться на мелкие куски, рисует сестру злой морской ведьмой Урсулой. Вдруг мелкая в эту самую минуту забирает нежный голосок русалочки, заставляя Хлою петь, — степень бреда в моей голове определенно зашкаливает.

Еще немного, и я превращусь в сопливого щенка.

Знал, не надо было сюда приезжать.

Кажется, прошел уже час с тех пор, как я написал русалочке сообщение.

Райан: Напиши, когда будешь у себя.

Хлоя: Хорошо. Я сейчас у Лизи.

Сделал несколько упражнений. Почитал. Полистал лайфстаграм. Позалипал на котиков. Разозлился. И, наконец, на экране сотового высветился долгожданный ответ:

Хлоя: Я у себя.

Не буду же я вскакивать с места и мчаться к ней, как подросток перед первым сексом?

А ведь я уже стою у двери и крепко держусь за ручку.

Нет. Надо дать ей немного времени потомиться...

А, хрен с ним.

Еще Элизабет объявится.

Выхожу в коридор. В роли бесшумного ниндзя иду к комнате русалочки. Медленно открываю дверь и захожу внутрь. В спальне горит один источник света — лампа на тумбочке возле кровати, на которой, скрестив ноги, сидит Хлоя. Она смотрит на телефон в своих руках, но стоит мне появиться, немедленно вскакивает с места.

Вижу волнение и трепет.

«Не волнуйся, — мурлычет в штанах член. — Я буду нежным».

Мне хочется что-то сказать, но я молчу. Только неторопливо приближаюсь. Оказавшись рядом, одной рукой обвиваю талию и, притянув к себе русалочку, целую в мягкие карамельные губы.

*

Ее тело сладко извивается на кровати, находясь полностью во власти моих губ и рук. Когда она, сжимая простыни и шепча мое имя, доходит до финала, я нежно целую ее в висок. А затем, собрав всю свою волю в кулак, встаю с кровати и иду к выходу.

Мне надо каким-то образом добраться к себе в комнату и пойти в душ.

И заняться тем, что уже давно перестало быть для меня чем-то актуальным.

Хлоя

Я не могу ему сопротивляться, и рассказать обо всем Лизи у меня тоже никак не получается. Если говорить честнее, то сопротивляться Райану мне не хочется, а рассказывать подруге я боюсь. Стоит только подумать о том, что вот он подходящий момент для признания, как рот наполняется невидимым клеем, а губы отказываются двигаться. Тело вступает со мной в конфронтацию и каждый раз выходит победителем.

Моя жизнь в доме Стилов превратилась в спектакль, разыгрываемый внутри другого спектакля. Мы с Райаном продолжаем изображать наставника и влюбленную в него ученицу, только теперь моя игра приобрела новые движения, жесты и выражения, о которых я раньше и не помышляла. А мой учитель мгновенно меняет безразличный взгляд на прожигающий всю меня насквозь, стоит Лизи отвернуться или оставить нас ненадолго вдвоем. Мое тело миг наполняется жаром и отвечает ему в ту же секунду.

Игра в невидимые прикосновения... Слегка, плавно, незаметно, нежно, жадно, мимолетно. Славно.

Главное правило — не попасться на глаза Лизи.

Каждый раз я испытываю дикий стыд перед подругой и наставляю себя собраться и признаться ей во всем. Но стоит его руке коснуться моей оголенной кожи, как совесть уходит в туманные дали.

— Не смей краснеть, — шепчет он мне в волосы. — Так ты нас выдашь. Считай это очередным уроком.

*

— Мне не нравится, что Клод трется здесь целых три дня в неделю. — недовольно говорит утром Райан, обнимая меня сзади, пока я готовлю нам с ним завтрак.

— Почему? — тихо спрашиваю я, когда его горячее дыхание обжигает мою кожу возле уха.

Мужские губы оставляют на моей шее несколько нежных поцелуев, а потом он разворачивал меня к себе и впивался в мой рот жадным поцелуем.

На мои слабые протесты лишь глухо отвечает:

— Не волнуйся, она еще спит.

Сильные руки прижимают к твердой мужской груди. Наши языки исследуют друг друга, а его ладонь проскальзывает под мою футболку.

— Вы уже внизу? — раздается сверху голос Лизи и моментально отрезвляет.

Пытаюсь отстраниться от Райана, но ему доставляет удовольствие меня мучить. Он крепко прижимает меня к себе, продолжая проводить языком по шее, сводя с ума нервными и будоражащими конвульсиями наслаждения.

К моменту, как Лизи появляется на кухне, наставник с бесстрастным лицом сидит за столом, изучая что-то в своем телефоне, а затем мило здоровается с сестрой. И если та подходит к холодильнику, то я достаиваюсь его довольной ухмылки. Хотела бы я уметь так же быстро сменять на лице настроение.

*

— Давай расскажем сегодня Элизабет о нас, — спокойно предлагает Райан, когда подруга уходит на кухню за соком, а мы вдвоем остаемся сидеть в большой комнате на

первом этаже. — Я же вижу, как ты мучаешься.

— Может, будет лучше, если я одна ей скажу?

— Нет, скажем вместе, и я поясню, что сам просил тебя молчать. Весь удар возьму на себя, — улыбается он мне. — Не переживай, Хлоя.

— Ла-а-дно... — нехотя соглашаюсь.

— Я вам тоже взяла по бутылочке, — радостно сообщает Лизи, переступая порог комнаты.

Брату отдает апельсиновый сок, мне достается персиковый, а себе она оставляет яблочный и садится на диван.

— Может, съездим сегодня куда-нибудь поужинать?

— Хорошая идея, — соглашается Райан. — Только вначале мы с Хлоей хотим тебе кое-что сообщить.

Сейчас? Прямо сейчас сообщить? Пульс начинает набирать нешуточные обороты.

Я надеялась, он имел в виду, что мы сверим нумерологические прогнозы и какие-нибудь календари друидов, чтобы выбрать наиболее удачный час признания... Но, как вижу, Райан настроен серьезно. И что он ей скажет?

— О чем это вы хотите мне сообщить? — усмехается Лизи.

Да, мне тоже интересно знать.

О том, что с момента его приезда наши тела всячески соприкасались, и он уже не раз доводил меня до ярких вспышек перед глазами, но при этом у нас еще ни разу не было того самого?

Почему-то каждый раз он уходит из комнаты?

А, ведь я чувствую его желание... твердость...

— Мы с Хлоей вместе. — с серьезным выражением лица говорит Райан. И так спокойно, словно в этом нет ничего сверхъестественного.

— Да, вы вместе создаете из нее обольстительницу, я в курсе.

— Нет, мы вместе. — повторяет ее брат. — И с сегодняшнего дня мы закрываем тему уроков по соблазну. Моей девушке они не нужны.

Его девушке? Он правда так сказал? А можно мы заново переснимем этот волшебный дубль, и он повторит эту фразу?

Мне срочно нужен сбой в матрице, чтобы возникло дежавю. Пожалуйста.

— Твоей девушке? — переспрашивает моя подруга и сводит брови.

Из расслабленной позы она немедленно перестраивается в позицию верховного лорда, готового карать ослушавшихся, и, поворачиваясь ко мне, уточняет:

— И давно это у вас?

— Н-нет... — чувствую на губах возвращение невидимого, но прочного клея.

— Райан, ты приехал на пару месяцев. — холодно произносит Лизи, и у меня возникает стойкое чувство, что даже моя ба не стала бы с ним так разговаривать. — Уедешь и забудешь? А что потом прикажешь делать моей Хлоей?

— Мелкая, ты не находишь, что перегибаешь? — ухмыляется актер.

— Нет! Хлоя не одна из твоих шлюшек, и поэтому ...

— Не одна. — перебивает он. — Она эксклюзив. Просто теперь не только твой, но и мой.

Поединок их взглядов длится для меня целую вечность. Я словно наблюдаю партию в теннис, перевожу взгляд с одного игрока на другого, при этом болею одновременно за обоих.

Первой звенящую тишину обрывает Лизи:

— И что, вы теперь намерены спать в одной комнате? — неожиданно другим, теплым и игривым голосом интересуется она. — Судя по красным пятнам на лице Хлои, право ответа за вами, Райан Лив.

Мой телефон, мирно лежащий на столе, начинает звонко вибрировать. Наследница Тру Голд тянется к трубке, находясь к ней ближе всех и, взглянув на экран, с удивлением передает мне сотовый.

— Вампиресса звонит. Девственницы, наверное, закончились, и она решила обратиться к тебе за подпиткой. Скажи, что опоздала...

Фразу: «Да, Мисс Дюкре» — я произношу, краснея до корней волос.

Та в свою очередь лавой выливает на меня информацию, не щадя и не заботясь ни о чьих эмоциях. Молниеносно и быстро. В конце выдыхает с чувством выполненного долга и отключается.

Когда кладу трубку, замечаю, что две пары глаз напряженно смотрят на меня.

— Ты побледнела, — обеспокоенно говорит подруга. — Она же не кровь просила?

— Вы что, состоите в какой-то секте? — хмурится ее брат.

— Да, в драмкружке, — машет Райану жестом «отстань». — Так, что она сказала?

— Сказала, что университету, наконец, выделили деньги на ремонт. Они не могут и не собираются ждать, поэтому, если мы хотим показать наш спектакль, то сроки следует изменить.

— И когда его нужно показать?

— Послезавтра.

Райан

Пришло письмо, которое я так долго ждал.

Сидя в своей машине, вжимаю ногой педаль газа, и еду в Сан-Хосе на встречу к культовому Джону Рою. Настоящему мэтру своего дела и живой легенде, чьи фильмы, начиная с самого первого, снятого за копейки, зажигаются немеркнущими алмазами на экранах кинотеатров по всему миру.

«Отшельников» и «Спасенных от ветра» я знаю практически наизусть. Разбуди меня ночью, могу сходу начать цитировать известный монолог персонажа Эдди Грина. А сколько сил в свое время я тратил, пытаюсь перенять его смех.

Фильмы Роя — мечта любого актера. И я не являюсь исключением. Всем сердцем желаю однажды заполучить у него главную роль.

Но тогда почему я хмурюсь, набирая скорость?

Подумаешь, не смогу попасть на какой-то студенческий спектакль.

*

— Как удачно, что вы сейчас недалеко от Сан-Хосе. Тогда могу я записать вас на завтра? Адрес сейчас пришлю отдельным сообщением. Подскажите, сможете ли вы по возможности пробыть в городе больше одного дня? — спросила тонким голосом девушка по имени Элис, которая представилась помощницей по подбору актеров.

Звонок поступил почти сразу после того, как я ответил на электронное письмо.

— Дело в том, что мистер Роя иногда прослушивает актеров несколько дней. Таким образом он определяет, какая именно роль им лучше подходит. Я вам направлю отрывок для читки. Предварительно вам отведена роль Марка.

— Да, конечно. Нет никаких проблем.

Весь Голливуд знал об особенностях мэтра «сомневаться» и кастинговать актеров не по одному разу. Поговаривали, что он всю душу вынул из бедного Алана Вайса, пока утверждал его на роль Эдди. Но зато потом тот удаивался чести играть не в одной его картине без всяких прослушиваний.

И, конечно, для меня не проблема пробыть в Сан-Хосе сколько потребуется.

Не проблема.

Нет.

*

— Так ты не сможешь прийти на наш спектакль? — скривив рот, произнесла мелкая. — Это же дебют нашего гениального режиссера! — две руки торжественно указали на русалочку, тихо сидящую за спиной сестры.

— Ой, да ничего особенного. — махнула та рукой.

Только вот слишком поздно начала улыбаться. Я отчетливо подметил ее грустные глаза, и теперь этот кадр нещадно меня преследует.

Почему я злюсь на себя?

*

А потом объявился футболист. Черная комедия с неожиданными подставами.

После звонка той, кого девушки именовали вампирессой, обе уткнулись в свои телефоны, поделив между собой список актеров, которым следовало сообщить об

изменениях в планах. Кандидатуру футболиста Элизабет сразу спихнула на Хлою, демонстративно мне подмигнув.

Погоди, ты еще придешь ко мне за вип-местами на премьерах...

— Джордж предложил подъехать к нам и порепетировать, если это удобно, — неуверенно озвучила Хлоя, когда они всех обзвонили.

— Удобно, — не дав мне раскрыть и рта, согласилась мелкая.

— Никто больше не предложил сегодня порепетировать? — уточнил я.

— Нет, — грустно покачала головой русалочка. — Но зато все согласились на завтра.

— Ну, Джордж у нас парень особенный, — ехидно улыбнулась Элизабет. — И безумно благородный герой.

*

Прозвенел дверной звонок. Девушки переглянулись, и русалочка кивнула сестре, поднимаясь с места:

— Я тогда открою? — спросила она, на что мелкая чересчур активно закивала, подтверждая тем самым свое согласие.

Почему это именно она откроет ему дверь?

Элизабет, на правах хозяйки, пусть сама встает и встречает «благородного». Но засранка, стоило только Хлое выйти из комнаты, закрутилась вокруг меня бесенком и защебетала в уши:

— Кон-ку-рен-ция, братик.

— Зачем он вообще приперся? — недовольно обратился я к сестре.

Но вместо ответа меня начали настырно толкать на лестницу, уверяя:

— Уходи давай, Райан! Ты у нас социофобный актер, забыл? Зачем тебе сверлить взглядом Джорджа? Вряд ли, конечно, Шептон трепло, но к чему лишний раз рисковать? Уходи и спрячься! Он пришел по-ре-пе-ти-ровать.

«По-тра-хать-ся! — уверил, обеспокоенный соперником, член»

— Я побуду в соседней комнате.

— Нет! Ты нам будешь только мешать. — понимал, что она права, но все равно никак не хотел соглашаться. — Не волнуйся, если мы решим замутить оргию, я тебя обязательно позову.

— Элизабет!

— Да иди уже! — пинаясь она, одновременно поправляя свои волосы.

*

Не знаю, как именно мелкая отгадывала мои попытки спуститься и незаметно подсмотреть за происходящим внизу действием, но стоило сделать небольшую попытку к вылазке, как этот цербер, словно по воздуху, всплывал передо, одаривая улыбкой «не ту хочешь провести, братик».

Лишь раз мне удалось поймать небольшую сцену.

Наверное, роль ниндзя все же ждет меня однажды.

Сестра произносила свою реплику, стоя напротив парня, а я оценивал противника, понимая, что ничего особенного он из себя не представляет.

«Давай посмотрим на него Объективно, Райан — ухмыльнулась в голове воображаемая Хелен — Типаж очень даже неплох. Высокий, хорошо сложенный, симпатичный. К тому же, он молод.

— Я намного лучше. — холодно отрезал.

— Бесспорно. — подтвердил голос.

Быстро свернув окно рассуждений, вновь отдался наблюдениям.

Хлоя сидела на диване, поджав под себя ноги, и держала в руках сценарий. Временами она останавливала актеров, просила повторить те или иные фразы или изменить интонации.

Парень играл неплохо, да и Элизабет оказалась не такой уж бездарной, как я ожидал. Причем ее талант проявлялся резкими вспышками в совершенно особенных моментах диалогов.

Или это не игра вовсе, а пересечение реальной эмоции с выдумкой сценариста? Интересно, только ли я замечаю или же те двое, что находятся сейчас рядом с ней, тоже ощущают всплески?

Почему-то мне кажется, они не видят, списывают на талант, который у моей сестры довольно поверхностный.

Но мы-то теперь с тобой знаем особый секрет, сестра.

А когда, во время очередного перерыва, Элизабет, как собака с идеальным нюхом, нашла меня в моем новом укрытии, я задал вопрос:

— Ты оставила их наедине?

— Да, — она усмехнулась и самодовольно посмотрела на меня. — А что, волнуешься, что Джордж начнет приставать к Хлое?

— А ты разве не волнуешься? — говорю я и точно попадаю в цель.

Лицо ее побледнело. Она никак не ожидала подобного вопроса. Но быстро пришла в себя. Начиная теревить одежду, и холодно объявила:

— Не понимаю, о чем ты.

— А Хлоя знает о твоих непониманиях? — конечно же, я не собирался ничего рассказывать русалочке, всего лишь хотел владеть всей ситуацией.

— Райан... — обеспокоенная морщинка появилась на идеально гладкой переносице сестры, и я отчетливо прочел в ее глазах «не знает».

Хлоя

Столько всего надо успеть сделать. И все это за один день. А все мысли в голове только о поцелуе Райана, которым он наградил меня перед отъездом. Собственнический и подкашивающий мои колени.

— Так! — трясет меня за плечи Лизи. — Своим наконец-то зарождающимся похабным мечтам о моем брате предашься после того, как мы все закончим и будем во всеоружии перед завтрашним спектаклем. Поняла?

— Да. — неуверенно киваю ей в ответ.

— Мои отрезвляющие пощечины всегда рады прийти на помощь. — вопросительно поднимает брови, демонстрируя мне свою ладонь. — Акция, две по цене одной.

— Спасибо, но воздержусь. — гримасничаю, делая шаг в сторону.

У нас небольшой перерыв. С самого утра мы только и делаем, что репетируем. Не представляю, как бы я смогла поддерживать дух труппы, если бы не Лизи, организовавшая еду и различные закуски с кофе и напитками для кофе-брейка.

Несмотря на мои протесты, она наняла специальных людей, занимающихся плакатами и декорациями. А еще подключила целую бригаду световиков, которыми оказались бородатые и татуированные ребята. Они появились неожиданно для всех, кроме наследницы Тру Голд. А сейчас как раз заносят какое-то оборудование на сцену.

— Лизи, скажи мне сколько своих денег ты потратила? — возмущаюсь я, тыкая пальцем в сторону бригады.

— Привет, Эл! — улыбается она одному из рабочих. — Вы просто супер! Спасибо, что так быстро все организовали!

— Элизабет! — к нам тут же подходит улыбающийся парень, одетый в черный джинсовый комбинезон. — Для тебя мои ребята всегда рады стараться. В любое время!

Она кокетливо смеется, а я замечаю проходящего рядом с нами Джорджа. Его губы плотно сжаты, лицо непроницаемо. Может, он с кем-то поругался?

— Друг, ты нам не поможешь? — окликает его Эл.

И обычно приветливый Шептон, холодно кидает:

— Конечно.

— Ричард! — обращается Эл уже к одному из своих работников. — Я нашел нам помощника. — и, улыбаясь, говорит Джорджу. — Иди с ним, ладно? Нам надо еще кое-что притащить из машины.

— Может, тогда и ты пойдешь с нами, раз вам не хватает рук? — задает вопрос капитан «Волков».

Эл немного теряется от тона его голоса, а затем смеется и кивает:

— Конечно! — и вместе с футболистом направляется к выходу.

— Не знаешь, что с Джорджем? — спрашиваю у подруги, когда парни отходят настолько далеко, что не могут нас услышать.

— Откуда мне знать?! Может у него жесткий пмс, а рядом никого нет, чтобы дать шоколадку. — едко отвечает Лизи, поправляя рукава своего светлого льняного пиджака.

— Так сколько денег ты потратила? — вспоминаю свой допрос.

— Нисколечко! — кажется, хмурость уходит с ее лица, и возвращается хитрая

улыбка. — Честно! Ни единого заработанного мной цента. — вздыхает она. — Это все деньги любимого папы.

Райан

Пробы прошли великолепно. Результат мне пока не огласили, но Роя однозначно был хорошо ко мне расположен. Нам даже удалось немного пообщаться и перекинуться парой шуток.

Я волновался, словно мальчишка, а потом гнал машину, не желая опоздать на дебют моей русалочки.

И вот я, Райан Лив, замаскированный благодаря талантам сестры, сижу в зале студенческого театра и с кучей подростков жду начала долгожданного спектакля.

Свет гаснет, а следом загорается несколько прожекторов.

Элизабет призналась, что Хлоя не просто написала пьесу, но и прошла по всем составляющим. Декорации, свет, музыка, костюмы.

Мне не требуется большого воображения, чтобы отчетливо представить картину культурно-наглого и пробивного участия своей сестры в реализации идеи ее подруги. Перед мысленным взором вырисовывается то, как эта изящная дамочка, сидя в костюме от Prada, берет со стола белоснежную чашечку с кофе. Отпивает маленький глоточек и ангельским голосом сообщает главе местного кружка о необходимости получше рассмотреть детали нового проекта.

Знает ли об этом Хлоя?

Я сильно в этом сомневаюсь.

Похоже, русалочка умело совместила несколько произведений классиков. На первый взгляд совершенно разные между собой истории составляют вполне удачное полотно сменяющих друг друга эпох, в каждой из которых, вновь и вновь встречается влюбленная пара, в исполнении моей сестры и, признаемся, не такого убогого, как мне бы хотелось, футболиста.

Виляя бедрами под звуки мелодичного французского рэпа, на сцену выходят ночные бабочки. Быстро прохожусь глазами по девушкам и застываю.

«Ты будешь удивлен. — вспоминаю довольное лицо сестры, облизывающей ложку с арахисовой пастой, когда она отвечала на мой вопрос, есть ли роль у самой Хлои.»

Теперь я точно знаю, что есть. Она в короткой красной юбке и дырявом черном топе, под которым виден яркий розовый лиф. Но главное — эти ее чулки. А то, как она двигается...

Вызов в глазах, кошачьи шаги.

В жизни — совершенно другой человек.

Какого, спрашивается, хрена я ее учил, если она уже так умеет??!!

И какого хрена у нее не получалось в доме??!!

Кровь отливает вниз. Надвигаю кепку пониже, сцепляю руки в замок и приземляю их себе на брюки.

«Райан Лив радуется зрителей своей эрекцией во время просмотра студенческих постановок» — не тот заголовок газет, который мне бы хотелось видеть.

В мелодии появляются звуки барабанов. Девушки, нежно поглаживая друг друга, меняются местами, а с двух противоположных сторон сцены выходит несколько парней. Они заинтересованно свистят и выказывают бабочкам всяческий интерес.

«Настоящий талант приковывает взгляд зрителей, даже когда играет обыкновенную вешалку, — уверяла меня как-то Хелен.

Мы были с ней в тот день в Нью-Йорке. Смотрели постановку молодого режиссера. Она активно искала себе девочку. Новую актрису, которую можно было бы продвигать, увеличивая вес своего кошелька.

— И кто здесь талант? — тихо спросил я.

— Никто. — жестко отрезала она. — Пустая трата времени. Есть кто-то, от кого ты не можешь оторвать взгляда?

— Мне нравится кресло. — честно признался, — Давно ищу что-то подобное себе в квартиру.

— Значит, кресло сегодня лучшее. — искренне рассмеялась Хелен.»

*

А сейчас тот самый случай, когда я сижу и наблюдаю, затаив дыхание.

И, должно быть, порядком свихнулся, раз я завидую парнишке, перед которым она трясет задом, слегка дотрагиваясь до его паха бедрами.

Остальные девчонки тоже хороши, но смотреть хочется только на Хлою. От нее будто исходит шлейф желания и чего-то запретного.

Неужели я, уверенный в своей способности всегда отличить настоящую качественную актерскую игру, заморожен только из-за личной симпатии?

Она заходит за спину парню, и зрительный зал наблюдает, как руки девушек проходятся по груди довольных юношей. Затем бабочки их отталкивают и выходят на край сцены.

Бл***... она нагибается поправить свои чулки. Ты издеваешься надо мной? Слегка приподнимаю кепку. Увидишь меня? А, Хлоя Райт?

— Это Райт! Охереть! — произносит где-то сзади мужской голос.

— Я бы ее прямо сейчас трахнул, — хмыкает второй. — У меня стоит.

— Говорят, она не любит трахаться...

Это мы еще посмотрим.

Девушки начинают соблазнять зал и получают гул довольных отзывов.

— Хлоя, детка, иди к нам!

— На коленочки!

Она снова наклоняется к своим чулкам, а я представляю, как она стоит совершенно обнаженная, только в них, а еще с этой развратной красной помадой на губах. Прогибается вперед, раздвигает бедра, и я захожу в нее. На этой самой мысли наши глаза встречаются.

Улыбка медленно появляется на лице Хлои. Этого не может быть, но у меня стойкое и уверенное чувство, будто в ее голове крутятся сейчас мои мысли о том, как я трахаю ее снова и снова.

Что ты со мной делаешь, девочка?

Повернувшись к публике спиной, девушки начинают уходить, но в один момент трясут своими попами. И, кажется, зал разочаровано ноет — под юбочкой мисс Райт плотные черные шортики, а не стринги, как того представляли возбужденные студенты.

Выкусите, идиоты, эта девушка только моя!

А потом она появляется еще один раз. В небольшой сцене. В ней отнимают ребенка, которого приютили у себя ночные бабочки. И Хлоя великолепна. Она мастерски отыгрывает, а ее крики разрывают сердца людей в зале. Женщины слева от меня всхлипывают и достают из сумок бумажные платки.

Я, черт возьми, дико горд в эту минуту.

Хрен с твоей девственностью, русалочка, я трахну тебя сегодня же вечером.

Хлоя

Капли стекают со стекол такси, размывая свет фонарей. Поднимаю воротник черного плаща и в очередной раз смотрюсь в камеру на телефоне, проверяя, не растеклась ли тушь. Все же не стоило так ярко красить губы. Машина останавливается на светофоре и от воспоминания его выражения лица меня пробирает дрожь.

Спектакль имел успех. И вся труппа, раскрасневшаяся и счастливая, не один раз выходила на бис. Рука Джорджа крепко сжимала ладонь партнерши, но та, кажется, совсем забыла в этот день о своей неприязни и широко улыбалась ему в ответ.

Потом зал начал медленно пустеть. Благородный капитан «Волков» предложил свою помощь сразу же после того, как мы, немного пообщавшись с актерами, начали расходиться по гримерным комнатам. Но Лизи, по странности, не холодно, а, наоборот, мило его отшила.

— Хлоя, — торжественно обратилась ко мне мисс Дюкре, ворвавшись в нашу с Лизи гримерку. — Великолепно получилось, девочка!

После того, как женщина вышла и закрыла за собой дверь, подруга кинулась мне на шею с объятиями. Она безостановочно вешала о том, какое я талантище и об ожидающем нас совершенно особенном поклоннике. Хорошо, что новый всплеск краски на моем лице остался незамеченным. Уже несколько сообщений от Райна висели непрочитанными в телефоне и, кажется, я горела желанием встречи с ним настолько сильно, что была готова выбежать, не смывая с лица слой грим.

— Может, оставишь помаду на губах? — читая мои мысли, подмигнула Лизи.

— Нет.

*

Наследница Тру Голд покинула гримерку раньше меня и первой оказалась в объятиях своего брата, а затем, повернувшись ко мне, торжественно и весело произнесла:

— Давайте обнимемся втроем!

Как же было здорово быть вместе с ними. С теми, кто непередаваемо дорог сердцу. Вот так просто стоять и обниматься, ощущая себя самой счастливой на свете.

— Люблю вас, мои несмышленные птенчики. — шутливо изрекла подруга.

— Поедем отмечать успех? — спросил Райан и обычно быстрая на ответ Лизи вдруг отодвинулась немного в сторону, протянув странное:

— Ээмм... тут такое...

Сценарист, видимо, решил добавить драмы, потому что в следующую секунду она вдруг радостно и громко крикнула:

— Папа! — и побежала навстречу высокой фигуре, появившейся в другом конце зала.

Мистер Стил с его неизменным водителем и охранником Дэном, придерживающем в руке два букета, шли к нам на встречу.

Отец Лизи отличался крепким телосложением, минималистическим стилем в одежде и командным голосом, от которого не вздрагивала только его дочь. Потому что он всегда вел себя с ней, как самый заботливый и нежный отец.

Пока подруга, держа родителя за руку, шла обратно к нам и что-то крайне возбужденно щебетала мистеру Стилу на ухо, я подняла глаза на Райана и застыла. Сердце защемило от одного вида, как он смотрел на них. Моя ладонь сама потянулась и крепко сжала его

указательный палец.

Он вздрогнул и повернул на меня голову, обратил на меня глаза полные тоски и отчужденности, словно он стоял очень далеко отсюда и ему требовалось время для понимания, кто я и где мы...

Но буквально через секунду Райан собрался. Снова взглянул на свою семью. Уже совсем иначе. Безразлично, холодно, отстраненно. Так смотрят на рыб в аквариуме, когда ими совершенно не интересуются.

— Ну здравствуй, сын. — улыбнулся глава семейства. — Привет, Хлоя. Ты, как и Лизи, выступила восхитительно.

— Здравствуйте, мистер Стил, — робко ответила я. — Спасибо больше.

— Не обнимешь меня? — искренне удивился мужчина.

— Конечно, — отец Лизи всегда относился ко мне, как к своей второй дочери. Неоднократно настаивал оплатить обучение и не раз предлагал купить машину.

«Папа, она недалекая, — вздыхала на мои протесты Лизи. — И ты ее своими масштабами подарков только пугаешь. Видишь, она красными пятнами покрылась.»

Подойдя ближе, я попала в крепкие мужские объятия, после которых мистер Стил обернулся к возвышающемуся за его спиной Дэну и скомандовал:

— Давай цветы.

Через минуту в наших с Лизи руках оказались два нежных букета. Но, несмотря на это, какое-то тягучее напряжение висело в воздухе. Атмосфера нещадно давила на нервы.

Райан стоял с непроницаемым лицом, и я не знала, как себя вести. Подойти к нему? Остаться стоять около счастливого отца и его дочери?

— Здравствуй, отец. — наконец, произнес он и отвел взгляд.

Не знаю, как справился мистер Стил, но меня интонация больно ударила колким холодом.

— Прошу простить, но у меня есть дела. — таким голосом разговаривают с теми, кто ровным счетом ничего не значит.

— Райан, — тихо произнесла Лизи.

Улыбка подруги треснула, рассыпаясь на пол, а в глазах замелькал влажный блеск. Но брат не услышал ее, уверенно шагая прочь, и только раз остановился около меня, чтобы спешно шепнуть:

— Наберу. Не сердись.

Первым прийти в себя удалось не мистеру Стил. Мужчина удрученно смотрел на удаляющуюся спину своего сына и молчал. В ту минуту он первый раз на моей памяти выглядел старше своих лет.

Почему эти двое так мучаются?

Что между ними могло произойти?

А ведь за годы нашей с Лизи дружбы Райан ни разу не приезжал навестить родных. Ни разу...

— Ну что, поехали домой, пап? — звонкий голос Лизи ворвался в гнетущую атмосферу с отчетливым намерением ее разорвать. — Нам с Хлоей столько всего надо тебе рассказать!

Подруга была настроена решительно. Не остановилась ровно до того момента, пока мы не доехали до дома, не сели ужинать и на грустном лице Харисона Стила не заиграло подобие улыбки от нескончаемого потока слов его дочери.

Я искренне восхищалась моей Лизи.

После ужина мы разошлись по своим комнатам. Я пошла в душ, а, выйдя из ванной в пижаме с изображением Микки Мауса, обнаружила на своей кровати подругу. Она сняла с себя роль веселой болтушки и, подняв на меня грустные глаза, обеспокоенно спросила:

— Ты же поедешь к нему?

— Что?

— Ему сейчас плохо там одному. Он вроде бы взрослый, но такой дурак, — встав с места, Лизи взяла меня за руку и потащила в свою комнату. — Однажды он меня доведет, и я расскажу ему о том, как обстоят дела на самом деле. Но я все жду, когда он сам увидит ее настоящую и поймет...

— Лизи, ты, о чем? — спросила я, когда она закрыла за нами дверь спальни.

— Не забивай голову. — отмахнулась блондинка. — Говоришь, он тебя лапает, но до дела так и не доводит? — отпустив мою руку, она прошла в гардеробную.

— Я совсем не так говорила! — возмутилась я.

— Но суть именно такова, — донесся философский голос. — Ты должна сама взять быка за рога!

Она вышла, держа в руках кусок ткани, черный плащ, новую упаковку чулок и туфли на высокой шпильке.

— Если он и в этот раз не выпустит своего дружка на дело, значит... — многозначительно подняла бровь, — У моего братца проблемы в Трахляндии. Может, он слишком много девиц перетрахал, отчего его боец не выдержал и ушел на преждевременный покой...

— Лизи! — трагичность монолога заставила засмеяться.

— Вот вообще не смешно. Ржет она. Ты первая плакать должна. Одевайся!

*

Я стояла и с ужасом рассматривала в зеркале гардеробной комнаты необычную для меня девушку. Подругу, судя по ее комментариям, все устраивало. Меня — ужасало.

Куском ткани оказалось кружевное боди, плотно облегающее тело и открывающее практически всю спину. К нему прилагались чулки и шпильки. А прикрыть все это мне предлагалось одним единственным черным плащом.

— Я похожа на проститутку, — неуверенно повернулась на Лизи, которая, вероломно воспользовавшись моментом, схватила мое лицо и начала аккуратно красить губы.

— Ты сегодня в собственной постановке играла проститутку, и тебя это не особо смущало. Сама же взяла себе эту роль.

— Это другое, — не соглашалась, содрогаясь теперь еще и ярко-красной помаде

— Только тушь и помада. — деловито заключила мой визажист. — Ты сейчас не роль проститутки исполняешь, а той, кто едет поддержать и, скажем так, успокоить своего расстроенного мужчину.

— Почему они не общаются? — попыталась спросить подругу, но она не ответила, только грустно улыбнулась, обещая однажды все мне рассказать.

*

Такси останавливается возле одиноко стоящего дома, построенного по самым последним тенденциям архитектурной моды. Водитель желает мне приятного вечера.

Открываю дверь и чувствую, как ритм сердца отдается во всем теле. Дождь капает на волосы, стоит мне выйти из машины. Прижимаю к груди маленький клатч и быстро шагаю к двери.

*

— Он не любит останавливаться в отелях. Его друг актер часто предлагал ему свой дом, если он приедет в Саннивейл.

— А вдруг он не там?

— Там. — уверенно отвечала подруга. — Я уже успела достать его сообщениями. Во всяком случае сотовый его точно там.

— Лизи!

— Карета ждет, — она открыла передо мной дверь такси и жестом велела садиться. — Я бы попросила Дэна тебя отвезти, но ты начнешь истерить.

*

Когда моя рука поднимается к звонку, я застываю на пару секунд. Делаю глубокий вдох и собираюсь. Представляю, как и всегда, что роль, невидимым туманом, окутывает меня. Начинает с ног и поднимается вверх, полностью покрывая все тело, создает совершенно другую Хлою Райт.

Палец дотрагивается до кнопки, и мне остается только ждать.

Когда внутри тревожно начинает звенеть сомнение в правильности происходящего, дверь открывается.

Райан стоит передо мной босиком. Он в темных джинсах и светлой футболке, волосы взъерошены, в руках стеклянная бутылка с минеральной водой, а во взгляде отстраненность, переходящая в удивление.

— Хлоя? — произносит он одними губами и приоткрывает дверь, показывая, что я могу пройти.

Он пытается улыбнуться, но в его глазах я считываю коктейль из тоски и боли, который сводит меня с ума.

Почему тебе так плохо? Почему?

Не знаю, могу ли я помочь тебе, но, поверь, сделаю все, что ты захочешь, лишь бы тебе стало лучше.

— Я сейчас не самый лучший собеседник. — криво усмехается Райан, когда мы входим в большую комнату.

Она меньше, чем гостиная Стилов, но здесь также, как и в особняке, есть камин. А вместо кресел перед ним расстелен мягкий светлый ковер, на который усаживается Райан.

Сценарист в моей голове спешно обдумывает, какая фраза была бы эффектной.

И, возможно, я звучу, как глупое клише, но это единственное, что приходит мне в голову. Положив сумочку на кресло, начинаю расстегивать плащ и произношу:

— А мы не будем болтать.

Тренч падает рядом с моими ногами и Райан поворачивает на меня голову. Его взгляд меняется. Сразу, в течение доли секунды. Сейчас меня изучает самый красивый хищник, которого я когда-либо видела в жизни. Он опускает бутылку на пол и поднимается. Снимает с себя футболку, и мое сердце уходит в бешенный ритм, а низ живота начинает гореть. Футболка падает, обнажая широкие плечи и потрясающий пресс. В два шага он оказывается рядом. Заключает в крепкие объятия и вторгается в губы бесконечно жадным поцелуем.

Я не знаю, как это описать, но ощущение, словно через прикосновения я остро

чувствую, насколько сильно он нуждается во мне сейчас, в эту самую минуту. И это понимание стирает какие-либо остатки стеснения. Отвечаю ему со всей возможной в моей душе страстью.

Мужские руки поднимают меня за бедра и мои ноги обхватывают талию Райана. Он опускается на мягкий ковер вместе со мной.

— Сегодня ты станешь моей. — говорит с возникшей в голосе хрипотцой и нежно целует.

— Я уже очень давно твоя, — тихо шепчу ему в ухо.

Хватая мои волосы, он смотрит мне в глаза двумя синими, поглощающими волю вселенными.

— Я не смогу контролировать себя, — словно извиняясь, произносит он.

— И не надо, — поддавшись вперед, дотрагиваюсь до его губ.

**

Два обнаженных тела, сплетенные в объятии. Он бережно прижимает меня к себе, ласково гладит по волосам, и я знаю, что его волнует этот вопрос.

Но он ничего не спрашивает.

А я не могу ему рассказать. Не могу. Пожалуйста.

Райан

Телефон звонит посреди ночи. Рукой нащупываю его на столике и сбрасываю звонок. Открываю глаза и матерюсь про себя, жалея, что не выключил этот треклятый мобильник.

Русалочка тихо ворочается, но, к моему счастью, не просыпается. Аккуратно убираю свою левую руку, стараясь не задеть сладко посапывающую, и опускаю ноги на пол. Вчера я перенес нас на кровать, на которой мы оба быстро заснули.

Поворачиваюсь и снова смотрю на ту, которая сумела эффектно изгнать из меня хандру по отцу. А ведь и у тебя есть секреты...

Телефон бездушно дребезжит вновь и портит мой сеанс любования. Зло беру его в руки и с удивлением читаю на экране высветившееся имя «Хелен».

Снимаю блокировку и шепотом отвечаю:

— Да?

Стараясь не шуметь, выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь.

Как выясняется, уже далеко не ночь, а раннее утро. Точнее, семь утра. Ночью я предусмотрительно зашторил в спальне окна, и ткань оказалась настолько плотной, что ни один луч света не попадал внутрь.

Надо будет заказать себе в квартиру такие же шторы.

— Доброе утро, красавчик! — раздается голос моего агента. — Ты чего это шепчешь? Не один?

— Не один. — весело подтверждаю я.

— Учишь девочку в поте лица? — смеется Хелен.

— Стараюсь, — захожу в ванную комнату и включаю воду, чтобы сполоснуть лицо и почистить зубы. — Ты чего так рано?

— А ты, смотрю, не рад, что тебя прервали? — ехидно заявляют мне в трубке. — Я, кстати, ради тебя и звоню. Ты же ездил на читку к этой акуле Джону Рою?

Есть два человека на планете, у которых, по всей видимости, раскиданы шпионы по всем штатам. Не удивлюсь, если прослушка моего телефона ведется двадцать четыре часа в сутки. Эти двое — мой агент и моя сестра.

— Ездил. Ты говорила, что не будешь против, если я похожу на кастинги фильмов.

— А я и не против, — знаю, что процентов десть сейчас отрицательно качают головой, но это лучше, чем было раньше.

— Не задумывался, что он делает в Сан-Хосе? Там живет его сын с женой и тремя дочерьми. Дедушка обожает своих внучек, а у младшей сегодня день рождения. И если ты, например, появишься и поздравишь мэтра, а ребенку подаришь какую-нибудь безделушку, будет совсем неплохо.

— Хелен, откуда...

— Кто бы что ни говорил, — продолжает она, пропуская мимо ушей мою реплику, — А Роя любит и всегда любил внимание к своей заднице, поверь мне. Уверена, туда припрется половина претендующих на роли в его новом фильме. А если кто и не придет, значит они с агентами идиоты. Но это же не про нас, верно, мой мальчик?

— Верно. — улыбаюсь своему отражению в зеркале.

Выхожу из ванной и начинаю спускаться по лестнице. Наверняка, холодильник пуст.

Надо поехать и купить чего-нибудь для завтрака.

— Его внучки помешаны на мультиках. Вроде, обожают «Холодное сердце», так что возьми что-нибудь по этой тематике.

— Какой процент ты захочешь за всю эту информацию? — смеюсь в трубку и расстраиваюсь, убеждаясь, что в холодильнике только запас мороженого.

— Приличный! Но об этом потом. Они там с самого обеда собираются отмечать и, уверена, будут сидеть до вечера. Остальные припрут под конец, а ты поезжай пораньше. Будь одним из первых. Ладно, у меня вторая линия.

— Спасибо, Хелен!

— Простым спасибо не отделаешься, — хохочет она, и звонок прерывается.

Поднимаюсь наверх и прокрадываюсь к русалочке.

Все еще спит.

Успею же быстро сгонять до той кофейни и обратно?

Хлоя

Количество присланных за ночь сообщений от Лизи вполне может захватить весь мой мессенджер и память телефона:

«Ну как прошло?»

«Было?»

«Крепость твоя захвачена?»

«Сколько раз?»

«Блин, неужели не встал?»

«Встал?»

«Нашла в сети заговор на стояк, пару раз проговорила. Помогло?»

«Ты кончила?»

«Братишка не ударил в грязь лицом?»

«Ты ответишь, наконец, или мне ему звонить?»

«Ты в отключке там от счастья, что ли?»

.....

Последнее гласило

«Хлоя Райт! Ответь СРАЗУ, как проснешься!

P.S. Если... тебе, конечно, дали поспать))))»

Было еще сообщение от Райана.

«Доброе утро, сладкая. Поехал нам за завтраком. Я быстро. Уже скучаю по твоим губам.»

Оно заставило меня визжать и прыгать дикой козой. Будь в доме скрытая камера, мне от стыда пришлось бы скрываться всю оставшуюся жизнь.

Быстро всполоснувшись и надев футболку, трусики и легинсы, которые Лизи каким-то чудом запихнула в маленькую сумку, набираю ей сообщение.

Не успевают две галочки стать синими, как следует видеозвонок. Наследница Тру Голд, пробивая глазами экран, добирается до меня и проводит допрос с пристрастием. Ее откровенные вопросы доводят до мыслей, что, если телефон вдруг выпадет из рук и сломается, в принципе ничего страшного не произойдет.

— Я безумно рада! — наконец удовлетворившись ответами, мой личный следователь, начинает зажигательно качать головой, напевая:

«Got U,

Ready or not,

Got U,

Tell 'em here I come

Got U»

Ничего в этом мире, видимо, не может остановить наше недо-радио вещание. Стою перед зеркалом ванной комнаты и чищу пальцем зубы. Из моего прислоненного к стене мобильного на меня смотрит подруга с розовой щеткой в руке, и мы, подражая Шакире, хором поем:

«So they tell me that you

Lookin' for a girl like me

Ah-ah-ah, you're lookin' for

A girl like me...»

Из нашего хита нас выводит звонок в дверь.

— Лизи, тут в дверь звонят, — сообщаю я. — Подожди, пойду открою.

— Ну зачем прерывать на самом крутом куплете! У него что, ключей нет? Как-то же он вышел! — возмущается подруга. Но сразу добавляет. — А вдруг это не он? Поверни мне камеру и иди открывать. Заодно посмотрю на домик Майка Нордса и узнаю, кто это решил к вам заглянуть в такую рань.

— Ладно. — беру телефон в руки, переключаю камеру, выхожу из ванной комнаты и начинаю спускаться вниз.

— Ничего так интерьерчик, — комментирует Лизи, — Но местами перегибы с «я люблю себя и свои постеры». У него в спальне над кроватью его лицо не висит, чтобы он вечерами мог поглаживать своего дружка с улыбкой на губах?

— Лизи, — прыскаю я, почти дойдя до двери. — Нет, в спальне, в отличие от коридоров, нет ни одного плаката.

— Ясно, боится перевозбудиться и не заснуть. А теперь, та-дааам! Момент истины, кто же там?

Открываю дверь и застываю. Обтягивающее платье цвета свежих сливок на совершенном теле, идеально ровные, словно нарисованные, светлые локоны и кукольное лицо. Передо мной стоит сама Зоуи Томпсон.

— Привет, — она выглядит несколько удивленной.

Уголки губ чуть поднимаются, глаза оценивающе изучают меня, затем взгляд исследует пространство за моей спиной, пытаюсь что-то найти. И пока я пытаюсь вымолвить хоть слово, мой тайный смотритель, не церемонясь, искренне приветствует гостью:

— А она какого хрена там делает?!

— Что? — судя по всему, не я одна слышу реплики моей разгневанной подруги.

Делаю первое, что приходит в голову и быстро нажимаю на кнопку сброса.

— Извините, смотрела фильм на телефоне. Там неожиданный поворот сюжета.

— А-а-а, — верит. Или же мои слова совершенно ее не заботят. С нескрываемым интересом пару раз проходится по мне взглядом и задает вопрос, — А ты кто?

— Хлоя, — отвечаю, не задумываясь.

А что еще надо отвечать, когда сама Зоуи Томпсон сверлит тебя взглядом?

«Пошла на хрен! — учит в голове воображаемая Лизи, пытающаяся вновь пробиться на звонок. — И еще дверь перед носом этой шлюхо-блонди можешь с грохотом закрыть!».

— А где Райан?

— Он отъехал.

Значит, она приехала к нему. Ну, конечно. Не к Майку же Нордсу.

— Я зайду? — спрашивает, уверенная, что я не откажу.

И, не дождавшись ответа, вклинивается в пространство между мной и дверью, обдавая меня резким запахом сладких духов.

Неужели ему нравятся такие ароматы?

— Мы договорились с ним сегодня встретиться, — кидает она мне и проходит в гостиную.

Семеню сзади, не зная, как себя вести и что делать. Лизи, похоже, в отличие от меня, вполне себе представляет, что говорить, потому что звонит не переставая.

Когда я решаюсь ответить, Зоуи опережая, произносит:

— Он мне вчера позвонил и попросил приехать. — осматривается вокруг и, стараясь звучать незаинтересованно, задает вопрос. — Трахаешься с ним? По глазам вижу, что да.

Мой палец так и висит над зеленой кнопкой, не сумев до нее дойти, а актриса садится на диван и изящно откидывает локон.

— Еще одна птичка в большой коллекции плейбоя Райана, — усмеваются пухлые губы.

Слова жалят меня. Больно. Стою, потупив глаза и не могу ничего ответить.

— Не волнуйся, у нас с ним свои договоренности и для меня это в порядке вещей. Сегодня ты, завтра другая, но зато через пару месяцев женится он именно на мне.

Поднимаю на нее глаза.

— Конечно, он тебе про это не рассказывал.

Неправда.

Внутренний режиссёр кричит «Я не верю! Отвратительная игра».

Но...

— Хотя ты бы в любом случае согласилась раздвинуть перед ним ноги, ведь так? Ах, не расстраивайся ты так, Райан слишком хорош собой, мало кто может устоять.

Если представить, что она пробуетея на роль в моем новом фильме, то я сразу попрошу ассистента удалить на веки вечные ее контакты. И дело не в личной неприязни, которая мерзко поедает меня изнутри, а в банальном вопиющем отсутствии таланта.

Но не верить ей не получается. Все же, о том, что Райан здесь, никто не знал. И если бы он не хотел ее видеть, то вряд ли бы сообщил свои координаты. Получается, он позвонил Зоуи Томпсон сам и попросил приехать. Значит, хотел видеть ее... Ее, а не меня...

Мне он не звонил. Сама пришла... и испортила его планы.

Райан

Пока иду от парковки к кофейне, напоминаю Джина Келли из «Поющих под дождем». Насвистываю и пританцовываю, улыбаясь прохожим. Наверняка повторю сцену со столбом, при условии, что на пути встретится достойный подобного дубля экземпляр. И плевать, если папарацци выскочат из кустов и порадуют публику заголовками о летнем сумасшествии Райана Лива. Сегодня я просто счастлив и намерен упиваться каждой минутой.

Одариваю девушек за стойкой в кафе своей фирменной улыбкой и прошу приготовить мой заказ, как можно скорее. Вижу, что магия работает и, чтобы скоротать время, заказываю чашку кофе.

Аромат напитка ударяет в нос. Закрыв глаза, окунаюсь в воспоминания прошлой ночи. Лучший оживший момент из порно, когда она скинула с себя вчера плащ.

«И эти чулкиии! — радостно скулит в штанах довольный член.»

А как охрененно она стонет. Можно записать симфонию и слушать вечно. Рассылать всем, у кого имеется проблема с потенцией, для удачного решения вопроса.

Будет сложно дожидаться, пока она поест, чтобы не наброситься на нее снова. Или же трахну ее, а потом накормлю. Мне определенно нравится, когда твоей самой большой заботой является дилемма: трахнуть свою девушку до или после завтрака.

Раздается звонок телефона. Экран сообщает: «Элизабет». Мелкая решила сверить показания и собрать все детали? Наверняка, уже пыталась бедную Хлою.

Подношу мобильник к уху и не успеваю сказать и слова, как слышу гневное:

— Ты точно порвал с Зоуи Томпсон?!

— Да. — не понимаю к чему этот вопрос.

— Тогда зачем эта шлюха сюда приперлась? — в другой раз я бы отчитал мелкую за язык, но сейчас становится не по себе от мысли, что Зоуи в доме отца.

Твою мать, как она узнала?

— Она у вас? Что ты ей сказала?

— Что бы я ей сказала? Дай немного подумать. Хмм, как насчет: «Пошла на хрен?»! Только Хлоя отключила телефон и теперь не берет трубку.

— В смысле, Хлоя? Хлоя приехала к тебе? — ничего не могу понять.

— Братик, ты сегодня туго соображаешь! Здравый смысл покинул тебя вместе со спермой? — негодует сестра, но констатирует истину. — Зоуи сейчас с моей Хлоей в доме твоего Майка! Дошло?

— Блядь! — вылетает из горла ругательство.

Официантка неуверенно кладет передо мной бумажный пакет с заказом, размышляя, стоит ли продолжать улыбаться. Одариваю ее милой улыбкой в ответ и инцидент с ненормативной лексикой сразу выветривается из головы девушки.

— Ну, слава, дошло. Езжай туда скорее, Райан!

— Вот расплатился и выхожу. — говорю, выбегая с пакетом из кофейни. «Поющие под дождем» плавно переходят в «Форсаж».

— Может, она не поняла, что вы расстались? — не переставая допрашивает сестра, пока я еду к особняку Майка. — Или же она определенно хочет тебя вернуть!

Открыв дверь, громко кричу:

— Хлоя! — но ответа не следует.

Ставлю пакеты на пол и быстро иду внутрь.

Если узнаю, что Зоуи ее обидела...

— Райан! — выплывает мне навстречу бывшая. И зачем-то протягивает свои осминожьи руки, от которых я успешно уворачиваюсь.

— Что ты здесь делаешь? — озвучиваю вместо более подходящего: «Какого хрена ты, блядь, творишь?».

— Это так грубо. — дует губы блондинка и мой член приходит в ужас от мысли, как я два года трахал эту особу.

— Грубо — это врываться в чужой дом без приглашения!

Вхожу в гостиную и вижу сидящую на кресле русалочку. Немного отпускает. Руки скрещены, голова опущена. Оказавшись рядом с ней, опускаюсь на колени и глажу ее по волосам:

— Все в порядке? Она тебя не обидела?

— Мне, наверное, стоит уйти. — шепотом произносит она, смотря в пол. — Извини, что...

— Дай мне пару минут, ладно?

Встаю и возвращаюсь к вальяжно ожидающей Зоуи. Завернула себя в блестящую пленку и думает, что ей все можно.

— Зоуи, зачем ты приехала? — спрашиваю громко, чтобы слышали все.

И еще громче, со специальным «акцентом для туго соображающих», как научила десять минут назад сестра, добавляю, — Мы же расстались!

— Но ты дал явные сигналы об обратном! — искренне возмущается Томпсон. Не играет и не прикидывается. Ее игру я всегда вижу насквозь.

— Когда? — о чем она? — Какие еще сигналы?

— Ты согласился пойти со мной на премьеру «Жезла власти»! В качестве пары, — подняв указательный палец вверх, наставляет понять, что идиот здесь я. — А Роджер сказал, что это скрытый призыв, и ты не хочешь отдаляться. Более того, совершенно не готов рвать со мной отношения. Но, в то же время, не можешь пока признать свою ошибку. Тебе тяжело, и ты ждешь моего к тебе шага. Вот я и решила его сделать.

Роджер — ее недалекий психоаналитик с тех самых пор, как я ее знаю. За все это время он не дал ей ни одного дельного совета. Скорее наоборот, его рекомендации для бывшей всегда удерживали меня от походов к «экспертам».

Ему бы писать бестселлеры «Как заставить говно вонять сильнее». В этом сейчас снова убеждаюсь.

— Роджер твой — идиот. — зло скалюсь в ответ. — И чтобы не внушать вам обоим ложных намеков и знаков, так и быть, на премьеру с тобой я больше не иду. Беру слова обратно. Ищи себе другого сопровождающего.

— Но, Райан! — цвет лица актрисы становится пунцовым. И если в Хлое эта особенность меня каждый раз умиляет, то в Зоуи большей частью вызывает неприязнь.

— Прошу тебя покинуть этот дом.

— Ты меня выгоняешь? Вот так? — с вызовом бросает она мне.

— Могу вызвать тебе такси. — нельзя опускаться до уровня полного говна. Достаяю сотовый и открываю приложение.

— Такси? А своей однодневной шляхе ты тоже вызовешь такси? Пускай она свалит отсюда первая. — Томпсон выпускает яд, меняя лицо диснеевской принцессы на повидавшую виды ведьму.

Будь желчь направлена на меня, я бы стерпел. Но зачем, спрашивается, трогать мою русалочку? Больше не церемонясь, беру ее за локоть и веду к входной двери.

— Ай! — кричит она, словно ей выворачивают руки. — Ты делаешь мне больно!

— Такси вызовешь сама. — выставив ее на улицу, закрываю дверь и иду к Хлое.

У русалочки широко распахнуты глаза. Так широко, словно она вычитала новый метод безоперационного увеличения века, который прямо сейчас активно практикует. Один взгляд в ее сторону сразу же меня успокаивает. Приземляюсь рядом с ней и обнимаю. Целую волосы, голову, висок, лоб. Вдыхаю нежный аромат.

— Может, не стоило ее выставлять за дверь? — с искренним беспокойством шепчет Хлоя. — Наверняка ей некомфортно.

Что она за человек. Переживает о той, которая минуту назад назвала ее однодневной шляхой.

— Она сама меня спровоцировала. Извини, что стала свидетельницей всего этого. — целую ее, но Хлоя отвечает неуверенно. — Что не так?

— Она сказала, что ты ее сам позвал. И что вы собираетесь пожениться.

Да что вообще нашло на Зоуи?

Я бы никогда не стал себя так с ней вести, если бы не этот ее концерт. Вдруг Роджер прописал ей таблетки, видоизменяющие реальность под нужды пациента?

— Я ее точно не звал. А про женитьбу ни разу не заикался. Ты же у нас режиссер, неужели поверила ее игре?

— Не поверила, — на губах появляется слабая улыбка. — Говорю это не потому, что хочу ее унижить, но играет она...такое себе.

— Паршиво, — усмехаюсь, достав телефон. — Называй вещи своими именами.

— Очень-очень паршиво! — смеется русалочка и я целую ее снова, получив, наконец, долгожданный отклик.

Затем отстраняюсь и нажимаю на кнопку вызова, включая громкую связь.

— Друг? — сонно тянет из трубки голос Майка.

Он уже несколько лет снимается на Гавайях в семейной мелодраме, а, так как разница у нас три часа, то сейчас у него, скорее всего, пять утра. Но ничего, он встает как раз в это время.

— Случилось что-то?

— Спишь? Разве сам не рассказывал, что съемки с пяти или шести утра?

— Даа... — зевает со смешком. — Просто сегодня выходной.

— Будет больше времени на полезные занятия.

Майк хороший парень. Открытый, без двойного дна и без мании полизать кому-то зад. Мы как-то сразу нашли общий язык во время съемок моего первого мыла и быстро сдружились.

Вместе ходили цеплять девушек, мечтали о славе и спорили, кто первым какие награды завоюет. Сериал закончился, и видеться мы стали все реже и реже, а три года назад он уехал на съемки на остров Мауи, куда не раз звал приехать, обещая невиданную красоту и полный релакс.

Он однозначно лучше меня, потому что постоянно жертвует огромные суммы своих

гонораров на помощь детям.

В двадцать лет, рассказывая о подвиге друга матери, я был так возбужден, что говорил целый час, не замолкая. Сам вместе с ним отдал часть денег. Но она не оценила тот шаг, ни тогда, ни сейчас. Только усмехнулась, сказав, что, да, есть в этом доля благородства, но, в большинстве своем, глупость. Неизвестно, куда уходят эти деньги, в которые ты вложил столько сил. И лучше бы он помогал своим родителям.

«Или ты хочешь перестать заботиться обо мне? — ее голос отрезвил, вылив холодную воду на мой огненный монолог.»

С тех пор доля матери от суммы моих гонораров увеличилась, а процент для детей пришлось несколько сократить.

Сейчас, чтобы она никак не проведала о том, что я жертвую деньги, мне приходится действовать через Майка.

— Майк, ты кому-нибудь говорил, что я остановился у тебя?

— Хмм... — тянет он и хрипло смеется. — Чувствую, не надо было?

— Не поверю, если скажешь, что Зоуи приехала к тебе на Мауи за моим адресом.

— Друг, — чувствую расстройство в его голосе. — Когда вчера ты набрал мне, так паршиво звучал. А Зоуи уже несколько раз до этого мне звонила. Говорила, что вы поссорились и она не знает, что делать. Скучает по тебе, места себе не находит. Ты же мне ничего не рассказывал. А вы вроде встречаетесь. Вот я и подумал, может тебе паршиво без нее. Поэтому захотел сделать сюрприз.

— Майк. — исподлобья смотрю на ту, кто совершенно не умеет скрывать радость на лице. — Рассказываю вкратце. Мы с Зоуи расстались. И, по ходу, она начала меня преследовать.

— Бляя, а я получается ей помог. Да еще сам к тебе послал. Отсос конкретный.

— Все нормально. Разобрались. Только в другой раз вначале спрашивай у меня.

— Хорошо, бро. Так ты, когда приедешь на Мауи? Чего жопу свою в Саннивейл греешь?

— У меня тут девушка. — ну вот чего она так краснеет, будто я по видеозвонку транслирую Майку наш с ней секс.

— Ха, да у тебя они везде. Ты у нас трахарь-пахарь знатный! — от этих слов друг мог бы конечно воздержаться. И прежде чем он будет петь дифирамбы моему члену, я его останавливаю:

— Майк. Моя девушка Хлоя сейчас на громкой связи. Хочу вас познакомить.

— Бляя... — снова издает Майк, у которого в личном протоколе прописано, что при дамах он не ругается. И это правда.

— Прошу извинить, милая Хлоя. Райан сейчас сильно меня подставил. Уверен, сделал он это специально. Включи видеосвязь, друг.

Русалочка отрицательно качает головой, но я киваю и, придерживая ее за талию рукой, чтобы не убежала, включаю камеру.

Пара бульканий и на экране появляется громада Майк. Темные вьющиеся волосы спускаются до плеч. На крупном загорелом лице горят любопытством карие глаза. Рот улыбается белоснежной улыбкой. Этот пройдоха без майки.

— Очень рад знакомству, — сверлит экран взглядом.

— Взаимно, — краснея, улыбается Хлоя.

— Божечки, она такая милая. — откровенно озвучивает мой друг, словно умиляется котику, — Ты как охомутил такого ангела? — скалится. — Хлоя, уверяю, он не то, что тебе

нужно. — Отодвигает от себя телефон, как бы невзначай давая возможность разглядеть свою высокую фигуру и отличное тело, на котором от плеча к животу тянется татуировка.

— Могу скинуть точный адрес того, кто действительно хорош собой. — Хлоя закрывает рот руками и прыскает от смеха.

Других своих девушек я никогда и ни к кому не ревновал, тем более к Майку, у которого просто подобная манера общения. Но сейчас меня укалывает неизвестное чувство.

— Яйца свои от нее откатил, — рывкаю я.

— Ооо, ничего себе! — довольный собой, он дергает вверх бровями и подмигивает. Хорошо, что русалочка хихикает и не смотрит в экран. — А если серьезно, ты, Хлоя, классного парня себе отхватила.

И неожиданно та, от кого я не ожидаю услышать ответ, вдруг подает голос:

— Я знаю.

— Вот и славно! Тогда приезжайте на Мауи! Устрою вам незабываемые каникулы.

— Мы подумаем, — сухо говорю я.

— Вот он постоянно меня так отшивает! Хлоя, может ты его вразумишь. — вздыхает пройдоха Майк, изображая горечь.

— Ладно, еще созвонимся. — прерываю его технику дыхания. — Мы пойдем завтракать.

— Идите, конечно. Еда важнее друга...

Не успеваю ответить, как он с обиженной миной вешает трубку.

— Это мой лучший друг. — поворачиваюсь к русалочке. — Единственный друг.

— Он классный. — смущенно улыбается она.

Прямо-таки классный?

Ну, такой, нормальный Майк.

Майк как Майк.

— А я какой? — тяну ее к себе и целую.

Облизываю губы, медленно вторгаюсь в сладкий ротик. Дразню и сплетаюсь с ее язычком. Поднимаю девушку за талию и усаживаю к себе на колени.

— Ты самый лучший, — звучит около уха ответ русалочки.

И член начинает вопить: «Ракета готова! Готова!»

Смотрю в глаза Хлои, в то время, как обеими руками глажу ее по груди. Ее ротик открывается и дыхание меняет ритм. Запускаю руки под майку и скольжу вверх по гладкой коже живота. Наконец, обе ладони накрывают два упругих холмика и нежно их сжимают. Отчего русалочка издает приглушенный стон.

*

— Двигайся так, как тебе нравится, — шепчу ей в ухо.

Она слушается. Ее бедра дергаются вверх и вниз, вначале медленно, потом чуть быстрее. Иногда неуверенно и робко, иногда останавливаясь, и тогда она смущенно смотрит мне в глаза. А я чертовски сильно хочу, чтобы ей было хорошо, но сдерживаться все сложнее.

— Райан... — тихо шепчет она. — Райан, я... — стонет и взрывается на мне судорогой, падая на мою грудь.

Через минуту к финалу прихожу и я. В мозгу рассыпается феерверк. Лицо чокнутого ученого-члена перекашивается в счастливой улыбке, а голова падает на табло с кнопками.

Хлоя

Три года назад

«Оставайся сегодня у меня. Отметим мой отъезд» — пришло сообщение от Брэндона.

Я пару раз ночевала в доме его родителей. Миссис Холл выделяла мне спальню напротив комнаты друга, но по большей части он на пол ночи заваливался ко мне. Мы устраивались на полу и смотрели какой-нибудь фильм, обсуждая бездарность актеров.

Лизи никогда не радовали эти ночевки. Она закрывала глаза, обязательно глубоко вздыхала, затем открывала глаза и начинала говорить так, словно у меня существовали всем известные проблемы по понимаю речи:

— Ты у нас умная девочка, Хлоя Райт. Но все же не стоит ночевать у Брэндона. Он дышит на тебя далеко не как добрый самаритянин, у которого уже давно не стоит.

— Лизи!

— Что? Вот когда у него не будет стоять даже с виагрой, тогда и ночуй сколько душе угодно.

На мои слова о том, что друг приглашает остаться у него, ба в тот раз тоже немного странно отреагировала. Хотя она никогда не противилась нашим с ним встречам и о Брэндоне была самого хорошего мнения.

— Поступай, как хочешь, милая. — произнесла она.

Друг заехал за мной на старом белом Мерседесе своего отца. Всю дорогу мы ехали молча. Он был чем-то напряжен и это состояние понемногу передавалось и мне.

По приезду выяснилось, что мистера и миссис Холл нет дома. Они уехали к родителям отца Брэндона и собирались вернуться только на следующий день. То, что мой друг ничего мне про это не говорил, никак не смутило. Смутили только две бутылки вина, которые он радостно поставил на кухонный стол.

— Ты же знаешь, что я не пью.

— Твой лучший друг уезжает. — было мне ответом. — Поэтому сегодня можно и отметить.

Он постоянно доливал вино в мой бокал. Я не успевала этого заметить, удивляясь как мой стакан постоянно оказывается полным. Через какое-то время всякая тревожность отпустила тело. В голове царил легкость и ужасно клонило в сон. Столько алкоголя я не пила ни разу в жизни.

— Я приготовил для тебя полотенце в ванной комнате и пижаму. Как помоешься, приходи в мою комнату. Ляжем спать.

— В твоей?

— Да. Какой смысл спать в разных.

— Хорошо.

Шатаясь, я добрела до туалета, а потом пошла в ванную и приняла душ. Удивляюсь, как не упала тогда. Надела пижаму, которую миссис Холл купила специально для меня, и поплелась в спальню Брэндона.

— Я тоже сполоснусь и приду. — сказал друг, когда я забралась под одеяло.

Мои глаза закрылись почти сразу. Но через какое-то время я почувствовала руки на своей спине. Они гладили меня вверх и вниз.

— Что ты делаешь? — вряд ли можно назвать то мое мычание речью. Голова кружилась, тело не слушалось, и все чего хотелось — это забыться сном.

— Массаж. — последовал ответ, и я прикрыла веки.

Но руки не остановились на спине. Они спустились ниже и стали гладить бёдра.

Странный массаж, — бессознательно подумала я. Сомнения стали нарастать, когда руки начали гладить мою грудь.

— Брендон? — промычала я. — Ты чего?..

Но ответа не последовало. Ватное тело резко развернули, а в рот впились чужие скользкие и влажные губы.

Я целуюсь с Брендонем? — спрашивала я себя, пока его язык пытался пробиться сквозь мои плотно сжатые зубы.

Но он же мой лучший друг...

Это так странно...

Может и правильно сделать это первый раз с ним?

Странно, но при всей симпатии к Брендону, мне никогда не нравился запах его тела. Отталкивал. Каждый раз, когда он меня обнимал или отдавал свою кофту, если я мёрзла, аромат всегда ощущался чужеродным.

Вкус его слюны вызвал в моем теле те же реакции, что и запах — неприятие. Однако тело и разум было сложно контролировать, когда по венам растекалось невиданное для меня количество алкоголя.

Может, у меня со всеми мужчинами будет такая реакция? А это все-таки мой лучший друг...

Я разжала зубы и Брэндон с глухим стоном ворвался в мой рот. Мерзко.

Скорее всего, мне не нравятся французские поцелуи. Да простит меня французская кровь. Но как же это неприятно... даже противно...

А пальцы друга тем временем переместились на низ живота и начали усиленно там тереть. Было неприятно и я мысленно просила, чтобы он быстрее закончил, так сильно хотелось спать.

Он стянул с меня трусы и, сняв свои, зашуршал презервативом. Затем я услышала, как что-то щелкнуло и между ног полилась жидкость, которую он размазал пальцами.

Брэндон лёг сверху, и я почувствовала что-то твёрдое.

— Расслабься, Хлоя. — он снова поцеловал, и его запах с новой силой ударил в лицо. Хотелось отвернуться, закрыть нос и ничего этого не чувствовать.

Потом что-то резко вошло в меня, и я дернулась от боли. Слезы брызнули из глаз. Но меня удержали.

— Какая ты узкая, — хрипел в ухо лучший друг и двигался где-то внутри меня.

Наверное, я фригидная, — думала я, зажмурив глаза, не способная остановить ручейки, что текли по щекам.

Только бы это скорее закончилось, только бы скорее, скорее закончилось.

Тяжело дыша, он, наконец, остановился и вышел. Как хорошо. Я выдохнула, но пальцы вдруг начали размазывать гелиевую субстанцию около моего ануса и сознание на секунду резко протрезвилось

— Нет! — отчаянно и твердо вскрикнула я.

— Хорошо. — тихо ответил Брэндон. — Туда не будем.

Мое тело обмякло. Глаза сразу закрылись. Наконец-то это закончилось и можно спать.

— Открой рот, Хлоя. — его руки приподняли мою голову.

Я различала в темноте, что он стоит напротив моей головы, но не понимала, зачем он встал и что происходит.

— Что? — мне в рот что-то пропихивали.

— Возьми его в рот. — скомандовал Брендон. — Да, вот так. Представь, что это шоколадка и соси.

Пахло отвратительно. Мерзко. Неприятно. Сосать это я никак не могла. И не хотела. Но оно само начало двигаться у меня во рту.

— Лижи его, — постанывал Брендон. — Давай.

У меня начались рвотные позывы, но мой друг, кажется, этого не замечал.

— Сейчас. Я сейчас. — он гладил меня по голове. — Просто проглоти и не бойся.

Он застонал и остановил свои толчки у меня во рту.

— Глотай. — нежно произнёс он, меня передернуло, и я послушалась.

До туалета я, кажется, дошла ползком. Меня рвало снова и снова. Мой организм не хотел ничего принимать и не успокоился пока не вытащил из меня все.

Утром мы мало разговорили. Он довез меня обратно до дома, и я не смогла как обычно чмокнуть его в щеку. К счастью, бабушки не оказалось дома. Она вчера уехала к подруге и собиралась вернуться через день.

Вы когда-нибудь натирались мочалкой с таким остервенением, словно хотели снять с себя кожу? Полностью снять и заменить на новую. На новую. Чистую. Без этого запаха. От которого вас рвало. Снова и снова.

Вы чистили в день зубы каждые десять минут, доводя десны до крови?

Лежать, свернувшись клубочком, и смотреть в окно. Долго. Бесцельно.

Все чего мне тогда хотелось — стереть этот день из памяти. Удалить. Обнулить. И никогда не вспоминать. Забыть.

Ба побледнела, увидев меня, но принялась радостно рассказать о своей подруге. А я с интересом ее слушала и задавала вопросы. Только вечером, она зашла ко мне перед сном и погладив по голове, спросила:

— Он взял тебя силой?

— Нет. — ведь это было не так. Ведь я не сопротивлялась.

Она выдохнула и ещё пару раз провела рукой по моим волосам.

— Не такой первый раз мы с тобой хотели. Не такой... Но остальные у тебя будут намного лучше. Даже не сомневайся.

Но я не верила. До того дня, как в моей жизни появился Райан, мне казалось, что мое тело никогда не сможет откликаться на чужие прикосновения...

Райан

Работницы в магазине игрушек окружают меня хищными акулами и отрицать свое сходство с Райаном Ливом не сулит мне ничего хорошего. Поэтому устраиваю девушкам лучшую фотосессию в их жизни, а затем прошу найти для меня кукол, связанных с тематикой «Холодного Сердца».

Они относятся к просьбе ответственно, и из магазина я выхожу с двумя большими пакетами игрушек в руках.

Поразмыслив, что внучек на мероприятии будет три, и не сумев выбрать из предложенного мне изобилия, я решил поступить проще и взял все. Пусть Роя не думает, что я скупердяй.

Может, не стоило отвозить Хлою к сестре до отъезда?

Ждала бы меня в доме Майка...

Нет, все правильно. Превращаюсь в какого-то странного собственника.

«Это наша территория! — похоже ученый член сходит с ума на пару со мной»

*

Ради дня рождения закрыли весь ресторан. Ожидаемо. Особенно, если знать сколько денег сейчас любит тратить мэтр на свои картины. Но главное — все затраты с лихвой окупаются в прокате, и фильмы приносят немалую прибыль.

— Райан Лив! — улыбается мне режиссер, когда я подхожу к нему поздороваться, поздравить и отдать пакеты подарков.

— Не стоило! — произносит старик, однако в его глазах читаю, что Хелен, как часто бывает, оказалась права. Внимание ему приятно. — Аннабель, погляди, Райан привез тебе подарки.

Девочка воодушевленно скачет на коленях матери и радостно вопит. Затем поворачивает на меня голову, широко улыбается и тут же смущенно упирается в плечо родительницы. Я безотказно действую на женщин любого возраста. Проверено и доказано.

— Смотри-ка, начала кокетничать, — хохочет ее дед. — Райан, проходи, садись. Даже не думай уйти отсюда сразу же. Теперь ты мой гость.

Он подзывает официанта и, шевеля пальцами, на которые нанизаны золотые перстни, распоряжается относительно меня.

Несмотря на довольно раннее время, все пространство стола вокруг мэтра уже плотно облеплено друзьями и родственниками. Еще два круглых стола рядом тоже заняты, поэтому меня приглашают к третьему. За ним сидит возрастная пара и молодая девушка в очках, которая тут же начинает нервно улыбаться.

Парнишка-официант шустро озвучивает меню и интересуется, что я предпочитаю из напитков. Отказываюсь от алкоголя и прошу принести бутылку минералки. Я не очень голоден, но для приличия беру салат.

— Какой? — он вновь, как неугомимая шарманка, готов перечислить весь список, но, перебив его, улыбаюсь и произношу:

— На твой выбор.

— Будет сделано! — с честью принимает вызов и удаляется.

Достаю телефон и вижу сообщение от Хлои.

Хлоя: Райан, знаю, это не мое дело, но твой папа сегодня уезжает. И мне кажется, он бы очень хотел тебя увидеть.

Начинаю набирать сообщение: «Харисон Стил мой биологический родитель, но это не делает его настоящим отцом». Только собираюсь нажать на кнопку отправить, как слева раздаётся знакомый женский голос:

— Райан! — резко поворачиваюсь, встречаясь глазами с Мирабеллой, а потом происходит столкновение.

Молодая официантка врежется в грудь и выливает на мои штаны бокал шампанского, который держит в руке. Жидкость попадает как раз туда, куда надо, если намереваешься оправдываться и рассказывать истории о неудачном походе в туалет.

— Чёрт! — тихо ругаюсь я.

— Все в порядке? — сын Рои в этот момент проходит рядом.

Ощущаю, как окружающие за соседними столами поглядывают в нашу сторону, а побледневшая девушка стоит и, как единственное известное ей слово, нервно повторяет:

— Извините, извините, извините...

— Все отлично! — улыбаюсь, играя роль довольного жизнью и в особенности мокрыми штанами дурачка. — Мне давно следовало прислушаться к позывам мочевого пузыря и проследовать в нужную комнату.

Напряженная тишина вокруг сменяется дружным смехом, и это существенно разряжает накаленную обстановку. Успокоив взволнованную официантку, двигаюсь по направлению к туалету.

После пары неудачных попыток уменьшить пятно, слышу стук в дверь.

Блядь, тут четыре кабинки... Обязательно стучать в ту, что закрыта?

— Райан! — зовет девичий голос. — Позволь тебе помочь.

Не знаю, на какую помощь я рассчитываю, вряд ли у нее с собой волшебная прачечная, но впускаю Мирабеллу внутрь.

Выглядит она прекрасно. Черное бархатное платье умело подчеркивает тонкую талию и широкие бедра. Но мой член при ее виде только зевает, резюмируя: «ну, такое себе».

— Ты забыл телефон, — улыбаясь, протягивает мне сотовый.

— Да нет, просто оставил на столе. Но, спасибо, что принесла его.

В следующую секунду она достает пару салфеток из корзинки и, наклонившись, начинает тереть ими у меня между ног. А затем вдруг принимается активно массировать. И это уже не кинокомедия про сушку брюк, а намеренное переключение в порно-режим.

В другой ситуации я бы не возражал против таких манипуляций ее пальцев, но сейчас мой член истошно вопит в штанах: «Помогите! Насилуют!».

— Не надо, — мягко говорю актрисе и деликатно убираю ее руку с моего паха.

— Ты такой красивый, — она подается вперед, упираясь в меня грудью, и я чувствую затвердевшие соски. — Не могу забыть тот секс в твоём трейлере.

— Мирабелла, я...

Она поднимается на цыпочках и проводит языком по моим губам.

— Трахнешь меня здесь? Как захочешь... — и смотрит такими невинными глазами, прося отыметь ее в туалете ресторана.

Член затыкает свои уши и громко горланит: «Ла-ла-ла! Ничего не слышу! Изыди!».

Девушка поворачивается ко мне спиной, не забывая сексуально потереться попой о мой пах. Кладет свою грудь на стол и, широко расставив ноги, порочно задирает платье.

Член от такого зрелища начинает лихорадить, но он обливается холодной водой и, не жалея силы, бьет себя по щекам. Обкладывается чесноком и судорожно повторяет: «Мне нужна только русалочка! Изыди! Я не дамся!».

— Извини, — произношу как можно мягче.

Мне всегда неловко отказывать женщинам в сексе. Проще трахнуть. Намного проще довести до оргазма и уйти с чувством выполненного долга. А отказ хуже пощечины. Но сейчас я правда не могу себе этого позволить.

— Встречаюсь с другой.

— Разве вы не расстались с Зоуи Томпсон? — Мирабелла удивленно поднимается.

Откуда она знает?

Вроде, не было нигде в новостях...

Или где-то об этом писали... а я все упустил?

— Это не Зоуи. — собственно, что еще сказать, не знаю.

Напомнить опустить платье? Отгоняю мысль. Лучше покинуть этот пыточный туалет от греха подальше. Выбирая из двух зол, я предпочту сидеть в зале и радовать всех своими мокрыми штанишками, чем быть изнасилованным...

— Пойду к гостям. — улыбаюсь в меру, без трагизма и без перегибов. Игра в искренность.

— Хочешь я возьму в ротик? — она снова слишком близко и ее рука нежно гладит мой доведенный до нервного испуга член, который начинает твердеть.

— Мирабелла, у нас не будет секса.

Применяю еще один урок «для непонятливых» от сестры: «Говори медленно и акцентируй на каждом слове».

Убираю руку актрисы и быстро выхожу.

Когда дохожу до своего места, вспотевший от перенесенного напряжения член радостно обмахивается платком и нервно дышит: «Я чертов кремень! — гордо говорит он.»

Дорогие читатели,

Ваши лайки и комментарии очень важны нам с Музой))

Всем чудесной пятницы!

Хлоя

Неделю спустя.

Болезненные мысли уже несколько дней жужжащими пчелами крутятся в голове и жалят тело. Сегодня я снова решила, что расскажу ему, а потом, как и сотни раз до этого, обрушила на себя шквал вопросов под общим лозунгом: «Зачем?».

Действительно ли нужно посвящать Райана в этот мерзкий эпизод моей биографии?

Это как, если бы в сказку о Белоснежке вдруг поместили Чужого и он безжалостно выпотрошил изнутри пару гномов.

Мне даже сейчас становится ужасно противно стоит мне только вспомнить... Именно поэтому я попыталась стереть и удалить ту сцену из головы, запретив себе даже на секунду думать о ней.

А что почувствует он?

Отвращение?

Неприязнь?

Не станет ли ему противно мое общество? Не побрезгает ли прикоснуться ко мне снова после того, как узнает? Потому что, если да..., то я не знаю, смогу ли это пережить... Одна мысль о возможной неприязни в его глазах ранит сильнее той жуткой ночи.

Но он ведь ничего не спросил. Значит, можно не говорить. Забыть и жить дальше.

А если спросит?

И не я ли всегда считала, что в настоящих доверительных отношениях, надо быть честными во всем со своим партнером.

Или не надо? Он же не считает меня шлюхой или легкодоступной женщиной?

Если бы он только знал, как сильно я мечтала, чтобы именно он стал моим первым.

— Хлоя! — неожиданно меня хватает за руку неизвестная девушка в черных обтягивающих джинсах и короткой майке с изображением разноцветного языка. Мы с Джорджем как раз выходим из здания театра. — Вы же Хлоя Райт?

— Да.

Сегодня третий день конкурса «Молодой Спектакль Года». Через два дня должно состояться наше выступление, поэтому мы стараемся использовать каждую свободную минуту для репетиции. Лизи умудрилась подвернуть ногу, но тут же убедила меня взять себе главную роль. Точнее, это было убеждение на грани принуждения и угроз.

*

— Ты ее знаешь наизусть, разве нет? Как и все остальные роли. — сканировала меня взглядом подруга, готовая сразу уличить в ложном ответе.

— Ну-у да, но... — вот почему я не умею мгновенно придумывать множество причин, как она?

— Никаких «но»! Ты видела, как сама вампиресса визжала от того, что наш спектакль позвали в Нью-Йорк? Или не слышала?

— Да, слышала, конечно. Но как я могу поехать без тебя? Давай отменим, откажемся...

Мне казалось нечестным ехать куда-то без Лизи. Она столько сделала для этой постановки. Но подруга думала иначе.

— Ты с ума сошла? — широко распахнув глаза, она больно ударила меня по плечу. — Я

тебе этого никогда не прощу, поняла! Если не поедешь, не прощу!

*

— Это вы режиссер-постановщик пьеса? — улыбается девушка, доставая диктофон и смачно жуя жвачку. Арбузный вкус настолько резок, что сразу же ударяет в нос. — Позвольте задать вам пару вопросов?

С надеждой смотрю на Джорджа. Мы на удивление легко нашли с ним общий язык. Капитан «Волков» понимает меня без слов, почти как Лизи. Так, например, сейчас гладит меня по плечу, уверяя, что не оставит одну.

И я искренне надеюсь не попасть под обстрел ругательств от наследницы Тру Голд, когда решусь ей рассказать, что, в ее отсутствие, из всей труппы актеров, я смогла сдружиться только с тем, кого она терпеть не может.

Интервью оказывается не долгим и, получив мои, содержащие чересчур много тянучих «э-э-э», ответы, журналистка с довольным выражением лица удаляется.

— Странное интервью, — шурится Джордж ей вслед.

— Почему?

— Она постоянно тебя перебивала, да и вопросы не самые интересные. Шаблонные.

— Да? Я как-то не обратила внимания.

— Потому что ты устала. — по-доброму улыбается Шептон. — Перекусим в той кафешке, куда ходили вчера? У них отменные бургеры. Как раз немного отдохнем.

— Давай, — соглашаюсь, чувствуя, как усиливается слюноотделение от одного упоминания о еде.

*

— Как там, кстати, нога Элизабет? — как бы невзначай интересуется капитан «Волков», когда мы приземляемся на уже полюбившийся нам в прошлый раз столик.

Еле сдержав улыбку, отвечаю ему в духе «я, конечно, не заметила, что ты постоянно спрашиваешь меня о Лизи. А будь возможность, заставил бы заполнить про нее подробную анкету». Вместо этого говорю:

— Лучше. — и после того, как официантка принимает заказ, добавляю. — Передавала тебе привет.

Я редко вру. Но сейчас убеждаю себя, что лишь играю необходимую роль для подтверждения моей догадки.

Это все ради Лизи.

И, да! Бинго. Срабатывает!

Невозмутимый Джордж очаровательно вспыхивает, опуская лицо вниз, в надежде скрыть от меня свою ликующую улыбку.

Не могу понять, как раньше не замечала его интерес к подруге. Хотя, как бы я заметила, ведь мы с ним почти не общались.

Это еще одна новость, которую ужасно хочется рассказать Лизи. У меня каждый раз, как я беру телефон в руки, припадочно чешутся пальцы. Но желательно увидеть реакцию наследницы Тру Голд вживую, поэтому оттягиваю этот момент до нашей встречи. Мысленно представляю ошарашенное лицо подруги и череду сменяющихся на нем эмоций.

Она его терпеть не может, а вот он совсем наоборот.

Может быть, узнав о чувствах Шептона, она сумеет разглядеть, какой он в действительности хороший парень.

Они бы так классно смотрелись вместе, — фантазирую я, пока Джордж рассказывает

очередную смешную футбольную историю. И чувство юмора схоже с Лизиним. Неужели я становлюсь, как и подруга, планирующим судьбы людей купидоном?

**

Спектакль состоится завтра. Стрелка часов беззаботно приближается к десяти вечера, не слушая мои уговоры и не желая немного сбавить скорость.

Закончив последнюю совместную репетицию в восемь, мы разошлись с Джорджем по своим номерам, а час назад я болтала по видеосвязи с бабушкой. Она уверяла меня в грандиозном успехе.

Лизи, сославшись на что-то странное, не смогла принять звонок, но прислала километровое сообщение о нерушимой вере в мой талант.

А сообщения от Райана заставляют меня нервно дергаться и прятать телефон от окружающих. Краснеть до корней волос, совершать полоумные танцы в любых пустых коридорах и чувствовать себя совершенно счастливой.

День бесконечных репетиций основательно меня вымотал, но заснуть никак не получается. Сон постоянно ускользает. Слишком сильно нервничаю.

Стук в дверь заставляет вздрогнуть.

— Хлоя! — кричит Джордж. — Ты спишь?

Неприятное предчувствие крадется по спине холодными щупальцами.

— Что случилось? — накинув халат, открываю дверь и выхожу в коридор.

— Хлоя! — Шептон напряженно смотрит мне в глаза. — В интернете написано, что отец Лизи получил инсульт.

— Что? Мистер Стил? — коридор начинает качаться. — Ты уверен?

Он кивает.

— Собираемся. — начинаю метаться из стороны в сторону.

Потеря обоих родителей далась мне в свое время не легко, а мистера Стила я люблю. Возможно, не как отца, но как очень близкого и родного для меня человека. Поэтому новость меня дестабилизирует. И я не сомневаюсь, что должна быть там. С ней. С моей Лизи. И с ним. Если даже у них натянутые отношения. Это все же его отец. Стены вокруг становятся на удивление плавными.

— Хлоя, — Джордж хватает меня за плечи и обнимает. Крепко. — Успокойся немного. Успокойся.

Но я стараюсь вырваться, несмотря на то что ноги плохо меня держат.

— Что ты делаешь? — зло кричу я.

Сбрэндил он что ли совсем. Мистеру Стилу там плохо, а этот придурок тут меня обнимает. Пытаюсь отпихнуть футболиста, но хватка становится крепче и через пару минут я немного расслабляюсь и успокаиваюсь. Даже обнимаю его в ответ. Не знаю, откуда он научился подобным приемам, но это правда помогает. Тревога отпускает, и голова понемногу приходит в норму.

— Лучше? — обеспокоенно спрашивает он.

— Да, — тихо отвечаю я, и только после этого Джордж отодвигается.

— Давай мы сейчас вместе позвоним Элизабет, узнаем, что и как, и уже после этого будем думать, что делать, хорошо? — берет меня за руку и я, наконец, понимаю, что он в своем уме. Просто пытается поддержать.

— Хорошо. Пойдем ко мне в номер.

— Именно это я и хотел предложить.

*

Лизи отвечает почти сразу.

— Чего ты не спишь? — голос из динамика раздается уставший, но старающийся звучать бодро. — Завтра твое выступление в конкурсе.

— Я и Джордж сейчас говорим с тобой на громкой связи. — сразу предупреждаю подругу. — Мы знаем о Мистере Стиле. — пытаюсь не звучать истерично. — Хотим спросить, как он. Мы сейчас соберемся и вылетим первым возможным рейсом.

— Ему уже лучше.

— Повтори по видеосвязи, иначе я позвоню Райану.

Ответ Лизи прозвучал слишком быстро, и я не могу определить играет она или нет.

— Хлоя-моня, — тихо говорит подруга. — Не звони, пожалуйста, сегодня Райану. Просто поверь мне, ладно? Я тебе потом все объясню.

— Хорошо. Тогда повтори, как там мистер Стил? — но Джордж аккуратно забирает из моих рук сотовый, который я сжимаю со всей возможной силой.

— Ему лучше. — следует ответ.

— Элизабет... — произносит футболист

— Джордж! Ты же там? — от ее командного голоса, тот вздрагивает. — Слушай меня внимательно. Ты должен любым способом остановить Хлою от вылета сюда пока вы не выступите со спектаклем. И вы оба ради меня обязаны отыграть завтра лучше, чем на отлично, и только потом явить сюда свои задницы. Понятно? Желательно с одним из призовых мест!

— Нет! — кричу я.

— Можешь даже запереть ее, — без тени жалости продолжает она. — Обещай мне! Обещай мне, Джордж!

— Обещаю. — покорно отвечает он, и по нервно играющим желвакам на лице капитана «Волков» я понимаю, что из комнаты мне просто так не выйти.

— А с меня исполнение любой твоей просьбы. — радушно произносит Лизи. — Все, мне пора идти. Завтра созвонимся.

Райан

Сестра берет мою руку и тянет идти за ней в дальнее крыло дома. Туда, где находится кабинет отца, святая святых Харисона Стила. Из детских воспоминаний я помню, как мама просила не бегать в ту часть дома и не беспокоить лишней раз занятого родителя. И сейчас сознание, когда-то давно прилежно усвоившее урок, посылает сигналы телу, и оно пытается сопротивляться.

Однако, то ли моя сестра «Зена — королева воинов», то ли ее выражение лица не терпит возражений, потому что ноги хоть и продолжают протестовать, но все равно послушно следуют вслед за ней.

Наконец, она открывает заветную дверь, и мы входим внутрь. Мне не часто доводилось быть в этой комнате, но знакомый с детства запах дорогих сигар, кожи и неизменного парфюма отца больно отдаётся в груди.

«Однажды, этот кабинет станет твоим. — улыбаясь, говорил он мне в давно затянувшемся сорняками воспоминании. Настолько обросшем дикой травой, что мои руки будут поцарапаны, если я попытаюсь посмотреть на довольное лицо восьмилетнего мальчишки.»

Широкий деревянный стол, кожаное кресло, растянувшийся во всю правую стену шкаф с бесчисленным количеством книг.

— Зачем ты меня сюда привела?

— Нам не сюда, — она не достаивает меня поворотом головы, а берётся за ручку, которой нет в моих флешбэках. Незнакомая дверь красуется в левой стене. Элизабет тянет ее на себя и заходит, а я, движимый любопытством, иду за ней.

Когда в новом для меня помещении щёлкает выключатель и загорается свет, я ошеломленно застываю. Столбенею, не способный дышать. По своему размеру комната похожа на кабинет отца или даже несколько больше в длину. На стенах висят все так хорошо известные мне плакаты, и имеются такие, которые я вижу впервые. Посередине широкого стола аккуратно разложены билеты, брелки, фигурки, наклейки, блокноты... — всё, на чем присутствует моя физиономия.

— Добро пожаловать в комнату славы Райана Лива. — вещает голос сестры. — У папы по всему миру раскиданы люди, которые собирают предметы так или иначе связанные с его сыном. У нас, кстати, есть коллекция не только твоих фильмов, но и всех твоих неудачных дублей. Если будет желание посмотреть, обращайся.

— Зачем ты мне это показываешь?

— Затем, что ты понятия не имеешь, кто твой самый большой поклонник. И сегодня ты нужен ему. А если единственный способ отвести тебя на встречу к папе — это рассказать всю правду, а не только ту часть, которую знаешь ты, значит, время пришло.

— О чем ты говоришь? — нахожусь в шоке от увиденного, но ничего не могу понять. — Если ему не все равно, то почему, почему он ни разу не попытался связаться со мной?

— Ты, надеюсь, шутишь? — моя сестра, похоже, превратилась в бесчувственного киборга.

Непонимающе смотрю на неё. Она хмурит лоб и вздыхает:

— Извини, но буду предельно честной. Скорее всего это снова проделки

неподражаемой Аманды Стил.

— Мама?

— Ты никогда не задавался вопросом, почему она взяла с собой тебя и бросила меня? Нет? Потому что ты задавался другим: почему тебя бросил отец. Страдал. Делал из отца тирана. Райан, а ты хоть раз подумал, какого было мне осознавать, что она оставила меня, менее чем годовалого ребёнка, но зато за своего десятилетнего мальчика вцепилась, как жадная змея.

— Она не могла тебя забрать, — отвечаю с сожалением. — Она не раз рассказывала, что пыталась, но отец...

— Неужели? Серьезно? Прямо вот пыталась? А ты знаешь сколько раз она приезжала меня навестить к тому моменту, когда мне исполнилось три года? Ровно три раза. Раз в год же достаточно. Зачем навещать свою дочь чаще? Ничего же выдающегося или интересного она из себя не представляет. Пойдём, покажу кое-что.

Открывает дверь, и мы выходим обратно в кабинет отца.

— Мне надо было все понять. — шарит рукой под небольшим ковриком на высоком комод, расположенном вдоль стены и достаёт маленький ключ. — Ты меня знаешь, я не успокоюсь, пока не найду все ответы и не выстрою линию поведения полностью.

Садится в кресло главы дома, и я наблюдаю, как сестра умело открывает потайной ящик отца. Интересно, я бы сам сообразил рыться в его вещах?

— Пожалуйста, не думай обо мне плохо. Я была уверена, что именно здесь он хранит то, что я ищу. В других ящиках не копалась. Мне и этого вполне хватило. — достаёт письмо и протягивает мне.

Пробегаюсь по строчкам. Мамин почерк, узнаю его сразу.

«Отдай мне сына или я покончу с собой.

Дочь можешь оставить себе.»

— Она уже резала себя однажды. Думаю, именно поэтому папа испугался и разрешил ей забрать тебя.

— С чего ты взяла, что...

— Наняла частного детектива. — первый раз за вечер Элизабет улыбается. — Аманда резала себя, но поверхностно. Без малейшего риска для здоровья.

— Но зачем ей...?

— А ты бы захотел потерять миллионное состояние и мужа, исполняющего все твои прихоти? Вот она и пыталась это предотвратить. Довольно изощренно, кстати. Только папу, скорее всего, вся ее тактика еще больше отталкивала. Он к тому моменту уже разглядел истинное лицо своей жены. Главная мамина проблема в том, что любит она только себя. Ты не замечал?

— Нет. Она заботилась обо мне. — парирую я, чуя подвох. И не ошибаюсь.

— Н-у-у-у-у, — тянет Элизабет. — Предположим, что да. По-своему она любит нас. Но я не могла смириться с тем, что предпочли тебя, а не меня. Я очень люблю тебя, братик, ты это знаешь. И даже отдам тебе почку, если понадобится. Но подчиниться неизвестности не способна. Слишком это бесило и раздражало.

— И?

— Мама в молодости хотела стать моделью, внешность вполне позволяла. А оттуда пробиться в кино. Но даже деньги отца не смогли бы помочь ее бездарности. Тут я пошла в неё. — беззлобно усмехается шпионка. — А вот ты оказался талантлив. Уж не знаю в кого

ты пошел, но ты и вправду очень талантлив, братик. И мама ухватила за тебя, как те помешанные родители, реализующие свои несбывшиеся мечты через детей. К тому же, как раз в период начала их развода, тебе предложил контракт ЧайлдФан. А упустить тебя значило упустить столько труда, времени и денег. Представляешь, какой облом. Таскать тебя с самих пеленок на различные кастинги и в преддверии успеха остаться без своего золотого яйца. — выжидающе смотрит на меня. — И потом, у тебя же до сих пор контракты заключаются таким образом, что определенный процент поступает на счет матери, разве не так?

Этого она знать не должна, но да, все именно так.

— Так.

— Ну, а я не представляла интереса. Стала бы скорее обузой.

— Мама так не считала! — начинаю я и с пеной у рта доказываю, что в этом она точно ошибается. А мелкая молча кладёт свой телефон на стол и нажимает на кнопку. Откидывается в кресле и, закрыв глаза, шевелит губами, а голос, голос нашей матери раздается в комнате:

— Понимаешь, она стала бы обузой. Ну что я смогла бы сделать, если бы на руках был маленький ребёнок. Как бы продвигала сына... — палец сестры опускается на экран и голос замолкает.

У меня из легких будто забирают весь кислород. А Элизабет, напротив, сидит совершенно спокойная. Ни гнева, ни грусти, ни единой эмоции.

— Я отмотала на нужный момент. Могу процитировать всю запись наизусть.

— Но как...?

— Йоло, любовник мамы, помнишь такого?

Сложно забыть. Кажется, единственный, кто сам ушёл от неё, несмотря на ее уверения, что это она его бросила. Ему одному она делала дорогие подарки.

— Настоящее имя — Джо Гаркен, я наняла его. — наверное, чего-то подобного я и ожидаю, потому не удивляюсь. — Подающий большие надежды актёр из Оклахомы. Научила парня, как не стать жертвой Аманды, а, наоборот, получить доступ к тайнам. Наша мать любит болтать. Большею частью всякую фигню, но я была уверена, что стоит ей проникнуться к Йоло и ларец откроется. Ему лишь следовало приблизиться и задать ей нужный вопрос в удачное время и все само бы сложилось. Она же так часто меняет своих молодых любовников, просто потому что ей везет, не встречает настоящего жиголо, который бы вертел ею, поэтому пришлось приложить руку.

— И все сложилось...

— Как видишь. Но не надо так на меня смотреть. Сейчас потрясение переживаешь ты, а не я. Это был подарок, который я себе вручила на восемнадцатилетие. За эти несколько лет я полностью успокоилась. Аманда Стил, конечно, сука. Но всё-таки наша мать. Ты придёшь к этому, поверь мне.

— Сколько ты заплатила Йоло?

— Скажем так, оплата производилась не в денежной форме. Не надо так удивляться. Мне было приятно осознавать, что та, кто бросила меня, посчитав обузой, пускает слюни на того, кто в свою очередь хочет меня. Я приготовила ему толстый конверт по окончании работы. Но он его не взял, представляешь? Сказал, что сделал все только ради меня, назвал маму сукой и признался, что после признания Аманды трахал ее через силу, будто насиловал себя. Пожелал мне счастья. Ну и, говоря откровенно, ты же видел Йоло?

Видел.

Даже Хелен, утверждающая, что я лучший мужчина на планете, не воздержалась от комментария при виде маминого любовника: «Как же красив новый трахарь твоей матери! Я бы тоже на ее месте обкололась чем угодно, только бы не потерять такое роскошное орудие».

— Вечером поехала к нему в отель. Извини за подробности, но это была лучшая потеря девственности, о которой только можно мечтать. Своего рода, отместка нашей маман. С последующей незабываемо приятной неделей.

Райан

Я стараюсь никогда не пить спиртные напитки, потому что алкоголь вырывает из неизвестных мне самому глубин дикую и неконтролируемую ярость, которую на одной из вечеринок в старших классах почувствовал на своей шкуре неудачно пошутивший Лекс Спаркс. Каждый раз его окровавленное лицо всплывает в памяти, останавливая всякое желание заказать выпивку.

Сдерживать агрессию в пьяном состоянии слишком сложная задача для Райана Лива.

А сегодня все летит к ебням. Все, ради чего я столько лет работал, разваливается. Трещит, как выжившие из ума швы, и едко смеется мне в лицо.

Все, во что я верил, оказалось ложью.

Мать, столько лет строившая из себя жертву, вливала мне в уши помои, от которых нестерпимо хочется блевать.

— Аманда Стил, — спокойно говорила моя младшая сестра, оказавшаяся не по годам старше меня, — Конечно, сука. Но всё-таки наша мать. Ты придёшь к этому, поверь мне.

Может, однажды, но не сейчас. Сейчас мне проще заказать памятник и попросить установить его на кладбище, чтобы считать ее давно ушедшей. А всю эту многолетнюю мифологию, которой она меня спаивала воспринимать травмой детского сознания, вследствие утраты матери.

Отец, о котором я столько лет грезил, лежит в больнице.

Сколько времени потеряно из-за гнилой лжи и моей тупой доверчивости словам бездушной родительницы?

Я буду находиться возле отца столько, сколько понадобится. Небо. Умоляю. Не отнимай его у меня. Врачи говорят, что худшее позади, но мне сложно кому-то верить.

«Калифорнийская Мечта» — сериал, в котором ведущим актером был я. Но продюсеры решили разорвать со мной контракт. Ну да хрен с ними!

Роль в большом и стоящем фильме у самого Джонни Роя.

Он даже похвалил мою игру на прослушке, и я радовался, как десятилетний школьник. И хотя роль не главная, но это же, мать его, Джонни Роя.

Да и на дне рождения его внучки вроде все неплохо прошло.

И на тебе!

Вам просили передать, что с вами не могут подписать контракт.

А всё из-за чего? Из-за недавно вышедшей гребанной статьи с тайной подружкой Райана Лива!

Почему ты так со мной поступила?

Почему?

Почему именно ты?

Да если бы Зоуи кровью расписалась под этими словами, мне было бы плевать. Если бы даже явилась Эмилия и подтвердила всю эту чушь, мне было бы вдвойне плевать, потому что *ты* бы оставалась на моей стороне.

Русалочка...

Хочется разгромить все вокруг и выть, разрывая связки. Я гребанный слабак, но мне, черт его дери, больно. Очень больно. Я же любил тебя! Всем сердцем! Блядь, я и сейчас тебя

люблю! Сука! А ведь, посмей кто так тебя назвать, разбил бы лицо, похлеще, чем Спарксу...

Пью снова и снова. Пока в дверях не раздаётся щелчок.

Пара неуверенных шагов и до слуха доносится тоненький голосок:

— Райан, — врезается в тело, пробираясь по воспалённым нервам.

Ха!

Единственная, чью игру я не смог разгадать.

Стоит в дверях комнаты и робко смотрит на меня. Подумать только, какой невинный взгляд.

— Райан, я...

— Сука. — заканчиваю за неё и её взгляд немеет.

Кое-как встаю и, пошатываясь, подхожу к девушке. Провожу пальцем по линии чувственных губ.

— Очень лживая сука. Блядь! — вторая рука, сжатая в кулак, врезается в стену около ее головы.

— Почему? — обхватываю тонкую челюсть. — Отвечай мне, почему?

Потому что я послал их всех на хрен, когда они назвали мне твоё имя, сказав, что всё это твоих рук дело. Грубо послал и повесил трубку. Ни на минуту не сомневался в тебе.

А потом они прислали запись. И я снова не поверил. Не хотел.

Ты хоть представляешь, насколько глубоко проникли в меня твои лживые глаза и слова?

Но следом они направили скрины переписки. Кроме тебя я никому не рассказывал об отце. Но ты решила поведать миру не только мою биографию. Помимо этого, ты почему-то захотела представить меня чуть ли не психопатом, озабоченным козлом, который берет женщин силой. И даже это не ранило так сильно, как те фотографии...

Хватаю Хлою за руку и с силой тащу к столу, на котором лежат ее снимки с этим убогим футболистом. Как они нежно обжимаются в коридоре и идут к ней в номер. А рядом фотографии с каким-то темнокожим парнем, неизвестный хрен приобнимает ее за плечи. А она стоит, и вся светится, еще бы, на втором снимке парочка во всю сосетса.

— Смотри, — тычу в снимки. — За эту неделю, что тебя не было, ты с ними обоими трахалась?

— Райан, я...

— Или вы, может, закатывали веселые групповухи?

Из всех женщин вокруг я полюбил самую лживую суку!

— Хочешь сказать, фотомонтаж? — с силой трясу ее.

Блядь, ну скажи, что гребанный монтаж.

— Нет, Райан...

— Признаешь! — от выпитого и нервов меня будто лихорадит. — Мне порадоваться, что футболист задрал тебе юбку?

— Нет! — кричит она. — Нет!

Но я не могу остановиться. Мне слишком больно. При этом ощущаю какую-то нездоровую физическую потребность до нее дотрагиваться, именно поэтому я все еще удерживаю Хлою в своих руках. И ненавижу себя за то, что даже сейчас, зная о ее двуличности, готов жадно целовать ее губы.

Целовать, обнимать, снова целовать. Ненавижу то, как сильно хочу русалочку, несмотря на всю эту грязь. Потому следующей фразой я стараюсь отрезвить и ранить себя больше:

— Или, может, ты и раньше с ним трахалась, а при мне изображала из себя недотрогу?

Ой, смотрите, я такая невинная, что во мне уже успела побывать целая футбольная команда!

Она дергается, будто от удара, и резко убирает от себя мою руку. Лицо теряет цвет, стеклянный взгляд смотрит сквозь меня. Во мне вспыхивает невыносимое желание прижать ее к себе, за что я становлюсь себе еще более противен...

Она уходит прежде, чем я успеваю среагировать. Мир вокруг плывёт. Опускаюсь на пол и закрываю глаза.

— Райан? — кто-то трясет меня за плечо.

Распахиваю веки и смотрю на обеспокоенное и размазанное для моего нынешнего зрения лицо своей сестры.

— Ты в порядке? Хлоя приходила? Почему ты напился, и где она?

— Твоя лживая подружка всех нас перехитрила, — криво усмехаюсь.

— Ты слишком много выпил и бредишь, — Элизабет пытается поднять меня с пола. — Ты же... — чувствую, как мысль рождается в умной голове мелочи, — Не поверил, что это моя Хлоя-моня могла дать то дебильное интервью? Райан?

— Не поверил. Но они, блядь, прислали доказательства.

— В наш век я тебе сама, что угодно, пришлю, — ее очередная попытка меня поднять с треском проваливается.

Притягиваю сестру к себе и шепчу в ухо:

— А ты знаешь, что она трахается с твоим футболистом?

— Заткнись, — Элизабет сердито отталкивает меня от себя.

— Открою тебе секрет, она не была девственницей, как ты считала. Посмотри фотографии на столе.

Сестра больше не делает попыток меня поднять. Она встает и с опаской косится на стол, как если бы по нему бегали крысы.

— Не может быть. Она бы сказала мне. — присаживается на край дивана и хватается за голову, — Что... что... могло ее заставить молчать о таком важном событии? — мое пьяное убожество на полу перестает ее волновать. — Только не это... — глухим, чужим голосом, произносит Элизабет. — Гребанный мудака!

— Согласен. Мудака футболист. А она втерлась к тебе в доверие...

— Блин, Райан! Нет! Пожалуйста, замолчи! Она точно не предпринимала попыток, чтобы сблизиться со мной. Я все сделала сама! Шептон, как ты понял, нравится мне давно. В средней школе он пару недель встречался с Самантой Броди, которую я откровенно недолюбливала из-за ее лживой сучьей натуры. Эта крашенная блондинка, как и многие до нее, пыталась со мной сдружиться, но получала заслуженный отворот-поворот. Потом они с Джорджем расстались, и я стала свидетельницей ее одиноких крокодильих слез на спортивной площадке. Сомневаться из-за чего она убивается не было повода. Строить из себя целиком и полностью стерву тоже не хотелось, поэтому я подошла ее поддержать в убеждении о скотской натуре Шептона

— Он сказал, что ему нравится другая. — со злостью призналась тогда Броди, оценивая меня разглядывая.

— Да? И Кто? — стараюсь не звучать заинтересованно, спросила я.

— Хочешь узнать, да? — усмехнулась ведьма.

— Не то чтобы...

В этот момент на дорожке показалась Хлоя. Новенькая, не так давно перешедшая в нашу школу.

— Она. — тыкнула в нее пальцем Саманта. — Джордж полностью очарован этой миленькой Райт.

Сестра поднимает на меня глаза, как после долгой исповеди.

— В тот же день я подседа к Хлое в столовой.

— Держи друзей своих близко, а врага еще... — я не успеваю договорить.

Мы оба поворачиваемся на шорох, раздающийся в дверях. Та, о ком рассказывала Элизабет, стоит на пороге и во все глаза смотрит на нас. И в эту минуту мне вдруг становится плевать на то, что она разрушила всю мою карьеру. У меня сердце кровью обливается от одного ее вида.

Войдя, она проходит к столу и ставит на него кружку.

— Хлоя, я... — сестра встает со своего места и делает пару неуверенных шагов к подруге. Но та останавливает ее, подняв руку в защитном жесте.

— Не подходи, пожалуйста, ко мне сейчас. Ладно? — подобие кривой улыбки мелькает на лице.

Хлоя подходит ко мне, опускается на пол напротив меня и тихо произносит:

— Я сделала тебе ромашковый чай. И еще кое-что. Я тебя никогда не предавала.

И прежде чем мне удастся что-то ответить или дотронуться до нее, она встает и быстро уходит.

Попытка подняться венчается успехом, но через пару шагов следует падение и боль. Элизабет кидается ко мне, и сквозь расфокусированное пространство я отчетливо вижу ее слезы.

— Догони ее, — злясь на себя, говорю я. — Видишь, ей плохо.

Хлюя

Бабушка не отговаривала. Ни раньше, ни в этот раз. Она только спросила, не хочу ли я рассказать ему свою версию событий и только после этого обрубать концы. Но к тому моменты, мои чувства, тянувшиеся к Райану самыми светлыми нитями, на которые было способно бившееся в груди сердце, оказались наполовину вырваны. С кровью и болью. С криками, сопротивлением, отторжением.

Я стала собственным беспощадным, бесчувственным и безликим палачом, чье ничего не выражающее лицо не жалело плачущего внутри ребенка, убеждая — все заживет и затянется. А внутренние шрамы — они только укрепят и сделают тебя намного сильнее. Ты только потерпи, немного потерпи. Мой внутренний ребенок недоверчиво смотрел, но верил мне...

Рассказывать что-то Райану, объяснять или оправдываться не было желания. Он не поверил мне и посчитал предательницей. Его усмешка и те слова вновь и вновь разливались в голове ядом, колкими осколками отдавались во всем теле при одном только воспоминании.

Неужели ты посчитал меня настолько хорошей актрисой? Способной играть роль влюбленной в тебя и готовой на все... Ну, раз ты так веришь в мою игру и не веришь в мою искренность... Что ж, это твой выбор.

— За тобой приехала машина, — кричит из кухни бабушка.

Первый раз за мной присылают автомобиль.

Взглянув на себя в зеркало, по инерции крашу губы бальзамом и, взяв сумку, спускаюсь вниз.

*

— Тебе предложит работу Гэрри Вилсон. — сказала та женщина. — И ты имеешь полное право мне не верить, но не соглашайся. Да, он удачно продвинул Саманту Пирс и Луизу Вайс, но не раскрыл их талант, а лишь превратил в однотипные машины. Это тебе не нужно. Поверь. Твой потенциал достоин гораздо большего. Мне известно, что тобой заинтересовался Сэм Тойлон. Да, он уже пару лет не у дел, и поговаривали о его алкоголизме, но кто без греха? Зато не лапает своих протеже, как тот же Гэрри. И именно благодаря ему, мы знаем таких звезд, как Чарли Гир, Эшли Далтон или уже легенду Майкла Ричардсона! К тому же сейчас ходит много слухов о каком-то проекте с Европой, вроде как раз собираются заняться подбором актеров. Может, и для тебя там найдется достойная роль.

— Кто вы, могу я спросить?

— Можешь! Считай, что я добрая фея! Клянусь, сама бы схватилась за тебя, но есть у меня любимый мальчик. Получится слишком запутанно. — у нее зазвонил телефон. — Блин! Везде достанут! Мне пора бежать, а ты обещаю дождаться звонка Тойлона.

— Обещаю. — ничему не веря, произнесла я.

Однако все произошло, как она и описала. Гэрри Вилсон окружил меня самыми лестными признаниями и восхищениями, обещал, что с ним я стану новой звездой. Только час выслушивала о своем таланте. Но если раньше весь этот час я бы краснела и не находила себе места, то сейчас, на месте моего сердца образовалось выжженное поле, в котором выл одичалый ветер, и, прослушивая красноречивого Вилсона, я безучастно смотрела на свои ногти, размышляя над тем, что стоит их немного подпилить.

Все эти ласкающие слух слова не находили во мне отклика, они рикошетом вылетали обратно. В конце разговора я вежливо поблагодарила агента, обещав подумать и перезвонить. Подобного ответа на том конце провода явно не ожидали, так как прощались со мной уже намного более сдержанно.

А потом позвонил Сэм Тойлон. Он говорил со мной от силы минут пять или семь. Сказал, что талант есть, но нужно много работать, если я хочу чего-то большего, чем второсортные роли. И предложил уже на следующий день устроить встречу с читкой. Его голос звучал уверенно и строго, без фальши и лишних любезностей. Деловой короткий разговор.

— Я согласна.

— Хорошо. — показалось ли мне, что голос мужчины потеплел?

*

Машина отвозит меня в аэропорт, а там, поднявшись на борт самолета, я за полтора часа оказываюсь в Лос-Анджелесе. Не знаю, как бы я пережила все эти моменты без последних случившихся со мной событий. Наверное, сердце бы бешено колотилось, а колени тряслись, но ничего подобного не происходит. Моя рука уверенно сжимает ручку чемодана, а тело остается спокойным, когда я выхожу в зал ожидания.

Сэм Тойлон оказывается грузным высоким мужчиной, одетым в джинсы и гавайскую рубашку. Он встречает меня с табличкой, на которой красуется мое выведенное от руки имя, а над ним маленькая звездочка.

Подхожу, здороваюсь.

Он бросает на меня один оценивающий взгляд без капли похоти, который я выдерживаю, не смущаясь, и удовлетворенно кивает. Берет мой чемодан, ведет к своей машине и сразу же переходит к делу.

Идут переговоры о совместной картине с французами, съемки планируются в Париже. В свое время этот сценарий написал его давний хороший друг, но проект никак не утверждали, постоянно откладывали, и вот за столько лет, пыльный и всеми забытый, он оказался в руках французского режиссёра Жоржа Дюрана.

Эту фамилию я знаю хорошо. Он является одним из современных мэтров, у которых хочется учиться.

— По глазам вижу, тебе известны фильмы этого говнюка. — усмехается Сэм.

— Конечно. «Скольжение» и «Касание Горизонта», — запинаясь, не зная, как выразить эмоции, а потом пустой ветер внутри вновь обозначает свои границы. Добавляю без эмоций. — Красивые картины.

Тойлон щурит глаза и внимательно смотрит на меня.

— У тебя все хорошо? — и прежде, чем я успеваю ответить, добавляет. — С этих пор девочка, я буду твоим отцом и матерью. — строго говорит он. — Бабушку заменить не смогу и не буду, она жива, здорова и переживет старого Сэма. Мы с ней немного поболтали до того, как она передала тебе трубку. — еще одна усмешка. — Так что в обиду я тебя не дам. Но есть правило. Со мной надо быть честной. Будешь юлить, могу обещать только пинок под зад и аривидерчи.

— Значит, и вы будете со мной честным?

— Знал, что поладим. — хохочет он. — Так, что там у тебя. Парень?

— Да.

— Расстались?

Получается, врать нельзя. Но и объяснять все нет никакого желания. Ведь, с какой-то стороны, мы действительно расстались.

— Да.

— Так сильно обидел?

— Да. — я не узнаю эту девушку, которая ехидно улыбается. Бесцветно и болезненно одновременно.

Неужели за один день можно стать совершенно другим человеком?

Точка бифуркации — как учинили нас на естествознании. Переход системы в совершенно новое состояние, без возможности вернуться в старую модель.

— Хорошо. — это слово на миг выводит меня из состояния безразличия, выталкивая в удивление. — Эффектно удивляешься. Не считай меня бесчувственным сухарем. Но так для тебя даже лучше. Сейчас влюбленность может помешать, а ты еще не раз успеешь потерять голову. К тому же ты идеально в этом состоянии вписываешься в роль. Будто она написана для тебя.

— Вы говорили там небольшая роль подружки основной героини?

— Да, я их еле уговорил прослушать тебя. На главную роль они хотят взять француженку, которая сейчас у них на пике, Фантин Арно. — он резко перестраивается в другой ряд, напоминая мне Лизи.

— Но когда вы успели? Мы только вчера с вами созванивались.

— Не стоит недооценивать старого Сэма. Мне нужно было пару дней, чтобы добыть роль. А потом я уже позвонил тебе.

— Но...

— Теперь слушай внимательно. Ты сможешь сыграть две роли?

— Две?

— Да. Весь сценарий тебе никто не даст, они сделали из него тайну. Боятся, как бы чего не попало в сеть. У тебя будет краткий синопсис и несколько листов для читки. Диалог между Леей и Вивьен. Вивьен — имя главной героини, и именно ее ты начнешь читать.

— Но...

— Постарайся максимально вжиться в ее роль. Можешь даже читать не с начала, выбери момент, который наилучшим образом отдается в тебе и начинай с него...

— Но разве пробы не на Лею?

— А нам похрен на кого пробы, мы будем играть Вивьен. Роли не всегда достаются честно, как и все в этой жизни. И жизнь не любит заядлых лжецов, она любит проверять твою смекалку. Мне стоило больших усилий устроить так, чтобы именно этот отрывок оказался на читке. Он достаточно сильный, эмоциональный, резкий. А когда я увидел тебя в зале LAX¹, понял, что все неспроста. Мой друг многое для меня сделал, и старый Сэм не бросит его фильм на произвол судьбы.

— Фантин Арно сыграла как минимум в трех известных работах, а я никто. Нигде не училась, ничего не знаю. Не лучше ли, чтобы главная роль досталась ей?

— Девочка, не думаешь же ты, что я бы позвонил тебе, не посмотрев с тобой все, что можно? Ведьма семьи Инд? Удивлена? И ты не о том думаешь и выходишь из своего пофигистического настроения. Лучше подумай о своем бывшем и будь готова страдать на камеру. Я не сомневаюсь в тебе, и тебе не советую. Запомни, верь в себя всегда. — машина останавливается, и Сэм отстегивает ремень безопасности. — Если выйдешь оттуда и скажешь, что выложились на полную, но эти кретины не смогли оценить твой талант. Я

поверю тебе. Мы найдем новые роли и запишемся на хорошие курсы. Но если ты не выложишься на все сто процентов и, выйдя, скажешь, что облажалась, — он хмурится. — Меня это расстроит.

— Значит, — обдумывая над его словами, отвечаю я, — Сначала читаю Вивьен. — уголки губ моего агента идут вверх. — А если остановят?

— У тебя глаза ангела, Хлоя. Сыграй удивление, извинись за ошибку и начинай читать вторую роль.

— Хорошо.

Телефон Тойлона, старая и изрядно покоцанная модель iPhone, начинает звонить. Он хмурится, потирает лоб и отвечает. Слушает кого-то пару минут, а потом отключает и поворачивается ко мне.

— Девочка, я еще раз убеждаюсь, что все не просто так. Это почти фантастика. Старик Дюран здесь. Он собирался лично отобрать актеров у себя во Франции, но неожиданно приперся и к нам, пень лысеющий. Ха. Они хотят увидеть, кого привел старина Сэм. Мы им покажем, покажем. Помнишь, я говорил, что тебе надо выложиться по полной?

— Да, — небольшая нервность все же начинает появляться.

— Нервозность убрать! — строго велят мне. — И выложиться не просто по полной, а из кожи вылезти! Повторяю, из кожи. Судьба всегда дает шанс, но не разбрасывается, понимаешь?

— Да. — не знаю, что слышит Тойлон в моем ответе, но то, что он говорит следующим, решает мою судьбу.

— Хочешь, чтобы он локти кусал? Ведь, хочешь этого? По глазам твоим оленьим вижу. Тогда, если не мне и не себе, докажи на этих пробах ему. Покажи, что именно он потерял.

Минута, и вся нервность испаряется с поверхности кожи. Появляется новая Хлоя Райт. Та, которую помог создать Райан.

Дорогие читатели,

Ваши отзывы, комментарии и лайки категорически приветствуются!)

В небольшой комнатке сидит три человека. Юная девушка и двое мужчин. Один — молодой, второй — в возрасте. Сомнений в том, кто из них Жорж Дюран не возникает. Мэтр в клетчатых брюках и черной рубашке, поверх которой красуется тонкий шарф. Яйцевидная форма головы, чья черепушка начала сесть, никак не смущает этим фактом своего хозяина. Острые цепкие глаза за круглыми очками, тонкие сжатые губы. Золотое кольцо с печаткой на мизинце. Именно так я его и представляла.

Все трое радушно мне улыбаются, девушка рукой указывает сесть за небольшой стол и кладет передо мной бумаги.

Парень немного поправляет камеру и направляет ее прямо на меня.

— Дайте знать, когда будете готовы, Хлоя.

— Хорошо.

Пока я читаю синопсис и отрывок для читки, мой цвет лица уходит во все более серые оттенки. Кажется, Сэм был прав, и мое состояние идеально подходит. Чувства и переживания героини отдаются внутри каждой клетки. Слишком похожие ситуации. Мне даже не надо играть... Точнее, у меня, наконец, есть возможность открыто выразить все то, что накопилось на душе.

— Готова. — произношу я.

Камеру включают и дают сигнал начинать.

И в ту же секунду я начинаю смеяться. Нервно, ядовито, дико. Смех приносит боль, но я продолжаю. Произношу первые слова, а потом мой голос срывается, крик со стоном вырываются из горла, в глазах появляются слезы, когда девушка вдруг кричит:

— Стоп.

Послушно останавливаюсь, возвращаюсь в реальность. Поворачиваю голову и упираюсь на взгляд смотрящего на меня в упор Дюрана. Слезы все еще плещутся в моих глазах, но их нельзя выпускать.

Пожалуйста, не выходите, — молю их я.

— Наверное, произошла ошибка, — улыбается девушка, — Читайте, пожалуйста, роль Леи.

— Non, — подает голос режиссер. — *Laisse-la continuer se role.*

(- Нет, пускай продолжает эту роль)

— D'accord, — тихо отвечаю я.

(-Хорошо)

— Хорошо, — неуверенно произносит девушка, — Хлоя, продолжайте, пожалуйста, с того места, где остановились.

— Камера. — говорит молодой парень, и я, наконец, отпускаю слезы, которые начинают ручьями катиться из глаз.

*

Моего агента не пустили на читку, но он на это и не рассчитывал. Сэм ждет, сидя на стуле в холле, и встает сразу же, как только я выхожу из комнаты. Сейчас он выглядит менее уверенным, чем до прослушивания.

— Как прошло? — если бы у него имелась способность заглянуть в мою черепушку, он бы наверняка ею воспользовался.

— Страдала, как вы и хотели.

— Отлично! — мужчина расплывается в довольной улыбке. — А теперь молимся. Дюран выйдет следом, если ты ему понравилась. А если нет, то ... — но договорить не успевает.

Режиссёр и правда появляется за моей спиной.

— Chat ruse! — обращается он к Сэму, протягивая руку.

— Наверняка, сказал что-то приятное, — ухмыляясь, говорит Тойлон, протягивая свою руку в ответ.

— Он назвал вас хитрым котом, — тихо перевожу я.

— Magnifique! Parlez-vous francais?

(-Великолепно! Вы говорите по французски?)

— Un peu. Ma mere etait francaise

(-Немного. Моя мама была француженкой)

— Следовало от тебя ожидать чего-то подобного, — улыбается француз Сэму, перейдя на английский, и поворачивается ко мне. — Роль твоя, юная Беатриче. Вылетаем завтра вечером. Ее пребывание компания полностью оплатит. — снова моему агенту. — Твое — нет.

— Знаю, вы те еще скряги. — Сэм даже не пытается скрыть свое довольное выражение лица.

— Но ты все равно поедешь с нами?

— Конечно. Разве же я оставлю свою девочку одну, чтобы вы ее сразу испортили?

Француз фыркает и собирается уже уходить, но получает новые вопросы от Тойлона:

— А как же условия? Гонорар? Детали контракта?

— Она начинающая актриса, — беззлобно усмехается Дюран, — Но не волнуйся, сумма и условия не разочаруют. Тебе пришлют детали вечером по почте. — затем снова поворачивается лицом ко мне и произносит. — Очарован.

Хлоя

Париж.

Париж влюбил меня в себя сразу. Забрал всю без остатка. Закружил голову и не оставил ни малейших сомнений.

Сейчас я знаю, что приезжие чаще всего делятся на два типа. На тех, кто восхищается городом и тех, которые морщат лбы, жалуясь на мусор, грязь и толпы беженцев. Ещё не забывают затыкать временами нос, негодуя на запахи нечистот.

Как по мне, угол зрения часто зависит от нас самих. И выбирая между разглядыванием валяющихся на улице газет и любованием архитектурой Парижа, я выберу второй вариант. Всегда. Потому что от великолепия окружающих зданий захватывает дыхание.

До приезда в этот город я и представить себе не могла, что можно получать удовольствие от обычной прогулки и созерцания домов...

Но Антуан научил меня этому незатейливому и приятному занятию.

Он благородно взял партнершу по фильму под свое крыло, несмотря на ворчливое недовольство Сэма, с первого взгляда отчего-то его невлюбившего.

В первый день съемок внутри меня кружилась неуверенность. Несмотря на опустошенное поле, заменившее сердце, волнение считало своим долгом заявить на меня свои права.

— Вон тот юный прощелыга, твой основной партнёр по фильму. — подсказывал Сэм, указывая на высокого стройного брюнета.

Наши взгляды с актером встретились и уголки его губ поднялись вверх в довольной улыбке.

Высокий лоб, карие миндалевидные глаза, тёмные, немного вьющиеся волосы, крупноватый нос, придающий его владельцу особого шарма, легкая небритость и маленькая родинка на щеке. В пытливых глазах озорные чертики, пляшущие румбу.

— Он внук Дюрана. Говорят, своенравный юнец, но, зараза, талантливый. У них вообще все семейство плотно зашито на кинематографе.

Лицо парня было мне знакомо. Я видела его в нескольких французских фильмах, но никак не могла вспомнить название хотя бы одного из них.

*

— Хлоя, знакомься, это Антуан. Исполнитель роли Клемана. — режиссер хлопает юношу по плечу. — Мой внук.

Старший Дюран усмехается.

— Довольно неплохой актер. Но чересчур самоуверен в себе. — несмотря на то, что фраза произнесена с некоей иронией, в ней отчетливо ощущаются нотки гордости.

— Уверен в себе, мистер Дюран! — улыбается ему в ответ внук, поправляя упавшую на глаза прядь волос, — Но никак не самоуверен.

Затем актер приближается ко мне и поочередно целует в обе щеки: сначала в правую, потом в левую и снова в правую. В нос ударяет приятный запах древесного парфюма.

К «этикету поцелуев при встрече» я смогла привыкнуть только через две недели.

Причем, число поцелуев в щеку может сильно разниться в зависимости от города. Антуан как-то показывал мне карту, где представлено количество поцелуев, которое

требуется продемонстрировать при встрече в том или ином регионе страны, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Очарован, — он вдруг повторяет то самое слово своего дедушки, которое прозвучало в день нашей первой встречи. — Я смотрел твоё прослушивание. Сильно. Твоя игра потрясает.

— Потрясение плохо сказывается на пищеварении. — одаривает его неодобрительным взглядом мой агент, но актер только заливисто смеется в ответ.

— Ах! Вот почему в тот день у меня так сильно болел желудок! — а затем, игнорируя правила приличия, переходит на французский и обращается только ко мне. — Твой ворчливый охранник, насколько мне известно, не понимает наш язык. К моему счастью, — подмигивает Сэму и улыбается мне. — Мы обязательно поладим, Хлоэ, вот увидишь.

И он не ошибается.

Первые дни съемок даются нелегко. Если мой партнер чувствует себя, как рыба в воде, приученный с самого детства быть перед камерой, то я неуклюже барахтаюсь. На мой взгляд, играю неумело, неловко и коряво. И не важно, что все вокруг ободряюще хвалят.

— У тебя все хорошо получается, — подбадривает Сэм после съёмочного дня.

Я снимаю грим в своем трейлере, а он сидит в небольшом кресле с книгой в руке и круглыми очками на носу, которые одевает только во время чтения. А читает он достаточно много. И на удивление очень быстро. Его особенная черта — рассуждать и общаться в процессе чтения.

— Говорю это не для того, чтобы ты расслаблялась, но не надо так убиваться из-за испорченного дубля. Видишь, как славно все складывается. Съемки начали с момента расставания героев, а ты у нас как раз пребываешь в своей меланхоличной хандре. А когда начнутся сцены влюбленности, к тому времени как раз отойдешь и, — перелистывает страницу. — Может, снова влюбишься.

— Тук-тук! Я пришел порепетировать. — в дверях трейлера появляется Антуан со сценарием в руке и своей коронной озорной улыбкой. — Хлоэ, ты готова?

— Но вот не в этого нахального щегла, упаси господи. — не достаивая взглядом актера, бурчит себе под нос Сэм.

Хлоя

Внутренняя сторона киносценария раскрыла мои глаза на немаловажные детали. Если раньше мне не хотелось об этом задумываться, то сейчас я совершенно точно знаю, что не всегда один лишь талант помогает получить заветную роль. Тем более первую. И есть те, кто готовы пойти на многое. Для моей оценки ценностей — на чересчур большие шаги, на которые я бы не то что не решилась, а даже рассматривать не стала.

А кому-то однажды везет оказаться в нужное время и в нужном месте.

Я же не отношусь ни к первой, ни ко второй категории.

*

— О, упертая маркиза! — хмыкает Сэм, беззастенчиво подсматривая в экран моего телефона, который я держу в руке, пролистывая фотографии с Лизи.

— Что? — удивленно переспрашиваю.

— Она просила тебе не рассказывать. Даже кругленькую сумму предложила за молчание. Но я отказался, сделав вид, что оставляю все в тайне. Эта дамочка так насильствовала мой мозг, что я обещал себе, если мы с тобой поладим, я все тебе расскажу. В отместку маркизе. — смеется мой агент.

— Не думал, что кто-то покруче моей матери может затрахать словесно, но твоя подружка в этом ремесле ушла далеко вперед. Потом с началом этих съемок я как-то забыл про нее, а сейчас увидел фотографии и вспомнил. — щурит глаза и пристально смотрит на меня.

— Ты думаешь, мне нечем было заняться, кроме как ехать на этот дебильный конкурс «Лучший Спектакль Года»? И откуда, по-твоему, я получил все материалы по твоим выступлениям в школьных постановках? Это все она.

Слезы сами собираются в уголках глаз.

— Надо было догадаться...

— Но я не соглашался. — виновато продолжает Сэм, почесывая лоб. — У тебя нигде не было главной роли. Одни второстепенные. Это вызывало сомнения.

— И упертая мадамочка пообещала, что на «Лучшем Спектакле» ты обязательно будешь исполнять главную роль. — хмыкает, — Пришлось старому Сэму туда поехать.

Минуты две мы сидим молча.

В пригороде Парижа, где проходит часть съемок и куда мы выезжаем на выходные, на ночном небе видны сверкающие звезды. Я люблю яркую точку, окруженную тьмой. Она величественна и самодостаточна. Хочется протянуть руку и дотронуться до нее пальцами. Тоска по ней обнимает мои плечи, когда далекий голос Тойлона произносит совсем близко:

— Не знаю, как ты, но я благодарен маркизе.

*

Лизи приехала в Париж сразу, как только мистеру Стилу стало лучше.

Об этом я узнаю от двух своих шпионов. От ба, навещавшей главу Тру Голд в больнице и умудряющейся устраивать со мной частые видео-звонки, несмотря на девятичасовую разницу во времени и плотный график моих съемок. И Джорджа, с которым мы поддерживаем дружеское общение. Он определенно подозревает о возможной размолвке между мной и Лизи, но остается истинным джентльменом. Ничего не спрашивает, любезно

снабжая меня информацией.

Она стоит в бежевом пальто, с собранными в хвост светлыми волосами и в ее глазах плещется нерешительность и страх, так не подходящие ее характеру.

— Привет, — взволнованно и нервно произносит Элизабет Стил.

«Вот ты дурочка» — хочется ответить подруге в ее излюбленной манере и кинуться на шею с объятиями, но другая Хлоя поступает иначе.

— Привет. — слегка улыбнувшись, произношу я. — Нам осталось отснять пару дублей, и мы закончим. Подождешь? Можем пойти поужинать. Ты голодна?

— Да. Конечно, — кивает блондинка. — Конечно, я подожду. Сколько потребуется.

В Nicole, как всегда вечерами, не протолкнуться, но Антуан успел сдружиться со всем персоналом, и теперь они ежедневно оставляют нам закрытое от основного зала укромное место на террасе, около раскинувшегося рядом ветвистого дерева.

— Что бы ты хотела? — спрашиваю я, когда Жак, проводив нас к нужному столику, кладет перед нами меню.

— Не знаю. Наверное, я не очень голодна.

— Тогда, если ты не против, я закажу нам на свое усмотрение? Будешь вино?

— Да, я бы выпила.

Лизи обожает баклажаны, а здесь как раз подают их карамелизированный вариант на пару с сочной утиной грудкой, не раз будоражащей во мне вопрос, насколько неприлично облизывать тарелки?

Заказываю две порции и одну бутылку красного сухого вина.

— Здесь миленько, — отмечает подруга, осматриваясь.

«Я столько всего хочу тебе показать...»

— Да, неплохо.

Когда Жак ставит перед нами бокалы, Лизи сразу осушает свой и уверенно произносит:

— Я скажу все, как было. Ничего не буду скрывать. А ты решишь, сможешь ли меня простить и есть ли у нашей дружбы шанс, хорошо?

Я закусываю губу, чтобы ничего не сказать, киваю и приготавливаюсь ждать.

— Джордж Шептон, моя первая любовь. — начинает свое откровение наследница Тру Голд. — И, наверное, пока что — единственная. Одно время мне казалось, будто я ему тоже нравлюсь, но потом он начал встречаться с Самантой, разбив мне этим сердце первый раз. Второй раз он его разбил, когда эта сучка плакала и рассказывала мне о его новом увлечении, — грустные глаза Лизи смотрят в мои, и подруга печально улыбается. — О тебе. А я тогда ничего о тебе не знала. Новенькая и новенькая, мне какое дело. Вроде учится хорошо и в пьяных демаршах не почувствует. Но после слов Саманты стало интересно, кто смог за такой короткий срок привлечь парня, на которого я давно пускаю идиотские слюни. — ножка бокала плавно танцует между ее пальцами. — Мне захотелось узнать тебя. Узнать, что ты думаешь о Джордже, и, в случае необходимости, сделать все возможное, чтобы твои мысли никогда не заикливались на его личности. Никогда, понимаешь? Никогда. А потом я действительно узнала тебя, и мы сдружились. Я узнала, что Шептон тебя совершенно не интересуется, а если кто-то и кружит твою глупую голову, так это мой звездный братец. Но! И ты вправе сейчас мне не верить... Но я полюбила тебя настолько сильно, что не стала бы мешать, влюбись ты в идиота Джорджа. — к концу фразы ее голос дрожит и сочиться болью.

— Знаю. — отвечаю, делая глоток из своего бокала. — Ты его послала, когда он позвал

тебя на школьный вечер, помнишь?

— Да, я думала, он поступает, как двуличная скотина, и таким образом хочет приблизиться к тебе.

Две тарелки с салатами, больше напоминающими полноценное основное блюдо, кладут перед нами. Запах незамедлительно ударяет в нос, флиртуя с голодом. Лизи тревожно смотрит на свою тарелку и медленно поднимает на меня глаза. Вопрос, который мучает ее, она задает практически одними губами:

— Ты простишь меня?

— Это очень вкусный салат, но лучше есть его теплым. — расстилаю на коленях белую салфетку и беру в руки вилку. — А еще, если ты позвонишь Саманте узнать, как ее дела, то она расскажет о роскошном букете, который ей не так давно прислал незнакомец с запиской, в которой написано «Спасибо тебе за самую лучшую подругу на свете».

— Что? — Лизи озадаченно смотрит на меня.

— Главная по хитросплетениям и переплетениям судеб у нас — ты, но при этом ты не смогла распознать ложь Саманты? — отправляю в рот вкуснейший баклажан и негодую.

— Ты же знаешь, я всегда пишу в голове книгу или снимаю очередной фильм. Твой рассказ про встречу с Самантой стал для меня навязчивым кадром, который я перекручивала в голове множество раз. Вспоминала твои описания того, как она оценивающе смотрела на тебя и спрашивала: «Хочешь знать, кто?»

Поднимаю бокал и делаю небольшой глоток вина.

— А мне всего лишь повезло. — салютую подруге. — Повезло оказаться на той дорожке. Потому что не важно, кто бы там появился, Саманта бы ткнула пальцем в первого встречного, лишь бы не признаваться тебе, что Шептон влюблен в тебя.

— Но... — подруга непонимающе хмурит лоб.

— Поверь мне, Лизи. За ту неделю, что я провела в Нью-Йорке, я успела сдружиться с Джорджем. Чаще чем о футболе он говорит разве что о тебе. При этом искренне считает, что проделывает это незаметно.

— Ты не сердишься?

Она задает именно этот вопрос. А вовсе не просит уточнить про то, что говорил Джордж или как часто он упоминал ее во время беседы. И когда в глазах Лизи появляются слезы, моя новая Хлоя дает трещину и выпускает модель предыдущей сборки на волю.

— Ты шутишь? — вскакиваю с места, кидаюсь к ней и обнимаю, чувствуя слезы уже у себя на глазах. — Да я до конца жизни должна благодарить Саманту! Ведь именно она обратила твое внимание на меня. И именно благодаря тебе я сейчас снимаюсь в кино!

— Это все твой талант, — качает она головой, не желая соглашаться, и продолжает плакать.

Обеспокоенный Жак подходит узнать, все ли в порядке и не собираемся ли мы затопить их заведение, но я успокаиваю официанта, заверив в отсутствии необходимости строительства ковчега.

Райан

Музыка: La die die

Nessa Barrett feat jxdn

Она везде. Стоит закрыть глаза или открыть их. Не имеет значения.

Мое наваждение, моя депрессия, мой личный вид наркотика, которого так сильно не хватает. Ты всегда приходишь ко мне в моих снах. Нежно целуешь, и я остро ощущаю карамельный вкус твоих губ. Притягиваю тебя к себе, ощущаю тепло твоего совершенного тела, а потом нас накрывает заклятый серый туман, который я ненавижу каждой своей клеткой.

Твои руки отдаляются, все попытки вновь дотянуться до тебя проваливаются, дымка окутывает плотнее. И тебя уже невозможно разглядеть...

— Хлоя! — кричу я, но в ответ слышу только смех.

— Хлоя! — зову вновь и тело покрывается холодным потом

Срываю горло к чертям в воронке серо-розоватого марева.

— Хлоя!!!! — но мой крик рикошетят потоки ветра и с издевкой возвращают его ко мне.

Туман в ногах превращается в мерзкое тягучее болото. Засасывает, тянет вниз, а я борюсь изо всех сил и выкрикиваю твое имя. Он погружает в свой холод по самый пояс, но до этого мне нет никакого дела, я лишь думаю о том, что где-то там эта серая хрень захватит и тебя. Но перед тем как уйти в пустоту с головой, я обязан тебя спасти. Обязан.

Но тебя нет рядом. Все, что у меня есть — твой удаляющийся смех...

Два года пролетели одним сплошным нескончаемым кошмаром.

Ты везде, твои постеры на щитах, на удаляющихся автобусах.

Никогда не думал, что буду стоять под проливным дождем и водить пальцем по линии губ по плакату, на котором ты стоишь в объятиях... но не моих.

Видеть тебя с ним вживую было намного тяжелее.

Я знаю, что сам во всем виноват и испортил все я. Но от осознания этого боль становится только сильнее.

— Есть души, предначертанные друг другу небом. — говорит бабушка. — Ты же теперь в это веришь?

Не знаю, что она видит в моих пустых глазах, но ее шершавая рука опускается мне на щеку и ласково похлопывает.

— Ужин скоро будет готов. — в дверях комнаты появляется взволнованная Беатрис. Та, кому я обязан возвращением в «Калифорнийскую Мечту».

*

— Тебя вернут в проект, мой мальчик! — радостно вопила в трубку Хелен, а я пытался отлепить друг от друга глаза.

Месяцы отказов и нескончаемых мыслей о русалочке ухудшили сон и усложнили утренние подъёмы, в которых с каждым днем сокращался смысл.

— Ты сумела пробить их броню? — севшим голосом задал вопрос.

— Не могу перетянуть одеяло чужой заслуги. Какая-то твоя поклонница собрала подписи у немыслимого количества людей и чуть ли не пригрозила компании судом. Горячая, судя по всему, барышня, некая Беатрис Гарсиа. Не знаешь такую? Хочу найти ее и

отблагодарить.

— Знаю. — глаза широко распахнулись. — Я сам займусь этим вопросом, Хелен.

В тот же день я закупились бесчисленным количеством фруктов, деликатесов и цветов, не забыв про ананасовый торт. И поехал в семью, которая через пару месяцев стала мне вторым домом.

Теперь, если появлялись перерывы между съемками, я либо летал навестить отца с сестрой или проводил их в доме Гарсиа. Последние даже вознамерились отдать мне комнату старшего сына, выселив его к сестре. Но я отказался, поставив условие, что останусь только если это не будет ущемлять ничьих прав.

— А что, если мы будем вдвоем в моей комнате? — неуверенно предложил Гаспар, почесав лоб татуированной рукой. — У меня в комнате стоит двухэтажная кровать.

— Мне подходит! — улыбнулся я, и мы пожали руки.

Беатрис готовит домашнюю еду, которой у меня раньше никогда не было. Мать всегда предпочитала заказывать что-нибудь из ресторанов или пичкать нас полуфабрикатами.

Сейчас же я сижу за семейным ужином и с аппетитом поедаю спагетти с овощной подливкой, а Гаспар незаметно показывает мне на телефоне фоточки очередной своей девчонки, ожидая одобрения.

— Ты для моих оболтусов, как старший брат, который научит их уму разуму. — как-то с надеждой и теплом в голосе высказалась Беатрис.

Но, как бы мне не хотелось ее разочаровывать... меня сложно назвать хорошим примером для подражания. И в нашей компании, определенно, не я тяну их на свой корабль, а скорее наоборот.

С Гаспаром, Тито и Фабио я забываю, что мне почти тридцать два и уйду в двадцатилетнее плавание. Мы разъезжаем по району с долбящей магнитолой, соревнуемся до мозолей на пальцах, играя в плейстейшн или кидаем мяч в кольцо на заднем дворе их дома.

Мою частную жизнь теперь защищает не только мать семейства, но и все члены нового дома. А еще бейсболка и борода, ставшие моими неотъемлемыми атрибутами.

Вчера, игнорируя жару, мы притаились в машине Гаспара, заранее закупившись пачкой леденцов и несколькими бутылками минералки. Ребята, заметив, что я не прикасаюсь к алкоголю, сразу перешли в мой лагерь трезвенников и радовали Беатрис отказом от пива и демонстративным попиванием минеральной воды за семейными ужинами. Она усиленно и счастливо жестикулировала мне бровями, но я, улыбаясь, качал головой. В этом не было моей заслуги.

Мы ждали выхода нашей младшенькой из школы. Точнее, хотели убедиться, что все пройдет, как планировалось.

Какой-то убогий тип, считающийся звездой школы, бросил Аделиту. Девчонка ходила по дому с мокрыми глазами и несчастно вздыхала не первый день. Фабио, сборщик домашних тайных разговоров и школьных сплетен, удачно транслировал нам на мужском совете, что теперь сестру травили в школе. Стервы одноклассницы и всяческие мудаки насмеялись над ней. Аделита гордо объявила, что сама бросила козла и встречается с другим, но верить ей никто не стал. И градус издёвок начал расти.

План возник в голове Элизабет, когда во время нашего очередного вечернего телефонного разговора я поделился с ней этой историей.

Ребята сразу оживились. Самым сложным оказался выбор модели машины. Споры шли

ожесточенные и жаркие. Когда же мы, довольные собой, передали план мелкой, она просияла и, не щадя наших чувств, перечеркнула выбранный с таким трудом автомобиль, пожелав другой.

У Фабио, самого младшего, сидящего на диване, сжались кулаки, и он пошел было колотить сестру, если бы не Гаспар, вовремя перехвативший брата за футболку.

*

Рядом проехал белый двухдверный мерседес последней модели и остановился напротив центрального входа в школу. Мы, как по команде, потянулись за леденцами и зашуршали оберткой. Прозвенел звонок. Ученики хлынули из дверей беспорядочной массой.

— Музыкальное сопровождение, — ухмыльнулся Гаспар, занимающийся музыкой и включил магнитолау.

Машины заполнили плавные волны песни «Foolish» в исполнении Berner feat DMX.

Желтый леденец отдавал во рту приторным лимоном.

Из Мерседеса вышел высокий парень, одетый по последним модным стандартам, которые нам продиктовала Аделита. Юная модель нижнего белья, Том Кард, с которым мне не составило труда договориться, даже в мешке картошки хорошо бы смотрелся, но сейчас на нем были темные джинсы, белая футболка и джинсовая куртка.

А вот и первые девочки, замороженно провожающие парня глазами. В паре мест подростки останавливались стайками, ожидая увидеть, кого встречает наш красавчик.

— Вон она! Вон! — Фабио, готового пробить стекло и высунуться в окно, затащили обратно на заднее сидение.

Ранним утром я привез в дом Гарсиа мою знакомую Фиону. Девушка работала стилистом и визажистом, и была лучшей в своем деле. Пару дней ожесточенного и нескончаемого секса сделали свое дело. Она бы согласилась накрасить не только юную Аделиту, но и всю нашу мужскую компанию.

В легком приталенном светлом платье выше колен, с уложенными тугими локонами и круглыми большими серьгами, наша звездочка уверенно вышагивала к своему кавалеру. Мы, довольные, покачивались в такт музыке. Картинка предательски вибрировала и сознание представляло, будто это Хлоя идет к машине, возле которой жду ее я. Вот она подходит, и я нежно целую ее в щеку, в то время как вокруг все шушукаются и обсуждают нас. Она немного отодвигается и бросает на мои губы призывный взгляд. Усмехаюсь и, притянув к себе девушку, целую уже иначе, по-настоящему.

— Э! Они реально сосутся! — негодуяще вскрикнул Фабио, вернув меня в реальность.

— Кэп. — хмыкнул Тито.

— Мы сами видим! — отрезал Гаспар. — Дома мелкая получит.

Сладкая парочка села в машину и уехала, оставляя после себя мои болезненные подростковые недо-мечты и отвратительный вкус химозного леденца.

*

— Хватит мешать Райану есть! — голос Беатрис застаёт Гаспара врасплох, и он роняет телефон на пол. А мой, наоборот, начинает звонить. Встаю со стола и, извинившись, выхожу в сад.

— Мальчик мой, ты опять у усыновившей тебя семьи? — шутит в трубку Хелен.

— Да. Ревнуешь? — смеюсь в ответ.

— Мать не хочешь навестить?

— Навещал не так давно. — голос, независимо от меня, наполняется льдом.

Связь с матерью я поддерживаю, но мое отношение к ней нельзя назвать прежним.

Хелен знает все подробности. После того, как я рассказал ей истинную историю Аманды Стил, то задал вопрос:

— Ты знала, что моя мать такая сука?

Она тогда подняла брови и откровенно удивилась:

— А она разве когда-то это скрывала?

— Для тебя есть проект. — по нервным ухабам в ее голосе, понимаю, что к чему.

— Опять какой-то подонок? — с тех пор, как вышла та лживая статья, меня приглашают либо на роли психопатов, либо откровенных козлов.

По странности, женщины, пытающиеся забраться ко мне под одеяло стали еще навязчивее, и я получаю письма с уверениями выполнить самые неожиданные мои желания. Некоторые перечитываю дважды, потому что даже моя испорченная натура задается вопросом: «И так тоже?».

— Пожалуйста, Райан, хотя бы почитай сценарий. Там не все так плохо. У героя тяжелое прошлое. И если верно обыграть, то перетянешь на себя внимание публики. Поверь мне, красавчик, ты сможешь.

— Хелен, я не...

— И тебе не надо сбривать бороду! — в прошлый раз они потребовали сбрить мой качественный барбэр-проект, и я послал их по словам агента слишком душевно и искренне. — Наоборот, они в восторге от твоего образа.

— Хелен..

— Отправила тебе сценарий на почту! Режиссер и все утвержденные актеры засекречены, узнать ничего нельзя. За конфиденциальность подписалась отдельно, поэтому будь душкой, не кидай сценарий в сеть, иначе меня посадят, а ты вряд ли будешь таскать мне апельсины.

— Яблоки подойдут? — улыбаюсь. — Я подумаю, ладно?

— Ладно. — вздыхает она и опасно добавляет. — Ты знаешь, что она приезжает?

— Да. — сложно не знать, когда их совместные плакаты везде, а о премьере не говорит только глухонемой.

— Ты у меня самый лучший! — искрит из трубки Хелен своей ободряющей фразой, которую она, как аффирмацию вливает в мои уши не первый месяц.

— Конечно. — прощаюсь и сбрасываю звонок.

Возвращаюсь к столу и занимаю свое место, одновременно озвучивая, что мне снова предлагают роль очередного злодея. Гаспар хмурится, а морщинка на лбу Беатрис становится глубже. Женщина открывает рот, чтобы как следует высказаться, но бабушка поднимает бокал и, хитро улыбнувшись, произносит:

— Соглашайся.

Хлоя

Спустя два года

— Хлоэ, — ласково щекочет кожу возле уха голос Антуана, пока его рука нежно гладит мои волосы. — Ты слышала про выражение «застенчивость деревьев», используемое в ботанике?

Отрицательно мотаю головой.

Пикник в укромном лесном уголке — его идея. Как и плед, на котором мы сейчас лежим. И та корзинка с едой и бутылкой розового вина.

Он старше меня всего на два года, но его всесторонняя образованность порой заставляет ощущать себя неграмотной дикаркой. И это, несмотря на все мои отличные оценки в школе.

Выросший в семье французских аристократов, где каждый родственник так или иначе связан с кинематографом, музыкой, литературой или архитектурой, он никогда не кичится своим происхождением. Только усмехается и качает головой, отмечая, что он одно большое разочарование в могучей кроне семейного дерева Дюранов.

И да, он и правда уверен в себе, но ни капли не самоуверен.

— Видишь, кроны деревьев не соприкасаются между собой? Они образуют небольшие промежутки, светлые каналы, похожие на небесные реки. — длинные пальцы, придающие ему сходство с пианистом, устремляются вверх, давая направление моему взгляду. — Деревья, словно неопытные любовники, — размеренно звучит низкий голос, — Испытывают волнение и смущение, боясь прикоснуться друг к другу.

— Красиво, — отвечаю я, замороженно наблюдая за необычным явлением.

— Каждый раз, когда я смотрю на них, у меня щемит внутри, — тихо произносит он и бережно поворачивает меня к себе. — Тоже самое я испытываю, смотря на тебя. Но намного сильнее и глубже. — его дыхание опалает кожу, и мягкие губы накрывают мои.

Закрыв глаза, я отвечаю на поцелуй и запускаю пальцы в растрепанные темные волосы. Горячая ладонь скользит по моему бедру, умело проникает под платье и сжимает ягодицу.

— Хочу тебя, Хлоэ, — чуть хрипло сообщает Антуант.

Провожу пальцем по его брови и улыбаюсь в знак согласия.

Когда он входит в меня, я запрещаю себе закрывать глаза, чтобы образ совершенно другого человека предательски не замерцал перед глазами.

Такова моя личная нездоровая и мучительная борьба с собой.

*

Лизи часто приезжает меня навестить. Он не приехал ни разу.

На протяжении первого года жизни во Франции сознание раз в месяц будило во мне необъяснимые навязчивые мысли о его присутствии. Заставляло то и дело нервно замирать на съемках, озираться кругом, ища его взглядом, или напрочь забывать выученные наизусть реплики. Тело покрывалось мурашками от стойкого ощущения, что он где-то рядом. Стоит где-то близко-близко и смотрит на меня.

Вот до чего может довести первая болезненная влюбленность.

Его номер я заблокировала в тот же день. Но разве это смогло бы остановить любящее сердце? Не верю, что лишь в книгах и кино героини способны на поступки ради своих возлюбленных. Не верю, потому что сама бы вылетела первым же рейсом, зная, что в этой

ситуации я не права.

Но я знаю, что моей вины здесь нет.

Роль Вивьен была моим союзником, она помогала упиваться болью и страданием, и я высвобождала настоящие эмоции. При каждом воспоминании его слов, которыми я любила изводить себя, в тело будто впивались холодные иглы.

Но несмотря на все это... его невыносимо и мучительно не хватало. Не хватало настолько, что временами я просыпалась посреди ночи, дрожа всем телом, готовая кричать его имя, как запуганный ребенок в темноте, зовущий самого дорогого сердцу человека. Только ответом мне была тишина. Она насмехалась и давила, убеждая в моей нескончаемой слабости.

Но наступал новый день, и я находила отдушину на съемках.

— Клема-а-а-а-а-а-н! — не жалея себя кричала я.

Полностью отдавалась настроению кадра и горевала о возлюбленном, не поверившем моим словам. Съемочная группа восхищенно хлопала, и только до моего слуха доносилось искаженное беззвучное эхо, рисующее грустью моих голосовых струн неуверенное: «Райан...»

Он был глух и не слышал моего зова.

Лизи в день нашего примирения попыталась заговорить о брате:

— Райан, он... — начала было она.

— Нет. — я дернулась, словно меня ударили на электрическом стуле.

Все нутро гудело и хотело услышать о нем. Хотело задать бесконечное количество вопросов, связанных только с ним, узнать все детали.

Как он? Спрашивал ли обо мне? Чем сейчас занимается?

Но неужели во мне нет ни капли гордости?

Холодная внутренняя пощечина горячему возбуждению — если не спасла, то на пару секунд отрезвила.

— Если будешь о нем говорить, нам придется прекратить наше общение. — голос прозвучал резче, чем мне бы хотелось. — Пойми меня правильно.

*

Спустя полгода мы завершили первую часть съемок «Расколовшихся». И Дюран устроил что-то вроде вечеринки для съемочной группы. Закрыл для торжества фешенебельный бар «Rêves Africains», славившийся необычными коктейлями, а сам уехал в свою загородную резиденцию, прихватив с собой оператора Поля и моего Сэма. Правда, уговорить агента покинуть свою протезе удалось не сразу. Мужчина превратился в весы сомнения, изменив вопрос Гамлета на «ехать или не ехать?».

Ни один мой поступок за время нашей совместной работы не играл против меня, но он неприлично долго раздумывал над предложением режиссера и хмурил бровь, пролистывая «Любовника леди Чатерллей».

В итоге часа весов пошатнулась под уговорами самого Дюрана. Но перед тем, как сесть в машину, Тойлон свирепо пригрозил мне расправой «в случае чего», будто я уже успела пару раз ненароком сломать декорации.

— Завтрашнюю съемку никто не отменял, так что веди себя прилично.

— Не волнуйтесь, мистер Тойлон, — ангельски улыбался ему Антуан. — Я за ней присмотрю.

— Это-то меня и пугает, щегол.

«Африканские сны» полностью оправдывали свое название. Стоило вступить внутрь, как тебя окутывал полумрак, а уши заполняла музыка, пропитанная звуками барабанов, над которой шаманил известный французский диджей Пьер, выступающий под псевдонимом «Интро».

Стены и перегородки были красиво расписаны профилями вождей, фигурами охотников и животных саваны. На деревянных столах стояли стеклянные светильники с одинокими белыми свечами. Мягкие диваны и кресла лимонного цвета покрывали пледы с леопардовыми рисунками. В центре помещения, как особый фольклорный элемент, устроился большой сундук, накрытый национальными коврами и различными резными изделиями.

Мои ожидания относительно официантов в набедренных повязках не оправдались. К нам подошла милостивая девушка в темных брюках и светлой рубашке. Широко улыбнувшись, она разложила перед нами этно-меню и уточнила, что бы мы желали из напитков.

Увидев мою нерешительность, Антуан любезно предложил свою помощь и сделал заказ за нас двоих.

После двух бокалов, которые я как-то незаметно выпила, мой партнер по фильму вежливо намекнул о необходимости остановиться. Хотя я и понимала, что он прав, но алкоголь по странности приятно ударил в голову и сумел на время размыть гнетущее внутри воспоминание о Райане. Еще придал уверенности в себе и решительности. Захотелось позвонить Ливу и сообщить о моем полном к нему безразличии.

— Мне надо позвонить, — хихикнула я повернувшись ко мне Антуану, — И высказать кое-что важное одному человеку.

— Хлоэ, — прищурился тот, — У меня сел телефон. Ты не одолжишь свой на пару минут?

— Хорошо, — я послушно протянула ему мобильный. — Только верни быстрее, потому что мне очень надо позвонить. Не забывай.

Он улыбнулся, взяв сотовый и, поднявшись, направился к выходу.

Когда его спина удалилась в темном проеме выхода, ко мне придвинулся Марк, исполнитель одной из второстепенных ролей. Парень облизнул сухие губы и пододвинул ко мне зеленый коктейль с оранжевым зонтиком. Такой мне еще не доводилось пробовать, в моем списке числились только два- малиновый и черничный.

— Выпей, — хмыкнул парень. — От него сразу улетишь и мир станет прекрасным.

Однажды я обещала себе не пить. Но было так хорошо и легко. Поэтому волшебная жидкость потекла вверх по трубочке в мой рот.

Когда Антуан вернулся, половина коктейля радостно плескалась в желудке. Вторую половину он от меня молча отодвинул, а на Марка обрушилась тихая, но слаженная цепочка ругательств, на которую тот обиделся, но ничего в ответ не сказал.

— Зачем ты выпила? — сверкнул на меня глазами Антуан.

Большая часть группы ушла танцевать или вышла покурить на улицу, поэтому за столом нас осталось всего пара человек.

— Мне так нравятся твои брови, — искренне улыбнулась я.

Рука сама потянулась к его лицу и палец беззастенчиво опустился на правую бровь. Он перехватил запястье, скользнув взглядом к моим губам. Повернул мою ладонь к себе, нежно поцеловал и глухо спросил:

— Только брови?

Во рту стало сухо, а в тело ударила горячая волна жара. Я не понимала, как такое возможно, но на меня смотрела пара океанских синих глаз. Эти светлые взъерошенные волосы, в которые так и хотелось зарыться рукой. Сердце бешено застучало. Тот, кого я безуспешно пыталась забыть, сидел передо мной, заставляя терять контроль и тянуться к его губам.

Не знаю сколько длились по времени наши поцелуи, но я горела от его прикосновений, ненасытно изучающих мое тело.

До номера мы добирались с редкими перерывами на дыхание, а когда очередная остановка произошла около моей двери, сознание на миг протрезвело, и я увидела, что рядом со мной не Он.

Что все это время я отдавалась в руки другому.

Прежде, чем я успела что-то сказать, Антуан открыл дверь и, притянув меня к себе, впечатался в губы новым жадным поцелуем.

Мозг и тело теперь изучали новые для себя прикосновения без обманной призмы другого лица. Ощущения не походили на поцелуй с Ним, и не были похожи на те ужасные прикосновения Брендона, потому что запах Антуана не отталкивал. Он мне нравился. Действительно нравился. Только иначе. Не вызывал внутри бурю или вихрь, не заставлял колени подкашиваться, он обволакивал, как теплый плед. Наверное, потому я решилась отдаться моменту, но в ту же секунду мой партнер отодвинулся и часто дыша произнес:

— Тебе надо идти спать. — его наставление удивило, брови поспешили воплотить в реальность эмоции. На губах Антуана появилась усмешка. — Да, я очень тебя хочу, Хлоэ. Но не так. Сейчас мы оба слишком сильно пьяны.

Актер аккуратно подтолкнул меня в номер. Оставил мою сумку, про которую я давно забыла, на столике около зеркала и пожелал:

— Доброй ночи.

Дверь за ним захлопнулась, и я осталась одна со спутанными мыслями и чудовищным желанием спать.

Плюхнулась на кровать и заснула быстрее, чем закрылись глаза.

*

— Ещё раз так напьёшься и твоя жопка встретится с моим ремнём, бемби! И нет, я не боюсь, что ты меня засудишь, потому что быстрее сам выиграю дело о моральном разочаровании в своей подопечной! — суровый голос Сэма ощущался так громко, будто мою голову засунули внутрь колокола, по которому целенаправленно и метко били.

Попытки прикрыться одеялом и уйти в «домик» оборвались сразу же. Он стащил с меня защиту и поднес к носу стакан, от которого пахло откровенной отравой.

«Пей и спи вечно» — именно так трактовала аромат моя ватная голова.

— Пей. — не терпя возражений, сказал голос.

Мои глаза все еще были закрыты. Я играла в игру «если я вас не вижу, значит, вас здесь нет», но она почему-то оказалась бракованной и не сработала.

— Съемка через три часа. Пей. Считай, что это спасательный нектар. Поверь старине Сэму, благодаря этому, ты через полчаса будешь, как огурчик.

Морщась и задержав дыхание, кое-как влила в себя напиток. Мне не разрешили остановиться на половине, и при попытке отодвинуть чудодейственное пойло, долили его в меня уже насильно. Потом забрали стакан, а чуть погодя меня подняли на руки.

— Второй ингредиент чудодейственного средства, — безжалостно произнес мучитель, — Холодный душ.

Эти слова самым волшебным образом вмиг открыли мои глаза.

— О! Доброе утро, мамзелька. — усмехнулся Сэм, крепче сжимая меня в руках и вмиг нокаутируя жалкие попытки к бегству. — Твои оленьи глаза не помогут. В другой раз будешь думать, прежде чем напиваться перед съемкой! На один день доверил тебя этому бездарю и нате здравствуйте! Бемби-алконавт в похмелье.

— Он ни в чем не виноват. — промычала в ответ, краснея от воспоминаний вчерашних поцелуев.

И как теперь вести себя с Антуаном?

Разыграть роль с амнезией?

Алкогольная прогрессирующая амнезия!

Стараться избегать его весь день?

Как я буду его избегать, если у нас сегодня сцена на вилле почти тет-а-тет... Сослаться на роль и необходимость уединения?

Где, кстати, мой паспорт?

Найти паспорт и срочно вылететь обратно в Америку.

— Ты хоть трусишками своими перед ним не светила? — добил меня Сэм. — Или он оказался благородным дундуком?

— Благородным. — честно призналась я.

— О-о-о...

*

Я больше никогда не буду пить. Дала себе слово. Никогда-никогда.

Вокруг кишели люди, готовясь к съемке. Я листала роль, повторяя сцену.

— Ты прекрасно выглядишь, — рядом на стул села темноволосая Мари, играющая Лею.

Роль, на которую изначально должна была пробоваться я.

— Как тебе это удаётся? У меня все лицо опухло, да и половина актеров на площадке разгуливает с перекошенными рожами. Дюран в ярости! — смеялась девушка. — У тебя какой-то секрет?

— Нет особого секрета, — улыбнулась, внутренне морщась от воспоминаний о вонючем пойле и позорных кадрах под холодными струями воды. Просто монстр-агент.

— Вы вчера с Антуаном так страстно покидали ресторан, — придав голову таинственности, Мари придвинулась ко мне, надеясь на подробности. — Говорят, он в постели великолепен.

После данного предложения девушка чего-то от меня ожидала. То ли ликующего подтверждения, то ли заготовленной хлопушки с конфетти. А я понятия не имела, как себя вести.

— А вот и наш главный герой, — сжимая губы, кивнула она головой в сторону. Я повернулась и увидела приближающегося к нам Антуана.

Не знаю, какой секрет был у него, но выглядел он великолепно. Темные брюки с подтяжками и светлая рубашка очень ему шли. Волосы аккуратно уложены, а на лице ни единого следа вчерашнего вечера. Одетый для роли, он неспешно шагал к нам, докуривая

сигарету. Мое сердце пропустило удар. Еще немного и ногти бы точно проткнули кожу на руках.

Что мне делать?

Только не покраснеть, только не покраснеть...

Подойдя, он погасил окурок, снял очки и поочередно поцеловал в щеки сначала меня, а затем Мари.

— Прекрасный день сегодня, девушки. Как считаете? — он вел себя спокойно и расслаблено.

Его взгляд чуть дольше остановился на мне, но в этом же нет ничего страшного?

— О, меня зовут! — разочарованно охнула девушка и отошла к оператору, настраивающему оборудование.

— Хорошо спала? — спросил Антуан, и я все же покраснела.

— Без задних ног.

Он усмехнулся и подошел ближе. Склонился над моим лицом и провел пальцем по щеке.

— То, что я сказал до того, как уйти, не просто пьяный вздор. Но я подожду столько, сколько понадобится, Хлоэ.

Дюран окликнул его, но до того, как уйти, Антуан наклонился к моему уху, заставляя меня смутиться, и тихо шепнул:

— День прекрасен, но не настолько, насколько прекрасна сегодня ты.

Райан

Пролистываю сценарий, сидя на краю многолетнего дивана в доме Гарсиа.

У героя, чью роль мне предлагают, действительно есть своя история. Одержимая страсть к героине, которую он по пьяни лишил в семнадцать лет девственности, а теперь через пять лет приехал в тот самый городок и пытается строить мудаческие козни, чтобы вернуть ее расположение.

Но она влюблена в прекрасного очаровашку главного героя, с кем они, держась за руки, стойко пройдут сквозь потоки всяческого дерьма от моего равнодушного к бутылке Зака, и выйдут к счастливому финалу, не испачкав свои белые одеяния. Странно, что не добавлено деталей о том, как они поженятся и будут рожать детей до самой старости.

Сценарий великолепен, но меня до скрежета в зубах бесит главный герой, потому что в тупом Заке я слишком отчетливо нахожу себя и свою одержимость. А героиня, несмотря на все самые отчаянные попытки помешанного, выбирает не покаявшегося в конце волка, а собаку-улыбаку.

— Почему вы не включили свет и разрешаете Райану портить глаза? — придирка в голосе Беатрис, появившейся в дверях гостиной, направлена на Аделиту, со скучающим видом примостившуюся на другом конце дивана и без конца щелкающую пультом. А еще на Гаспара с Фабио, сидящих под самым телевизором, висящим на противоположной стене, и увлеченно собирающих старую модель самолета. Но никак не на меня.

— Не надо, — отправляю нашему всевидящему оку одну из своих плавающих сердца улыбок. — Я не читаю. Просто листаю.

— О! — оживленно подпрыгивает Аделита и делает звук громче.

— Включи баскетбол! — ноет Фабио.

— Отвали! — огрызается его сестра. — Я так ждала это интервью. — и добавляет с усмешкой. — Тем более, ты от нее тоже тащишься.

Когда до моего слуха долетает девичий голос с экрана, рука непроизвольно сильнее сжимает очередной лист. Страница в моей руке шелестит и мнется, и мне стоит больших усилий поднять голову и посмотреть в черный ящик. словно к шее привязали груз болезненных воспоминаний.

Я успел стать преданным фанатом-дрочером и пересмотреть с ней все, что нашел в сети. Но все равно не готов каждый раз к ее неожиданному появлению, потому что стоит поднять глаза и в теле поселится безумие, убеждающее смотреть на нее вечно. Не переставая.

Поэтому акт-протеста Фабио против сестры с переключением канала действует и на мои первобытные инстинкты. Не поворачивая головы, произношу тяжелым железным голосом:

— Переключи обратно. — Аделита испуганно вздрагивает, а ее брат выполняет мою просьбу без лишних уточнений.

Парень виновато садится рядом и тихо произносит:

— Она мне, кстати, тоже нравится.

Посылаю ему примирительную улыбку, не сводя глаз с экрана, потому что в эту минуту Хлоя заливисто смеется, закрывая свой нежный ротик ладошкой. Камера отодвигается, и я

вижу рядом ее партнера французика, что-то шепчущего ей на ухо и поправляющего подол красного платья актрисы.

«Одна из красивейших пар в кино и наяву» рядом в теле сочатся обложки газет. Ненавижу его только за то, что он рядом с ней. Последний человек на планете, кому я пожму руку.

— Они такая красивая пара! — Аделита явно неспособна на телепатию, иначе не решилась бы посыпать пеплом мое сгорающее в муке сознание от одного только вида, как они держатся за руки. — Мечтаю, чтобы они поженились!

— Аделита, — голос Беатрис ударной волной сносит розовые мечты дочери. — Свои мечты оставь себе. Дай людям спокойно смотреть телевизор.

Мой взгляд встречается с Беатрис, и я понимаю, что она, в отличие от мелкой, успешно вскрыла мою черепушку. И мои догадки подтверждаются вечером на кухне, когда она заваривает мне чай и, положив стакан перед моим носом, по-матерински гладит по спине и очень тихо произносит:

— Она очень красивая. И я верю, что ты сможешь обрести ее вновь.

Хлоя

Спустя пару месяцев после начала съемок «Расколовшихся»

Я настолько увлечена процессом улучшения своей походки, что не замечаю, когда именно Антуан появляется в комнате или того, как он садится в затемненном углу и начинает наблюдать. Меня раздражает осознание не совершенства шага, так как всеми фибрами души хочется продемонстрировать Ему однажды свой феерический успех в мастерстве «идеальной походки».

Хочу стать лучше, несмотря ни на что. Потому что каждый день я стараюсь убедить себя в том, что совсем не жду его появления, но наивно поливаю все новыми ожиданиями болезненный цветок надежды, который никак не удастся выдрать с корнем.

— Что ты делаешь? — голос разбивает накаленную моими одержимыми попытками тишину.

Заставляет вздрогнуть и обернуться.

Мой партнер по фильму сидит на стуле, положив ногу на ногу, и с нескрываемым интересом ожидает ответа.

— Понимаешь...идеальная походка — это микс Софи Лорен, Одри Хепберн и Брижит Бордо. — неуверенно озвучиваю я, — Благодаря просмотру фильмов с их участием, я хочу со временем прийти к этому. К тому же, признаться, я никогда не посещала курсы актерского мастерства. Только наблюдала за игрой и мимикой таких великих актрис и...

Мне не удастся договорить.

Антуан встает со своего места и подходит ко мне, эффектно покидая полумрак и постепенно давая свету возможность прикоснуться к своему телу. Он кусает губу — как и всегда, когда принимает для себя какое-то важное решение, и, чуть шурясь, смотрит на меня.

— Если хочешь, Хлоэ, я знаю одну женщину, которая преподает актерскую игру. Для тебя могу организовать частные уроки и в перерывах между съемками буду рад стать твоим личным водителем.

— Даже не знаю удобно ли это.

Ощущаю неловкость. Не хочется загружать кого-то своими проблемами. Ведь я поделилась с ним вовсе не для этого.

Сэм несколько месяцев пытается кого-то найти для оттачивания моего таланта, но пока особо не преуспел, отчего недавно с неприязнью захлопнул «Дракулу» Брэма Стокера и сердечно назвал книгу «посредственным чтивом».

— Конечно, удобно! — искренне улыбается Антуан. — Расскажешь ей про свои американские кино-приемы, а я понаблюдаю. Может, тоже найду для себя что-нибудь полезное. Думаю, хотя бы раз или два в неделю будет неплохо.

— Я не могу похищать твое время. — отрицательно мотаю головой.

График съемок и так слишком плотный, не оставляющий практически никакого окошка на личное пространство, а тут еще я... Нет. Слишком эгоистично с моей стороны просить Антуана. Наверняка, у него найдутся более интересные планы и занятия.

— Не можешь, — соглашается он, — Но можешь похищать меня.

— Буду сама добираться. — продолжаю протест.

— Нет, так совершенно неудобно. Ее зовут Агнес Филип. Это информация для

Тойлона, — несмотря на все брюзжания моего агента в адрес Антуана, юноша всегда говорит о нем с улыбкой. — Ты ведь будешь советоваться с твоим ворчуном? — и предугадывая мои очередные возражения, он поднимает руку и твердо заявляет. — Завтра вечером я тебя отвезу.

*

— Аг-нес Фи-лип? — по слогам произносит Сэм, уткнувшись в «Марсианские хроники» Рэя Бредбери, словно пытается запомнить странное имя нового персонажа романа.

Я в это время сижу за круглым столом, поджав под себя ноги, и откусываю вкуснейший круассан. Затем делаю глоток ароматного чая с мятой, от которого он отказался, предпочтя диван и книгу. А значит, булка с шоколадом тоже достанется мне. Выпечка во Франции стала моей слабостью, хотя раньше я за собой пристрастия к сдобе никогда не замечала.

— Да.

— Он сказал тебе, кто она?

— Нууу... Она преподает актерское мастерство. Женщина, — озадаченно произношу я, и голову вмиг озаряет догадка. — Может, она актриса.

— Хммм, — неопределенно тянет Сэм.

Неспешно оборачивается и разглядывает меня несколько странно. Примерно такие взгляды кидала на меня Лизи, если я переспрашивала названия брендов духов из ее личной коллекции.

Мой агент хмыкает и бодро выносит вердикт:

— Съезди.

*

— Она с тобой побеседует, — инструктирует Антуан, когда мы подъезжаем на его черном кабриолете к освещенной мягкими лучами солнца вилле в пригороде Парижа.

Перед нашим взором дом мечты из белого камня, предназначенный для большой и дружной семьи. Стены, заросшие зеленой растительностью, придают зданию особую живописность, а садом вполне уместно хвастаться, как редким произведением искусства, настолько он приковывает взор.

— И может немного протестировать. — ловя в сачок своей уверенности мой нервный взгляд, спокойно продолжает мой друг. — Не волнуйся, ты обязательно ей понравишься.

Машина останавливается, и мы выходим из нее, встречаемые радостным лаем двух гончих собак.

— Клод, Моне! — радостно обращается к ним Антуан, на которого они, виляя хвостами поочередно прыгают.

Он ловит мой удивленный взгляд и спешит разъяснить.

— Хлоэ, знакомься, это Клод, — его рука опускается на голову той, у которой на спине два черных крупных пятна.

— А эта Моне. — ласкает вторую, успевшую пробежать вокруг него несколько кругов и вскружить мою голову. — У этой семьи своеобразное чувство юмора. — шепотом добавляет и приглашает пройти в дом.

Когда заходим внутрь, я ощущаю, как вокруг меня начинает плести паутину нервозность. Наверное, актрисы на то и актрисы, что могут всегда, в любую минуту подчинить себе эмоции, но мне до подобного уровня мастерства еще далеко. Играть перед камерой, это несколько другое. Там я вхожу в кожу персонажа, в которого перевоплощаюсь.

Хотя... если признаться, я не настолько верю, что являюсь хорошей актрисой, потому

что в роли Вивьен многие эмоции мне даже не нужно играть. Мне больно также, как и ей. И все, что от меня требуется, это передача внутренней пытки и горести из-за потери любимого...

А ведь это совсем не талант. И каждый раз, когда коллеги или режиссер хвалят мою игру, становится ужасно стыдно. Словно я их обманываю и однажды они ужаснутся, увидев мой длинный, как у Пиноккио, нос.

— Дорогой, ты приехал, — к нам выходит женщина лет пятидесяти.

Она одета с изяществом герцогини. На ней элегантный темный костюм. В ушах сверкают бриллиантовые серьги, по форме напоминающие гроздь винограда, а на лице минимум косметики. Единственный акцент — красная помада на губах. Француженкам не свойственно краситься, как американкам. Они придерживаются естественной красоты, убежденные, что мужчин привлекает только натуральный макияж.

Она поочередно целует Антуана в щеки и поворачивается ко мне.

— Знакомься, это Хлоэ, — представляет нас юноша. — Я тебе о ней рассказывал. — Хлоэ, это Агнес. — глаза женщины изучающе смотрят на меня пару секунд, затем она мило улыбается и наклоняется к моей правой щеке для поцелуя.

*

Для своего тестирования хозяйка дома выбирает сад, не разрешая Антуану присутствовать. Он грустно опускает плечи, но не смеет послушаться.

Мы садимся возле яблоневого дерева, и я с наслаждением ловлю звуки цикад. Сейчас очень красивый кадр, который смывает волной расслабления всю мою нервозность, и погружает в океан умиротворения и восхищения палитрой света вокруг. Мне не хватает слов для описания его мягкости и шелковистости. Но мне точно известно — он идеален для съемки.

С момента приезда в Париж, я снимаю почти безастановочно. Практически все, что вызывает во мне немой восторг.

Хочется достать мобильник и включить режим видео, но это будет выглядеть кощунственно некультурно, поэтому я аккуратно складываю руки на коленях.

Агнес не просит меня изобразить грусть или смех и не дает для читки роль. Она только разливает нам в стаканы холодный цитрусовый лимонад и спрашивает о семье и моих планах. Несмотря на то, что внешне она производит впечатление французской королевы, скрывающейся вдали от назойливого народа, требующего ее постоянного присутствия, с ней оказывается легко и просто общаться.

— Я всегда думала, — задумчиво произносит женщина, поднося к губам запотевший от холода хрустальный стакан, — Какая француженка разобьет сердце моего сына? — сделав пару глотков, смотрит на окно, из которого, высунувшись, улыбается голова Антуана. — Оказалось, наполовину американка.

Райан

Стеклянные двери компании «Son Of Star», ежегодно зарабатывающей миллионы долларов, раздвинулись передо мной, впуская на новый уровень моей карьеры. Уровень подонка в полном метре. Определенно, не то, о чем мечтал семилетний мальчишка.

В здании из синего стекла должна состояться встреча с режиссером, сценаристом и еще тремя утвержденными актерами.

— Это пройдоха Джон Галахер! — вопит Хелен, узнав имя режиссера.

Его проекты постоянно взрывают кассу, сводя с ума зрителей. Большой частью женскую часть населения, уносят в мелодраматичные дали без возрастных ограничений.

— И он сам выбрал тебя!

— Надеюсь, в благодарность спать с ним не надо? — спокойно отвечаю, стоя в пробке.

— Как-будто ты раньше соглашался на секс ради роли, — фыркает Хелен. — Мне не нравится твой настрой! Тебе нужно зайти и очаровать там всех.

— Я вхожу в роль, — вру, — И мой герой не очаровашка, поэтому...

— Хммм. Ты столкнулся с ней вчера? — бесцеремонно прерывает мой агент.

— Подъехал. После созвонимся. — провожу пальцем по красной кнопке и сбрасываю звонок.

Не отпускающие меня со вчерашнего вечера кадры проносятся перед глазами, мерцая соблазнительным вишневым цветом.

*

На юбилей журнала FashionWeekly я шел по одной единственной причине, проплывшей мимо меня в темно-бордовом платье. И этот горько-сладостный миг подсыпал новых искр коктейлю моего безумства.

Вечер проходил в баре Mirrors, наполненном зеркалами, играющими в игры с воображением посетителей. Идеальное место для поколения, стремящегося показать себя со всех возможных ракурсов, восхищающегося своей, тронутой не одной инъекцией косметолога, внешностью и щедро распаляющего в воздухе самовлюбленное эго.

Помещение состояло из четырех комнат. Просторный светлый зал округлой формы с тремя боковыми дверьми вел в отдельные цветные зоны: с розовыми, голубыми и неоновыми зеркалами. Огромные сверкающие люстры богато свисали с потолка. Пирамиды из бокалов-купе, не жалея поливались самым дорогим шампанским. Вспышки камер, бессмысленные разговоры, беззаботный смех и соревнующиеся между собой наряды от мировых брендов.

Скука разлилась внутри сразу, вместе с осознанием, что ее нет ни в одном из залов.

Приклеив на лицо фирменную улыбку и желая скоротать время, я отдался в руки хищниц, что-то кокетливо рассказывающих и сменяющих друг друга, словно назойливая реклама. От меня не требовалось многого: временами кивать и брать новую визитку.

Темные очки служили верными союзниками, скрывая мое абсолютное безразличие и постоянное напряжение глаз, находящихся в вечном поиске. Гребанном безрезультатном поиске.

Прошел час.

Полтора.

Карманы разбухли от надушенных визиток, ожидающих своего звездного часа для

отправления в темную пучину урны, а она все не появлялась. Переместившись из основного зала в неоновый, я прошел к бару и заказал минеральной воды. Молодой парень приветливо кивнул и поставил передо мной стакан, в котором плескался лед с долькой лимона.

Поблагодарив, взял воду и неспешно направился обратно, когда около самих дверей меня ударила невидимая молния предупреждения. Возможно, я тронулся головой, но она еще не прошла рядом, а в нос ударил нежный миндальный запах, уверяя, что русалочка рядом.

Идеальная.

Как ожившее изваяние мастеров эпохи возрождения, она проплыла в темном вишневом платье, обнажающем светлые плечи. Ни одна из присутствующих на вечере дам не смогла бы даже с помощью компьютерных спецэффектов двигаться изящнее, чем она.

Опустив стакан на поднос, проходящего мимо официанта, я направился за ней. В голове не было ни единой мысли о том, что собираюсь сказать или сделать. Вся власть вместе с горевшей кровью стекала вниз, к ошалело-ожившему члену, объявлявшему на протяжении долгих двух лет полный отказ от плотских утех. Согласие на боевые действия возникали лишь при образе в голове русалочки, а после мы оба отплевывались, найдя на себе или под собой совсем другую девушку.

Сейчас он напоминал потерявшего всякую надежду в себя шамана, чей многолетний мираж, наконец, обрел форму.

Она шла быстро, как золушка, потерявшая туфельку, а я жадно ловил ее в зеркалах, в которых она двоилась и троилась, неосознанно доводя шамана до экстаза и ударов в бубен. Нежная кожа, с небольшой россыпью родинок на спине. До одури хотелось к ней прикоснуться...

Как вдруг она резко остановилась, и мои ноги последовали ее примеру, находясь буквально в трех шагах.

Ощувив растущее жжение в груди, я попытался не забыть дышать. Заметил, как напряглись ее плечи, как левая рука сжала ткань платья, и голова Хлои чуть дернулась. Она медленно повернулась влево, взгляд девушки что-то зацепил, и она превратилась в статую. Олицетворяя само совершенство среди какофонии жалких копий.

Моя голова последовала за ее находкой и наши глаза столкнулись в зеркале. Яркие зеленые глаза похитили, уже, казалось бы, несуществующие во мне капли спокойствия, яркие чувственные губы нежно приоткрылись. Моя рука потянулась к очкам и сняла их. В каком-то нелепом желании показать ей, дать возможность увидеть, какое пламя колыхает внутри меня, и как давно я раскаялся и отпустил ее в новое счастье.

Но оказался не готовым встретить ее вновь.

— Хлоэ! — прозвучал мужской голос, разбив наш миг.

Она сразу отвернулась. Маленькая ладошка в зеркале оказалась в чужой большой руке.

Не знаю, повернулась ли она вновь. Моему самолюбию хочется верить, что да. Но это не важно, потому что моего отражения в зеркале уже не было.

Он бежал, как последний трус.

В здании «Son Of Star» меня встречает Вайолет, пухленькая невысокая девчушка. Она без конца что-то тараторит, пока мы поднимаемся в лифте. Скорее всего, что-то важное, но я снова в своих темных очках, ограждающих меня от чужих жужжащих речей.

— Если вам вдруг что-то понадобится, — взволнованно лепечет ассистентка, покрываясь красными пятнами. — Вы, мистер Лив, звоните и пишите мне в любое время.

Лифт плавно останавливается и створки разъезжаются в разные стороны. Девушка шагает вперед, показывая путь к заветной двери.

— Здесь, — улыбается она, остановившись. — Завтра я пришлю вам все необходимое материалы.

Открыв дверь, делаю шаг внутрь и проваливаюсь в мысленную воронку сумасшествия. Ее запах опьяняюще ударяет в нос.

За длинным столом сидит пять человек. Во главе восседает темноволосый и остроносый режиссёр, по правую руку от него и спиной ко мне устроился сценарист, получивший как минимум две статуэтки за последние пять лет, Шон Дилман, а напротив — молодые актеры проекта.

Две девушки и пристроившийся посередине цветника юноша. Тот самый невыносимый французик. Но сейчас меня интересует другая личность. Русалочка поднимает взгляд, стоит мне открыть дверь, и внезапность встречи позволяет увидеть, как в удивлении приоткрывается ее ротик, а глаза наполняются незащитностью. Буквально пара секунд, и она полностью берет себя в руки, что заставляет восхищаться.

Тонкая пелена холода вперемишку с безразличием и еще чем-то, что больно отзывается внутри, поднимается по ее телу. Рот плотно закрывается, а глаза разве что не зевают от скуки при виде меня.

Усмехнувшись, подхожу к столу.

— А вот и герой, играющий Зака, — Джон Галахер встает со своего места и направляется ко мне.

Мы пожимаем руки, и он презентует меня словами:

— Уверен, вы слышаны о красавце-ловеласе Райане! Райан, это Роза Шнайдер, роль Мари, — взгляд останавливается на блондинке с эффектной фигурой.

Девушка кивает и немного застенчиво улыбается. Видел игру этой актрисы в «Большой удаче», там она тоже была во второстепенной роли. Играла довольно неплохо, но чего-то ее таланту не хватало.

— Антуан Дюран, роль Нила, — продолжает режиссер.

Француз встает со своего места и протягивает мне руку.

— Очень рад знакомству, — с неподдельной улыбкой говорит парень.

От этого сводит зубы.

Единственное мое желание — дать ему в рожу, но, проглатывая желчь, отвечаю на рукопожатие.

— А это Хлоя Райт, наша Елена. — добивает Галахер.

— Мы знакомы, — не знаю, зачем говорю это.

Наверное, хочу, чтобы французик знал, что я для нее не никто.

Хлоя обжигает меня секундным пламенем и вновь надевает пленку серого безразличия,

вежливо улыбнувшись.

— Немного, — невозмутимо произносит она.

Француз удивленно что-то лепечет на своем, и в ее разъяснениях я слышу имя «Лизи».

— Так даже лучше, — широко ухмыляется Галахер. — Райан присаживайся. — указав мне на свободный стул около Дилмана, возвращается к своему креслу.

С удовольствием опускаюсь на предложенное место и оказываюсь лицом к лицу с Хлоей. Очки не снимаю намеренно, так как, слушая видения режиссера и сценариста, неотрывно смотрю на нее. И готов поклясться, она это прекрасно знает, так как ни разу за все время встречи ее глаза не останавливаются на мне. Она молча дает почувствовать себя пустым местом. Это вызывает улыбку на моих губах, потому что я знаю женщин и оттого уверен — значит, ей не все равно.

В конце полуторачасового совещания Дилман просит нас почитать для него важные отрывки сценария.

— Это не прослушка! — усмехается Галахер, ловя удивление актеров. — Вы все утверждены и контракты с каждым из вас у нас подписаны. Но старина Шон любит таким образом наслаждаться своим ребенком. — звучат его слова о сценарии. — У каждого родителя свои причуды.

— Кто бы говорил о причудах, — фыркает старик, раздавая нам отрывки.

Снимаю очки и углубляюсь в сцену с Розы.

Все парно проходятся по ролям, и, наконец, доходит моя очередь с Хлоей. Перелистываю страницу и на миг выпадаю из реальности.

Кажется, сейчас кто-то пишет сценарий моей жизни и у него довольно своеобразное чувство юмора...

— Начинайте. — произносит Дилман.

Поднимаю глаза на русалочку.

— Знаешь, — севшим голосом произношу я. — Прошло уже много лет, и я вряд ли когда-то сумею заслужить твое прощение... потому что, я муд***, трахающий других женщин, в попытке обмануть себя... Обмануть, бл**, потому что перед глазами всегда только ты... Ты... Но...

— Охрененно! — восклицает Галахер.

А я смотрю Хлое в глаза, пытаюсь прочесть в них хоть что-либо. Умоляя дать мне маленькую лазейку в ее настоящие мысли, но ставни ее зрачков пуленепробиваемы. Недостигаемы. Она великолепно отыгрывает свою часть одной фразой, метко прошибающей меня насквозь:

— Между нами больше никогда ничего не будет.

Хлоя

Наклонив голову набок, наблюдаю в овальном иллюминаторе боинга за белоснежным царством облаков, размеренно философствующим о мире. Они бы посмеялись над моими глупыми мыслями, бьющимися друг о друга в тревожности и скрываемой от себя самой радости.

Меньше чем через пять часов мы приземлимся в городе Ангелов. В городе, в котором обитает мой личный демон. Мне удалось запрятать его за многочисленными замками с надписями: «он ни разу не пришел», «не позвонил», «он тебя вычеркнул», «ему плевать», «он не поверил», «он посчитал тебя иллюхой». Железный и самый тяжелый из них гласит: «лживая сука...». Надпись, в случае моей слабости, начинает искриться красным цветом.

Усмирив внутреннюю борьбу, поворачиваю голову влево. Антуан сладко спит, развалившись в кресле бизнес класса, а на противоположном сидении устроился Сэм, смакующий «Литературного призрака» Дэвида Митчелла.

Именно этим двоим мужчинам я обязана прекращением вечного дождя внутри.

*

— Превосходно! — возбужденно сияя от радости, восклицал Антуан, вышагивая по моему номеру в коричневых клетчатых брюках и светлой рубашке-поло.

Нам поступило предложение от Джона Галахера.

«Расколовшиеся» имели ошеломительный успех, которого хоть и ожидали, но все же не предполагали столь грандиозных масштабов.

Теперь я отчетливо понимала фразу «она проснулась знаменитой».

Слава рухнула на меня без предупреждения или вступительного слова, она навалилась вспышками преследующих каждый шаг камер, постоянными упоминаниями в прессе, невысказанным количеством новых предложений и невозможностью выйти из квартиры и при этом остаться неузнанной. Самым сложным оказалось привыкнуть к последнему. Я всегда была той, кто сидела в углу и наблюдала за остальными, а здесь мне не оставляли выбора, выталкивая под яркий свет софитов.

Как это часто бывает, пара из фильма завоевала преданную любовь поклонников. И теперь нас, не жалея гонораров, приглашали во всевозможные французские передачи, просили стать лицами известных брендов, засыпали предложениями и сценариями. Но мой агент не кидался голодной хваткой на первое попавшее предложение, он тщательно и досконально изучал каждый миллиметр перед принятием решения.

Из всех сценариев, способных при массовом сожжении создать величественный костер, мы для второго проекта выбрали черно-белую короткометражку подающего надежды молодого еврейского режиссера Марка Гимера. И картина была благосклонно отмечена на нескольких фестивалях.

А Антуан после «Расколовшихся» снялся в мелодраме эксцентричного Элиа Сажеса «Моя Мать». В конце фильма я не могла сдержать слезы и плакала навзрыд, вызвав торжественную и довольную улыбку на лице моего друга, галантно протягивающего мне бумажные салфетки.

И буквально неделю назад нам поступило предложение от Галахера.

Сэм был в восторге. Антуан был в восторге. Агнес была в восторге. Дюран был в

восторге...

Но не я.

Меня до трясучки пугала одна сцена, заполняя внутренности тошнотворным чувством тревоги.

— Не уверена, что смогу как следует отыграть образ этой героини. — нерешительно начала я.

Сэм, который до этого целый час никак не реагировал на череду восторженных реплик Антуана, вдруг оторвался от «Грозового перевала» и впился в меня внимательным взглядом.

— Ерунда! — отмахнулся молодой Дюран, — Ты прекрасная актриса и уже не раз это доказала. — он чарующе улыбнулся и опустился на колени около моих ног.

— Ты и без меня прекрасно сыграешь в этом фильме. А актриса может...

— Нет, нет! — Антуан, как маленький, закрыл уши руками и замотал головой. — Умоляю, Хлоэ, умоляю! Я сделаю все, что ты захочешь, только давай вместе сыграем в этом фильме. Умоляю... — его голова мягко легла на мои колени и карие глаза самым жалобным взглядом уставились на меня.

Пересилив внутреннее сопротивление и уняв тревожность, ласково провела рукой по темным волосам.

— Хорошо, — улыбнувшись, я кивнула в знак согласия.

*

После премьеры «Расколовшихся» всех фанатов, а также поддерживающих и умножающих их интерес журналистов, интересовал вопрос: встречаемся ли мы с Антуаном?

Некоторые создали свою собственную легенду о зарождении любви между актерами с самого первого кадра и активно муссировали версию.

Нам был дан запрет прямого отрицания или подтверждения, потому как история самым лучшим образом влияла на рейтинги. Если нас ловили в кафе, то снимки тут же становились достоянием газет и сети. Пресса радостно ликовала, сумев в очередной раз уличить «молодых влюбленных».

Но в действительности после того случая в «Африканских снах» между нами долгое время ничего не было. Он ни на чем не настаивал, и я была искренне за это благодарна. Всегда считала неправильным вступать в отношения, когда в сердце есть другой.

Но порой мы делаем шаги, противоречащие нашим принципам, ступаем на шатком поводе чувств... Не всегда правильных...

*

Это был выходной, который я намеревалась посвятить себе. Совершив одинокую пешую прогулку по правому берегу Сены, пройдясь по улице Риволи и вдоволь насладившись архитектурой любимого Лувра, я закупила в булочной круассанов, честно отстояв очередь и перекинувшись с гостеприимной хозяйкой парой фраз о пасмурной погоде. Вернулась в небольшую квартиру, которую снимала для меня компания. Приняла душ, переоделась в теплую домашнюю пижаму, заварила любимый чай, удобно устроилась на диване, обложив себя выпечкой и, открыв ноутбук, решила заняться монтированием любительского фильма, который снимала с момента приезда в Париж.

А потом вспомнила, что могу позволить себе маленькую слабость. Я запретила себе гуглить информацию о Райане, но раз в месяц разрешала себе «исключительное предложение», в награду за хорошую работу и удачную борьбу с демоном.

Быстро набрав в поисковике «актеры Голливуда» — ведь так легче убедить гордость в

отсутствии всякого конкретного интереса — начала пролистывать страницы и фотографии, пока рука не замерла и рот не перестал с аппетитом поглощать выпечку.

«Новая пассия плохиша Райана» гласил заголовок. Он стоял, приобняв за талию загорелую знойную красотку. Обладательницу таких бедер, которые я смогла бы получить только в случае пересадки в ягодицы двух арбузов.

Ни в чем неповинный ноутбук был с грохотом закрыт и откинут на другую сторону дивана.

На вопрос «она ли на свете всех милее», ведьма узнала, что... Что ей больно и заперлась в ванной.

Затем оделась и поехала к Антуану.

*

Мои наряды для выходов в свет каждый раз, упорно дискутируя, выбирали двое мужчин. Они наслаждались процессом больше моего и оценивали предложения модных домов с некоторым налетом истинных художников. Для премьеры «Расколовшихся» Сэм, кажется, для большего веса и красноречия, специально выучил французские ругательства, но в итоге остановился на емком «Putan!», которым беспрерывно покрывал Антуана.

В итоге тот громко расхохотался и сдался его выбору.

А вот для юбилея FashionWeekly я выбрала платье сама, влюбившись в него сразу, как только мне прислали исходный эскиз. Но вот туфли, походившие на изощренные орудия пыток, выбрал гонорар и бездушные наставления Сэма о том, что русалочка ради недалекого принца каждый день испытывала при ходьбе боль, а мне, в отличие от нее, надо потерпеть всего пару часов, благодаря которым мой счет пополнится существенной и приятной суммой.

Откуда он знает детали жизни сухопутной русалки, уточнять не стала. Сжав зубы, добровольно надела черные туфли, внешне обманчиво элегантные, и притом умело скрывающие свою губительную сущность.

При входе внутрь клуба Mirrors, туфли с триумфов показали себя свету, а затем злобно ударили меня под дых. Пришлось оторваться от руки Антуана, сообщив, что мне необходимо срочно пройти в дамскую комнату, и заверив, что я обязательно его догоню.

Несколько минут жалких попыток подложить побольше ваты, удачно запихнутой мне в сумку Сэмом, проявившим акт участливого сострадания, ничем не помогли. Посмотрев на себя в зеркало и удовлетворившись внешним видом, я сделала глубокий вдох и, вспомнив все уроки великолепной Агнес, вышла в зал.

Присутствие ядовито-пленительной и назойливой мысли, которую я не смогла приручить с самого утра, несмотря ни на кнут, ни на пряник, казалась мне проявлением мучительной слабости. Мысль сладко и предательски пела «увижу ли я его сегодня...» — и растекалась отравой по здоровому сознанию.

Шум модного вечера вломился в уши, окружив чужим смехом и звоном чокающихся бокалов. Вытянув спину и надев одну из светских улыбок, совсем как учила меня наставница, я вступила в заросли гламурного мира и отправилась на поиски Антуана. Люди улыбались и кивали, говорили комплименты. Мужчины, несмотря на своих спутниц, бросали откровенные взгляды, которые я за два года научилась встречать вежливым неведением и ускорением шага.

Пройдя мимо неоновой двери, неожиданно почувствовала, словно кожа между лопаток загорелась. С каждым движением тело жгло сильнее, и чарующая мысль перестала петь, она

завопила запуганной сиреной, сообщая: «Он здесь!».

Не выдержав, я остановилась и стала медленно поворачиваться, замерев с бешено колотящимся сердцем. Из зеркала на меня смотрел самый красивый демон, из-за которого мои глаза не раз наводняли квартиру соленой водой. В темно-сером смокинге, идеально подчеркивающим рельефы его тела, в темных очках и с отросшей, придающей ему еще большую возмутительную сексуальность, бородой. Невозможно красивый...

За эти мысли хотелось прокусить себе язык и дать себе множество пощечин.

Поспешным движением, Райан снял очки, и в его взгляде я увидела боль, вперемишку с отчаянием.

— Хлоэ! — прозвучал рядом голос Антуана, заставив меня вздрогнуть и заново обрести способность двигаться.

Дюран взял меня за руку и начал увлеченно рассказывать, кого встретил. Я улыбнулась и, физически ощущая, как у меня отрастает хвост предательства, с надеждой повернулась обратно к зеркалу. Но моего личного демона уже не было в нем...

*

Необычное предчувствие щекотало тело и голову. Мы сидели в кабинете у Джона Галахера, и я не могла найти ему причину, пока дверь не открылась и не вошел актер, исполняющий роль Зака. Тот, кто за последние два года так часто навещал меня в снах, но ни разу не пришел наяву.

Темные джинсы, однотонное в цвет брюк поло и те же темные очки.

««Я незаметно щипаю себя. — говорила Агнес, — Если что-то сбивает или отвлекает от роли.»

Два часа гореть на стуле, ощущая его назойливый взгляд из-под темных очков. Задушить даже слабый намек на стремление вскользь посмотреть на него.

И почти проиграть, услышав его игру.

Желание, чтобы эти слова оказались не написанным кем-то текстом, а тем, что идет из его сердца, заставило внутренние замки всколыхнуться и начать нервно потрясываться.

«*Лживая сука*» — полоснуло болезненным воспоминанием, придав мне нужную интонацию для своей роли.

*

Его слова гудят в голове настырным паромом, врезаясь в бури моего сопротивления.

Он всего лишь играл роль, — убеждаю себя я. — Точно так, как играла я. Это всего лишь роль, а он очень хороший актер!

Тогда почему?! Почему я прокручиваю эту сцену в голове вновь и вновь.

— Все хорошо? — наклонившись к моему уху, по-французски уточняет Антуан, когда мы садимся в машину.

Киваю.

— Хлоэ, — взяв мое левое запястье в свою руку, обеспокоенно смотрит на следы красных отметин — следы моей внутренней борьбы. — Что это?

— Я немного нервничала. — тихо произносят губы.

И актер тут же заключает меня в крепкие объятия.

— Ты самая лучшая. — поцеловав в щеку, говорит он. — Будь в этом уверена.

Но от этих слов я лишь ощущаю холодный укол совести.

Райан

Съемки длятся уже четыре месяца. Четыре долгих месяца ее безразличия.

Когда я увидел ее в тот день в кабинете Галахера, решил для себя, что это шанс. Шанс вернуть русалочку, приложив все имеющиеся у себя таланты. Но таланты день ото дня подыхают, стоит увидеть, как она смеется, стоя около своего благоверного лягушонка.

Не заметить, что парнишка от нее без ума — невозможно. От его откровенного щенячьего обожания хочется блевать. А когда моя больная фантазия представляет, как он прикасается к ее телу за закрытыми дверями, глаза наполняются кровью от желания размазать его по стенке.

Как и в тот день в Париже, когда я впервые увидел их целующимися. Тогда меня парализовало ровно до того момента, пока они не сели в машину. И, ничего не предприняв, я ушел, мысленно пожелав им обоим счастья.

А сейчас, спустя два года, успел передумать и пожалеть сотни и тысячи раз.

Поэтому решил для себя сделать все возможное, чтобы ее вернуть.

Но задача предстоит не из легких. Из-за плотного графика я физически не могу присутствовать на съемочной площадке дольше положенного времени, обязанный ехать на другой проект. И ни одна попытка общения с Хлоей не оборачивается успехом. Потому что, если француз тошнотворно вежлив и бесит своим дружественным отношением, то Хлоя выключает меня из своего эфира сразу же, стоит Галахеру крикнуть волшебное: «Снято!».

Любое столкновение с ней вне обзора камеры дарит лишь ее скупые емкие ответы и равнодушную вежливость, которая воздействует на меня сильнее, чем физический удар.

Но сегодня я счастлив.

Сегодня нам предстоит отснять сцену поцелуя. Далеко не взаимного, но мне не принципиально. Меня вполне устроит и этот подарок судьбы.

Герои Зака и Елены встречаются спустя много лет. Парень против воли целует девушку, и она в ответ дает ему хлесткую пощечину.

Хлоя идеально отыгрывает роль Елены. И каждый раз так незаметно включает свой беззащитно-потерянный взгляд, что я ничего не могу понять в ее настоящих чувствах.

Вот и сейчас гул съемочной группы замолкает, камера пристально смотрит на нас двоих, стоящих в паре метров друг от друга.

Моя партнерша в легком сарафанчике цвета незабудок остановилась напротив меня, чуть прикрыв глаза. Русалочка всегда таким образом готовится к началу съемку, давая возможность откровенно ею любоваться.

Наконец, Джон кричит:

— Мотор!

Лили хлопает перед объективом хлопущей-нумератором, и на меня поднимает взгляд Елена.

Зак зло усмехается и делает навстречу девушке несколько шагов.

— Хочешь сказать, что за те пять лет ты ни разу не вспоминала обо мне? — в его голосе одновременно слышится вызов и отчаяние.

Девушка немного дрожит, но отступает лишь на маленький шагочек. Гордо подняв голову, она выплевывает ему в лицо:

— Ни разу!

Парень тут же свирепеет, цедит сквозь зубы:

— Врешь! — и притянув к себе тонкое тело, впивается в ее плотно сжатый рот, ловя неприкрытый ужас и страх.

Секунда.

Она отталкивает его от себя, и звук пощечины раздается в воздухе.

Блядь.

Слишком мало.

Ничего не понять.

Но этот сладкий карамельный вкус. Как же я хочу ощутить его вновь. Поэтому я неожиданно начинаю проделывать то, чего не позволял себе ни в один год своей карьеры и назвал бы любого совершающего подобное идиотом.

Хелен удивленно вскинет брови, если я однажды ей об этом расскажу, и напомнит мне правила хорошего тона во время съемки.

Но сейчас мне плевать. Я порчу дубль за дублем. Снова и снова. Самыми дебильными образами, но по странности никто не замечает моей истинной заинтересованности, кроме нее. Потому что с каждым разом она поглядывает на отчего-то погрустневшего француза и в зеленых омутах начинает поблескивать разъяренный огонек.

Когда моя щека приобретает славу «самых стойких красных румян», Джон объявляет съемочной группе перерыв и подзывает меня к себе.

Попался.

— Райан, — озадаченно улыбается режиссер, — Почему ты не доволен кадром каждый раз? Ведь именно недовольство заставляет тебя срывать, я прав?

— Прав. — уточнять, какое именно недовольство, не считаю нужным.

— Поверь, ты отлично играешь и шикарно вжился в роль! Чего стоит один твой взгляд на героиню! А я не мало актеров снимал. Давай, отдохни часочек и повторим. Только в конце без странностей, окей?

— Окей, — улыбаюсь и иду к своему трейлеру.

Говно.

Не могу дальше прикидываться дебилом. После перерыва отыграю нормально. Открываю холодильник, достаю колу и сажусь в кресло. Тянусь к сотовому, лежащему на столе и, взяв его в руки, читаю сообщение от сестры.

Элизабет: Ты совсем по нам не соскучился... Не пишешь, не звонишь, не предлагаешь приехать.

Усмехаюсь и печатаю в ответ: «Приезжай».

В дверь начинают нервно стучать.

— Входите! — кричу я, и в трейлер влетает Хлоя.

Она пылает. Ее с легкостью можно включить в каст фантастического боевика, а вокруг тела с помощью зеленого экрана добавить колыхания пламени.

— Что ты творишь? — никакой сдержанности или отстраненности в голосе.

Один лишь чувственный, сшибающий с ног первородный гнев. Мой член оживает, готовый радостно вопить «хочу еще», но я усмиряю профессора и вальяжно устраиваясь в своем кресле, невинно уточняю:

— Ты, о чем? Пью колу. Хочешь тоже бутылочку?

— Что? — она немного теряется, смотря на протянутый ей напиток и обдает меня

новой порцией пламени.

Будь мы героями того фантастического фильма, я бы уже горел и молил об огнетушителе.

— Ты можешь нормально отыграть? Зачем ты портишь дубли?! Прекрати!

— Хочешь, чтобы я ответил честно? — зверь во мне заново открывает охоту и начинает раскидывать сети.

— Да!

— Хорошо. — смотрю в ее глаза, не моргая. — Мне нравятся ощущения, которые я испытываю во время этого дубля, но не нравится смысл сцены. — пауза. — Потому я бешусь и срываюсь.

— Не понимаю тебя. — тихо произносит русалочка, не сумев скрыть от меня еле заметный румянец.

— Помоги мне отыграть, как я хочу, и я обещаю, что с первой попытки после перерыва сделаю все блестяще.

— Как это?

Идем ва-банк.

— Сыграй со мной сцену поцелуя. Здесь и сейчас. Только с той разницей, когда я спрошу, вспоминала ли ты обо мне, ты ответишь, что да, что думала обо мне каждый день.

Хлоя поднимает на меня глаза.

Вот сейчас меня даже огнетушитель не спасет, потому что под ее взглядом горю не только я, горит весь трейлер.

Она говорит что-то по-французски, отдаленно напоминающее «Merde!», и вылетает из трейлера, громко хлопнув за собой дверью.

Блядь.

Вот я убогий дебил.

Перегнул.

Смачно обматерив сам себя, встаю с места, снимаю футболку и со злостью отшвыриваю ее на пол.

Надо принять гребанный холодный душ!

Дерьмо!

Какой же я конченный идиот!

Дверь трейлера открывается вновь.

Член ликующе прижимается к ширинке, пытаюсь что-то разглядеть. Русалочка неспешно вливается внутрь. Спокойная и сдержанная, но все же на миг застигнутая врасплох при виде моего голого торса. Озабоченный профессор просит сообщить о готовности показать себя во всей красе, но я что есть сил молю его заткнуться.

— Я согласна. Мы отыграем сцену. — говорит она скучающим тоном, словно собирается подписаться под самым посредственным и унылым говно-сценарием. — Давай только быстро.

Окончание фразы меня не радует. Но это лучше, чем ничего.

— Хорошо.

Небольшими шагами начинаю медленно подходить к ней, боясь спугнуть. Боясь, что она в последнюю секунду передумает, пошлет меня на хер и снова убежит.

Русалочка также медленно отступает назад, опустив глаза в пол.

— Ты... — тихо произносит она. — Так и будешь? Не оденешься?

— Нет. Ты же хочешь, чтобы мы сделали это быстро. — отвечаю серьезно, дублируя ее деловой тон.

Когда плечи Хлои упираются в закрытую дверь трейлера, я нависаю над ней и сладкий запах бьет в нос.

Провожу рукой по шелковистым волосам.

— Что ты делаешь? — нервно уточняет актриса.

Вижу, как ее дыхание учащается и не могу не пройтись глазами по ее груди.

— Вхожу в роль, — касаюсь пальцами нежной кожи щеки. — Ты готова?

— Да. — невинный взгляд смотрит на меня.

И сквозь плотную пелену ее бессердечия я ловлю крохотный огонек, он зовет меня и манит.

— Я постоянно думал о тебе, — глухо произношу я. — Все два года не было и минуты без мысли о тебе. — намеренно меняю текст. — А ты вспоминала обо мне хоть раз?

Ее голова дергается, а в уголках глаз появляется влага, когда Хлоя произносит сводящее меня с ума тихое:

— Да.

Не владея более собой, прижимаю ее к себе. Накрываю соблазнительные губы своими. Жадно вторгаюсь языком и исследую каждый миллиметр чувственного рта. Хочу ее всю слишком сильно. Сейчас бы уложить ее на диван и сладко оттрахать.

Блядь, не могу себя контролировать. Руки не слушаются и начинают гладить спину, бесконтрольно опускаются к ягодицам, сжимают их. Когда из ее рта вылетает стон и тонкие пальцы ныряют в мои волосы, пульт управления окончательно вылетает из рук.

Поднимаю ее за попу, и она послушно обхватывает меня ногами. Вжимаю в стену, облизывая губы, и сплетаюсь с ее языком в диком танце. Этим поцелуем я хочу донести до нее, как был не прав и как сильно нуждаюсь в ней.

Но самое главное — ощущаю ее принятие и томление по мне.

Член в бешенстве долбится о ширинку, грозя расправой, если я его не выпущу.

Когда моя обнаглевшая рука ныряет русалочке под майку и задевает затвердевший сосок, она издает глухой стон, но в следующую секунду разрывает наш поцелуй. Тяжело дыша, опускается на ноги и в каком-то спасительном жесте выпрямляет между нами руки.

— Мы отыграли сцену. — говорит она.

Мы оба тяжело дышим, и Хлоя упорно отворачивает от меня взгляд.

— Хлоя, я... Я не игра...

— Нет! — судорожно произносит русалочка. — Это была просто сцена!

Открыв дверь, она снова от меня убегает.

Хлоя

В кафе «Chez Francis» можно приятно посидеть в хорошую погоду за столиками на веранде. Оттуда открывается чарующий вид на Эйфелеву башню. Особенно в вечернее время, когда железная леди находится в объятиях ласкового закатного неба.

Но за пару дней до вылета в штаты мы с Сэмом приютились за столиком около барной стойки, пока Антуан вышел на улицу, чтобы ответить на звонок.

На столе рядом с двумя бокалами кальвадоса и одного бокала вина лежала потрепанная в шершавых руках Тойлона книга Рэмарка «Триумфальная арка». Мой агент в очередной раз поморщился, взглянув на улиток, которых заказал наш третий спутник, и сделал глоток своего горячительного напитка. Я последовала его примеру и пригубила вина из бокала.

— Знаешь, какую женщину мужчина может любить практически всю жизнь? — вопрос Сэма был обращен ко мне, в то время как глаза наблюдали за курящим на улице и оживленно что-то рассказывающим в трубку Антуаном.

— Любимую? — предположила я, высказав очевидный ответ.

Тойлон усмехнулся и повернул на меня ироничный взгляд.

— Ту, которая никогда не ответит взаимностью.

Намек не прошел мимо меня, и тонкая иголочка совести тут же ощутимо кольнула. Опустив глаза, я стала с нарочитым интересом изучать свои аккуратно подстриженные короткие ногти, покрашенные в цвет спелой вишни.

— Сэм, я...

— Бэмби, ты чудесная девушка и я, хрен старый, был бы рад, будь у меня такая дочь. Но и хрен бы пустил тебя в этот акулий мир кино. — он вновь повернулся к окну, откуда нам радостно помахал Антуан. — Уверен, его любви хватит на вас обоих. Но даже с учетом моего к засранцу отношения, мне его жаль.

— Сэм, я...

— Но еще больше мне жаль тебя. Потому что, если он любит, то ты позволяешь...

— Сэм. Я люблю Антуана. — мой голос не дрогнул и глаза перестали блуждать в поиске спасательного якоря.

Со всей твердостью я посмотрела на мужчину.

— Да я не спорю. — усмехнулся собеседник. — Любишь его, очень нежно и трепетно. Только вот, как кого? Как брата или хорошего друга? Детка, немного извращенно с твоей стороны, не находишь? — не дождавшись моего ответа, он продолжил. — Вот того парня, с кем ты рассталась, когда мы с тобой только встретились, ты действительно любила. И, детка, я, наверное, должен был тебе давно рассказать...

— Рассказать, что? — послышался за нашими спинами веселый голос Антуана, разорвавший нить гнетущей меня беседы.

*

Тот разговор снова прокрутился в моей голове, пока я сижу на диване, прижав колени к груди и невидящими глазами смотрю «Унесенных ветром». Вот Скарлетт всегда знает, как поступить.

Совість второй день беспощадно грызет меня изнутри за слабость, аморальность и отсутствие всякой гордости. Я за один раз самолично перечеркнула несколько месяцев не

самой успешной, но все же сносной борьбы над собой, за которые силой заставляла отводить от него глаза и не гореть каждый раз в приступе дикой ревности, стоило Розы Шнайдер начать с ним хихикать.

Какая мне разница, зачем она так часто просит его порепетировать с ним в его трейлере?

Может, ей правда очень надо.

А мне до этого нет никакого дела. И меня совершенно не радуют его постоянные отказы.

Лгунья...

Потому что стоило ему произнести те слова и коснуться меня губами, я позволила себе в ту же секунду, без намека на сомнение, утопить живущую во мне мораль и отдаться его ласкам. В тот момент неконтролируемое здравым рассудком желание полностью подчинило себе всю власть.

Хотелось рассыпаться на атомы и раствориться в ощущениях.

Горячее тело, вжимающее меня в стену, жадный бесконечно долгий поцелуй, накаливший меня настолько, что прикосновение к груди чуть не явилось последним аккордом.

Самое ужасное... попытайся он меня остановить... надави он чуть сильнее... И мое тело было бы готово отдаться ему без остатка...

А ведь я пошла к нему из-за фразы Антуана: «Я дурак, но ужасно ревную, когда он тебя целует.»

Пошла, чтобы прекратить этот цирк и записалась главной кикиморой.

Почему, почему все так сложно?

Слезы появляются в уголках глаз.

Я ужасный, ужасный человек.

Неужели я правда лживая сука?

Мобильный, валяющийся на столе, начинает негромко звонить.

«Антуан» высвечивается на экране.

Райан

Две, мать его, недели назад я думал, что мудаческая идея с поцелуем, возникшая в моей голове, сработала как нельзя хорошо и обязательно вызовет потепление, ведь ответ ее тела был очевиден.

Ха!

Ха Ха Ха!

Закадровый смех держит меня за идиота.

Раньше она хотя бы здоровалась... Сейчас я потерял и это.

И, когда, после съемочного дня, ко мне подходит лягушатник с очередной подбешивающей порцией радушия и предложением выпить в баре, голову осеняет новая мысль, вполне возможная в больном сознании какого-нибудь одержимого психопата.

Что если... Не посылать каждый раз этого французика в учтивые пешие дали, ссылаясь на занятость, а наладить с ним связь, с помощью которой у меня появится дорога к русалочке.

Сославшись на свободный вечер, принимаю предложение, упомянув о неплохом тихом месте под названием «Keys», находящемся в пешей доступности от съемочной площадки.

Олень с радостью соглашается, спрашивая, не буду ли я против, если мы возьмем еще и Хлою.

Сказал бы я, как я не против.

— Хлоэ! Подойди к нам, пожалуйста. — окликает он ее, когда она вместе с двумя девушками гримерами выходит из одного из павильонов.

Русалочка успела переодеться в удобные джинсы и красную футболку с надписью «aprelez-moi», и теперь с милой улыбкой идет к нам.

Подойдя, она позволяет ему взять себя за талию и чмокнуть в губы. Ни в моей позе, ни в лице ничего не меняется. Я же, мать его, прекрасный актер. Все изменения происходят глубоко внутри. Зверь протяжно воет.

А французик радостно озвучивает ей мое предложение. И тут совершается чудо. Она поднимает на меня глаза, признавая факт моего жалкого существования и тихо спрашивает:

— Вы собираетесь пойти выпить вдвоем? — в ее глазах я отчетливо читаю все те страхи и вопросы, которые Хлоя задает без слов.

Нет, настолько мураком я себя еще не считаю, чтобы рассказывать этому слепому идиоту о нас, поэтому успокаивая ее, произношу:

— Да, просто посидим и поговорим о съемках и кино.

— Ты составишь нам компанию, Хлоэ? — улыбается француз.

— Я... очень устала. — идеально играет русалочка. — Поэтому лучше поеду сегодня пораньше домой.

Подарив ему поцелуй, а мне жалкое «пока», она уплывает. Как и все последующие разы...

А вот Keys становится ежедневным местом наших зависаний. Удобные кожаные диваны, деревянные столы, приглушенный свет, неназойливые официанты, привыкшие к частому визиту звездных гостей, и мой очередной гребанный план имеет очередной гребанный провал, потому что она не так и не приближается ко мне, а этот убогий француз

начинает мне нравится.

Надеясь при совместном общении уличить его во всех смертных грехах, а в придачу приписать несколько новых, по итогу я получаю чистый лист с появляющимися плюсиками, которые злобно стираю.

Не мог не признать, что его компания мне нравится. Определенно нравится.

Парень умен, с хорошим чувством юмора, с правильными и не затертыми для наших реалий понятиями о морали и с полным отсутствием сальных взглядов в сторону девиц, пытающихся от случая к случаю пофлиртовать с двумя актерами или, невинно хлопая глазками, взять у них автографы.

Ни разу за время наших вечерних посиделок в барах в глазах Антуана не вспыхнул огонь интереса к какой-нибудь девушке. А ведь я так этого хотел.

Загорался он только при разговорах о ней, которые он сам же и начинал.

Эти истории бьют меня больше всего, но именно их я каждый раз жду с особой жадностью. Вот и сейчас он восхищается ее игрой в их первом совместном фильме:

— Ты даже не представляешь, как она вжилась в образ! Она словно весь процесс съемок находилась в настоящей депрессии. — делая глоток пива, просвещает меня француз.

— Молодец. — криво улыбаюсь я.

— Как и ты. — хитро подмигивает Антуан.

— Не понял?

— Ты тоже полностью вживаешься в образ. Это все заметили! И Галахер не раз восторгался твоим, цитата «плотоядным взглядом», которым ты смотришь на героиню. Будто ты болен моей Хлоей очень давно. Специально не выходишь из образа, да?

— Ага, что-то типо того. — подзываю рукой официанта и прошу рассчитать нас.

— Хорошо, потому что, если бы это было действительно так, мне бы пришлось вызвать тебя на дуэль, друг, а мне бы очень этого не хотелось. — искренне смеется над своей шуткой парень.

И все становится вдруг еще хуже. Потому что я отчетливо осознаю, насколько успел за гребанную неделю к нему проникнуться. И насколько он намного более лучший вариант для нее, чем я.

— И еще, — неожиданно серьезно произносит он. — Мне известно, что про тебя писали какую-то хрень в газетах, но я ничему этому не верю и считаю тебя отличным человеком Райан.

Хлоя

Лежа на холодном асфальте под тяжелым телом Райана, я смотрю на свет одинокого фонаря, освещающего мерно падающий с неба искусственный снег. Мужские руки грубо и беспорядочно бродят по телу, заползая под юбку, а борода щекочет нежную кожу шеи. Мое тело испытывает совершенно не те эмоции, которые следует, и я это прекрасно понимаю, потому что в следующую секунду, требовательный голос Джона Галахера кричит:

— Стоп! — упрек невидимым самолетом ударяет прямиком в лоб, и наши глаза с режиссером встречаются.

Который по счету дубль я порчу? Десятый? Двадцатый?

— Хлоя, милая, изобрази чуть больше напряжения. Ты же можешь, я знаю.

Да, я могу. Мы с ним оба это знаем. Но не хочу. Не способная себя заставить. Сознание мучительно сопротивляется. Боится и отвергает. Чувствует насколько хорошо мне дастся эта сцена, если я перенесу себя на несколько лет в прошлое и представлю не прекрасное тело Райана, а вспомню совершенно другого человека. От одной подобной мысли хочется сжаться в комок, зажмуриться и крепко закрыть уши.

Эта сцена пугала меня задолго до сегодняшнего дня. Первый раз прочитав сценарий и добравшись до нее, мои колени сами собой плотнее прижались друг другу, в горле возник тошнотворный ком, а все, чего желали руки — сжечь сценарий и развеять прах по Сене.

Но Антуан так сильно хотел играть в этой картине, у самого Галахера.

И я успокоила себя. Убедила. Заставила поверить в собственную силу и умение вживаться в роль без пробуждения воспоминаний.

Я так долго закапывала ту ночь, снова и снова кидая лопаты земли.

Убеждая себя, что тоже в тот день этого хотела.

Убеждая себя, что сама во всем виновата, раз позволила себе столько выпить, ведь он просто наливал и повторял: «пей».

Убеждая себя, что кричала бы, если бы не хотела.

Потому что, когда убеждаешь себя, то так менее больнее.

Менее, чем думать, что друг, которого ты столько лет знала и которому доверяла сделал с тобой это.

Джон сообщает о десятиминутном перерыв, и тишина сразу наполняется звуками съемочной площадки. Райан встает первым и по-джентельменски протягивает мне руку, помогая подняться. Юбка платья, отрицая скромность, задралась и актер, опережая мои действия, одним слаженным жестом приводит наряд в должный вид.

— Все хорошо. — искренне улыбается он, пытаюсь утешить. — У каждого бывают неудачные сцены. Это нормально. — и многозначительно добавляет. — Или ты теряешь голову от моей близости?

Я вижу, что сейчас это даже не флирт, а попытка любым способом вызвать у меня улыбку. И у него это получается. Закатив глаза, отвечаю:

— Даже не мечтай. — и, отвернувшись, шагаю к Галахеру, что-то сумбурно обсуждающему с оператором.

Когда мы остаемся наедине, режиссер внимательно и цепко смотрит на меня. За время нашей совместной работы, мне уже не раз приходилось осознавать, почему его фильмы

врезаются в память, а актеры мечтают работать с ним.

Он всегда до мельчайших деталей знает какой именно должна быть картинка на выходе, и он как никто другой видит своих актеров насквозь, обладая особым даром рентгена. И находит к каждому свой уникальный путь для общения.

Меня смущает и беспокоит уверенность, что он поймет из моей просьбы больше, чем мне бы хотелось. Но решившись, я спокойно произношу:

— Если я выложусь на полную и блестяще отыграю после того, как закончится перерыв, мы можем остановиться и не переснимать больше дублей?

Морщинка меж его бровей становится глубже. Он молча делает глоток кофе из бумажного стаканчика, который держит в руке и произносит одно единственное:

— Можем.

Благодарно кивнув, собираюсь уходить, когда режиссер добавляет:

— Если тебе что-то понадобится, дай мне знать.

— Спасибо.

*

Когда позвоночник касается холодного асфальта, а мужчина придавливает меня своим телом, я начинаю кричать. Перед моими глазами вовсе не Райан. Это человек, теряющий мое доверие и пытающийся отобрать то, что я берегла не для него...

Если бы алкоголь не затмевал в ту ночь мой разум, именно эти крики услышал бы Брэндон и именно так отчаянно сопротивлялись бы мои руки и ноги, пока из глаз ручьями лились слезы... Но все было бесполезно.

Мое тело оказалось слишком слабым, не сумевшим отстоять свои девичьи мечты...

Райан

Ее крик, способный содрать кожу, все еще стоит у меня в ушах, пока я спешно моюсь в своем трейлере.

Что такого мог сказать ей Галахер, чтобы превратить игру в апатию, в которую она филигранно ступала из дубля в дубль, в настоящую, отчаянную борьбу, полную ужаса и слез без всяких стиков?

Хлоя справилась со сценой настолько блестяще, что я испугался, когда посмотрел на нее после прозвучавшего в воздухе долгожданного слова: «Снято!». Ее и так светлая кожа побелела еще сильнее, придав девушке сходство с живым призраком, а глаза лишь подтверждали полное безразличие к окружающему миру.

— Все в порядке? — уточнил я, помогая ей подняться.

Она не ответила, только легонько кивнула.

Джон остался доволен и съемки на сегодня объявили законченными. Русалочка зашагала к своему трейлеру, а меня не отпускало ее состояние, тонкой нитью притягивая идти вслед за ней. Как верный сумеречный пес, я проводил ее до трейлера и, удостоверившись, что она зашла внутрь, ушел к себе.

А что еще я мог сделать?

Выхожу из душа, наскоро вытираюсь полотенцем, натягиваю джинсы, валяющиеся около кресла и достаю из шкафа новую черную футболку с надписью «LA». Открываю холодильник, чтобы в очередной раз убедиться, что он пуст и принимаю решение заехать перекусить куда-нибудь по дороге. Взяв со стола ключи от машины, выхожу из трейлера.

Ночь уже успела объявить свои права и призвала миллионы огней города ангелов вступить в борьбу с ее тьмой. А невыносимая жара, наконец, утихла, но обещает явить себя завтра вновь, если прогноз моего телефона не врет.

Большая часть съемочной группы разъехалась, и на своем пути к парковке, я встречаю только девушку в смешном сиреневом платье. Это Эшли, гример. Я видел, как они часто болтают во время перерывов с русалочкой.

Пожелав ей хорошего вечера, все же не выдерживаю и как бы невзначай уточняю:

— Эшли, не знаешь, Хлоя уехала? А-то мы договорились сегодня кое-что обсудить по поводу съемок, но не успели.

— Не знаю. — задумавшись, отвечает девушка, поправляя розовую челку и кусая губу. — Не помню, чтобы видела, как она выходила из трейлера.

— Ясно. — улыбаюсь. — Спасибо.

Дохожу до машины и останавливаюсь.

Думаю.

Матерюсь.

Сажусь в машину.

Снова матерюсь.

Выхожу из салона и шагаю к трейлеру Хлои.

Сам не знаю, что делаю. Но не могу уехать. Не могу уехать, не увидев и не убедившись, что с ней все в порядке. Ее лицо и тот взгляд преследуют меня.

Скорее всего, она давно ушла, и сейчас закрытая дверь как следует расскажет мне о

собственном идиотизме. Но что-то ведет вперед мои непослушные ноги.

Наконец, добираюсь до ее трейлера. Поправляю волосы, и зачем-то бороду.

Стучу.

— Хлоя!

Тишина. Но свет горит.

— Хлоя? — пробую потянуть дверь на себя, и она поддается.

Не заперто. Неуверенно шагаю внутрь, но русалочки там не оказывается.

— Хлоя?

Меня настигает шум воды. Медленными и тихими шагами, как самый настоящий вор, двигаюсь на звук к небольшой душевой и дойдя, останавливаюсь как вкопанный. Совершенно голая русалочка, сжавшись, сидит на полу под струями воды.

— Хлоя? — говорю тихо, но она не реагирует.

И в эту минуту я все понимаю.

Мысли и флешбеки разговоров с ней и с Лизи складываются в картину, от которой хочется со всей силы врезать кулаком об стену и завывать. Найти гребаного мудака и нахрен отрезать его член с гнилыми яйцами.

Отбросив ненужные правила приличия, я шагаю внутрь и, выключив воду, снимаю с крючка большое белое полотенце. Аккуратно замотав в него русалочку, поднимаю девушку на руки.

— Райан. — тихо шепчет она, когда я опускаюсь на диван и сажаю ее к себе на колени.

Обвивает меня тонкими ручками и голос надтреснуто произносит:

— Я не хотела, знаешь... Я тогда совсем этого не хотела...

Хрупкие плечи подрагивают, а я крепче обнимаю ее, стараясь согреть. Меня сжигает изнутри ярость и осознание собственного ничтожества и беспомощности. Мысль, что я ничем не могу ей сейчас помочь уничтожает.

— Тихо, тихо. Все хорошо. Я с тобой. — она доверчиво прижимается, не сопротивляясь моим поцелуям, покрывающим мокрые волосы и лицо.

Не знаю, как долго мы сидим, крепко сжимая друг друга в объятиях.

Время перестает существовать. Как и пространство вокруг. Нет ничего. Только она, я и наша необходимость друг в друге.

Когда Хлоя прекращает дрожать, я решаюсь задать вопрос.

— Почему ты не рассказала мне тогда?

— Я боялась, что стану тебе противна. — полные страдания и боли глаза обращаются на меня. — Боялась, ты считаешь меня грязной и не захочешь больше никогда ко мне прикасаться...

Наклонившись к ее уху, ласково целую и шепчу:

— Я люблю тебя, Хлоя. И этого ничто никогда не изменит. Ты для меня самое чистое и совершенное создание на всем свете.

Она на секунду обращается в камень, а затем ее плечи снова начинают дрожать.

Наши губы встречаются и сливаются в нежном поцелуе, в котором она без слов отдается мне. Но стоит ему закончиться, как русалочка отодвигается:

— Спасибо, что побыл со мной сегодня. Но я встречаюсь с другим. Он очень хороший человек и не заслуживает подлости. Поэтому тебе лучше уйти, Райан.

Хлоя

Утром я просыпаюсь сама, без будильника, который предусмотрительно выключила еще вечером. Ехать сегодня на площадку нужно только к обеду, поэтому могу себе позволить поваляться в постели чуть дольше обычного.

Его слова вчера сумели прикоснуться к какой-то особой кнопке, запрятанной где-то глубоко внутри меня. Потому что первый раз за долгое время, стоя в душе, мне не хочется проходиться мочалкой по телу снова и снова. Одного раза оказывается вполне достаточно.

Я более не чувствую на себе постоянную, ничем не смываемую грязь, проникшую под кожу. Ее больше нет. И протерев рукой запотевшее овальное зеркало, встречаю в отражении довольную, улыбающуюся мне девушку.

Чистую.

Счастливую.

Правда, улыбка на моем лице гаснет, стоит возникнуть мысли, смывающей меня с верной дороги. Мысли о том, как сильно хочется снова увидеть его, прижаться всем телом. Вот так, голой, без какого-либо смущения. Зарыться руками в мягкие волосы. И в ответ получить прикосновения сильных рук, обжигающих тело даже самым слабым касанием. Мысль эта неправильная, предательская и скверная.

Я встречаюсь с другим.

С человеком, который был рядом в сложные минуты и который столько всего для меня сделал. И чем я плачу ему в ответ? Похотливыми фантазиями о другом? О том, с кем он ходит в бар и кого с недавних пор начал называть своим другом, приводя меня от этого в ужас. Нет. Нет, это чудовищно.

Антуан такого не заслуживает и никогда ничего не должен узнать. Я не могу его предать. Не могу. Не имею права. Иначе буду самым мерзким и подлым человеком на свете.

А ведь мы с Райаном уже два раза целовались ...

От одного мимолетного воспоминания по телу проносится жар. Закрыв глаза, представляю, как он стоит позади меня, как его мягкие губы скользят по шее, оставляя дорожку поцелуев. Сильные руки ложатся на живот и, нежно поглаживая кожу, поднимаются вверх. Обхватывают грудь, а пальцы игриво дразнят соски.

Низ живота наполняет сладкая истома и, открыв глаза, я сталкиваюсь в отражении с затвердевшими сосками и телом, раскалённым желанием.

Молодец, Хлоя. Почитав себе нотацию о морали, ты тут же шагнула в болото похоти. Просто браво, Райт.

Не желая и впредь играть в одиночное лицемерие, обматываюсь полотенцем, влезая ногами в мягкие серые тапочки и направляюсь на кухню. Вожделею встречу с ароматным кофе и пытаюсь вспомнить, что вкусного для завтрака найдётся в холодильнике. Можно приготовить омлет с сыром...

Стук в дверь оставляет меня без выбора. Немного удивившись, меняю направление движения.

Антуан? Не похоже на него. Он всегда предупреждает заранее.

Тогда, может, Сэм? Но тоже как-то сомнительно.

Райан...

Вот о ком, я не могла подумать. Но именно он стоит на пороге и внимательно смотрит на меня. В темных джинсах и темно-синем поло. В руках он держит три больших бумажных пакета. А глаза не спрятаны за черными стеклами очков и сейчас, как два океана прохлывают по моему, обмотанному в полотенце, телу, вызывая в нем мгновенные податливые волны и наполняя сознание ненормальной мыслью случайно сбросить с себя это ставшее лишним полотенце.

Кажется, сегодня я побью рекорды предательских мыслей и сгорю в праведном огне, когда, наконец, моя совесть возьмёт вверх.

— Привет. — бархатным голосом, усугубляющим мой полный утренний неадекват произносит мой гость.

И для полноты образа добавляет улыбку, заставляющую миллионы женщин немедленно таять. Нервно сглотнув, скрещиваю руки на груди, надеясь, что ответные приветствия моего порочного тела он не заметит.

— Извини, что так рано и без предупреждения тебя побеспокоил. Просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь и заодно привез тебе круасанов и разных булочек. Антуан как-то говорил, ты их очень любишь. — он немного виновато морщится при упоминании третьего действующего лица и протягивает мне бумажные пакеты, которые оказываются довольно тяжелыми. — И у меня есть для тебя еще один сюрприз... — его улыбка снова начинает затмевать мое сознание.

Но вместо обычных слов приветствия или благодарности, мой рот выпускает на свободу мучившие горло, вопросы:

— Почему за эти два года ты ни разу не появился? Почему не связался? Не пытался позвонить или встретиться... — слова вылетают сами, не давая времени их обдумать. — Почему так просто отпустил, если то, что ты вчера сказал правда и ты меня ... — но договорить так и не получается.

— Правда. — врзается в меня наполненный свинцом ответ Райана, облачая его в маску напряжения.

В эту минуту откуда-то слева слышатся быстрые шаги и с криком:

— Сюрприиииииз! — появляется моя любимая блондинка.

Она в светлых джинсовых шортах и синей рубашке, на ногах лимитированные nike air force, а в ушах сверкающие бриллиантовые серьги-капли. Озорная улыбка, способная осветить любую темную дорожку и руки готовые заключить в крепкие объятия.

— Терять сознание от счастья не стоит, но вот искренним объятиям быть!

— Лизи! — издаю радостный вопль и кидаюсь ей на шею, стараясь не убить случайно пакетами. — Ты же говорила, что у тебя не получается приехать? Я бы тебя встретила!

— Иначе не было бы сюрпризом. Меня встретил мой звездный водитель. — указывает на брата. — Правда я сразу отработала свой проезд, отгородив пострадавшего от назойливой фанатки, готовой на все ради прикосновения к его цветочку. — гордо заявляет она и тут же получает гневное:

— Элизабет!

— Чего ты завелся? Сам же вопил, как недотрога, что тебя почти полапали там прилюдно. — не унимается Лизи, многозначительно тыкая на его ширинку, а затем обращается ко мне. — А ты нас непустишь внутрь, Хлоя-моня?

— Ой, конечно! Заходите! — только сейчас понимаю, что мы все это время стоим в коридоре.

— Какая милая квартира! — восклицает Лизи, осмотрев все мое жилье за пару минут.

По сути, квартира самая обычная. Довольно небольшая и выполненная в скандинавском стиле, с одной спальней и уютной просторной кухней.

— Я, наверное, поеду. — неуверенно произносит Райан, который, в отличие от своей сестры, не спешит плюхнуться на плюшевый серый диван в гостиной.

— Посиди хоть немного с нами, а потом поедешь. Ты же наверняка ничего с утра не ел. А если Хлоя поделится с нами всем тем, что ты для нее купил, то мы все сможем нормально позавтракать. — она говорит быстро и уверенно, не давая ему и шанса вставить слово.

Он нерешительно поворачивается ко мне, и я считываю все его сомнения по одному только взгляду.

— Конечно, оставайся. — заверяю радушно.

Не выгонять же его и не требовать в присутствии Лизи немедленно ответить на вопросы.

— Сейчас я быстро оденусь и все вместе позавтракаем.

— Как в старые добрые времена! — восклицает подруга. — И, кстати, можешь не переодеваться и ходить в этом белом полотенце и дальше, — хитро подмигивает мне.

Кажется, мы вдвоем с Райаном готовы ее немного придушить.

— Чего вы так на меня уставились? Ты прямо на русалочку в нем похожа. Которая только вышла из пены морской. — сравнение не ускользает от нас обоих.

Райан, предлагая помощь, забирает пакеты и относит их на кухню, а я спешно удаляюсь в спальню переодеться.

Закрывшись, успокаиваю себя и уговариваю сердцебиение вести себя здраво. В том, что мы позавтракаем втроем нет ничего предосудительного. И потом я же не в самом деле буду ходить перед ним в полотенце.

А ведь он так смотрел.

Все это время, я кожей ощущала прикосновения его взгляда.

Одеваться, как на светский прием, нет смысла, поэтому надеваю бежевый шелковый комплект белья от Victoria's secret, а сверху хлопковые синие шорты и белую майку с нарисованным на ней Стичем, с радушной надписью «Hugs!». Собственно, в таком виде я обычно и хожу по дому.

Вдох.

Выдох.

И моя лучшая походка и я выходим из комнаты и идем на кухню.

Вселенная, ну зачем он так смотрит. Но сладкая пытка длится всего миг, потому что в следующую секунду он снова улыбается сестре, с которой о чем-то беседует.

Видимо, путь мой действительно указывает на огненный вертел — огорчение слишком явно бьет в груди от мысли, как мало задержались на моих ногах глаза Райана.

Надо думать, о еде, — убеждаю себя на кухне и открываю крафтовые пакеты. Лизи права, нам троим этого хватит сполна. И не только на завтрак. Круасаны, различная выпечка с кремом, печенья, сэндвичи, слойки, пончики, капкейки. Сложно так сразу понять, чем он руководствовался при выборе...

— Думаю, он решил скупить пару магазинов. — читает мои мысли подруга, практически проталкивая своего брата на кухню. — Если бы не эти остановки у нескольких кондитерских, мы бы приехали к тебе намного раньше.

— Элизабет! — желваки на скулах Райана идут в пляс.

— И главное не разрешил мне по пути ничего попробовать, представляешь? Жадина. — они усаживаются за столом, и девушка с аппетитом тянется к малиновой слойке.

Телефон Райана звонит, и он уходит из кухни обратно в комнату. Проводив его взглядом, подруга поворачивается ко мне:

— Ты же не против, если я у тебя останусь?

— Конечно, нет! Я же сама тебе предлагала остаться у меня, если приедешь.

— Помню, поэтому и уговорила его взять меня сразу к тебе. А-то он собирался отвезти меня к себе и только потом заехать к тебе, представляешь? — она с аппетитом жует и смотрит на меня любопытными глазами, словно пытается узнать начинку. Молчание быстро перестает быть ей интересным, и она тише добавляет. — И часто он к тебе по утрам заезжает с провизией?

— Да это первый раз! — возмущенно отвечаю, поперхнувшись чаем.

— Ах, это ваш первый раз! Так вот почему ты вышла к нему в полотенце...

— Лизи!

— Девушки, — в дверях появляется Райан. — Мне нужно будет уехать, извините не смогу остаться.

— Нам больше достанется. — пожимает плечами его сестра. — Только не забудь занести мой маленький чемодан.

Когда дверь за ним закрывается, подруга радостно восклицает:

— Ура, он перестал быть Волан де мортам!

— Что? — кусаю круассан.

Вкус, конечно, не сравнится с теми, которые делают во Франции, но тоже неплохо.

— Райан был тем, о ком нельзя говорить. А сейчас можно! Ой, даже не отрицай, по твоему лицу все вижу! И ты мне все расскажешь, — азартно блеснув глазами, произносит подруга. — Иначе я отберу у тебя всю эту еду. — бессердечно грозит она.

Райан

— Вот дерьмо. — произнёс Сэм Тойлон, когда мы первый раз столкнулись с ним на съёмочной площадке.

Он нервно обвел глазами павильон и только после того, как убедился в отсутствии своей подопечной в зоне видимости, протянул мне руку для приветствия.

— Тоже рад видеть. — усмехнулся я в ответ.

Мне уже давно нечего было терять, а вот агент русалочки боялся, и страх отчетливо читался в его глазах. Значит, правильно я думал — он ничего не рассказал ей о наших встречах.

И почему это меня расстраивает, разве не я сам его об этом просил? Я.

— Пошёл в жопу! — а это его первая фраза при нашем знакомстве в Париже. — Я тебя к своей девочке и близко не подпущу! — напоминая разъярённого медведя, защищающего своего детеныша, грозно говорил здоровяк. — А если попробуешь выкинуть что-нибудь, натравлю на тебя лягушачью полицию, сказав, что пытался лезть к моей широкой заднице!

— Но я...

— Вали я сказал! Она тебя больше не желает видеть, понял?

В первый мой приезд город любви встретил меня серостью и дождем. И холодом, умножающим глухое одиночество. Не понимаю тех, кто обожает это мрачное место. Я точно не в их числе. Для меня Париж стал главным разлучником, забравшим и спрятавшим от меня русалочку.

Подобраться к актеру во время плотного графика съёмок сложно, а при наличии такого опекуна, как Тойлон, коршуном охраняющего своих подопечных...

— Почти невозможно. — вынесла вердикт Хелен, сделав большой поток вина за столиком нового модного ресторана Sunset, куда ей удалось затащить меня руганью и старыми клятвами. — Если только ты его там не пристрелишь. Я понимаю, что ты влюблён, мой мальчик, но, надеюсь, не настолько не в себе.

— Не настолько. — подавленно подтвердил я.

— Очаруй его. Твоей харизме поддаются все, независимо от пола и возраста. — она кинула многозначительный взгляд на соседний столик и ехидно добавила. — Вон та женщина, кажется, забыла, что пришла сюда с мужем и ребенком и все время смотрит на тебя, как на луч надежды.

Аура недружелюбного города-разлучника очевидно сбила мою харизму, открывая Тойлону истинную и паршивую натуру Райана Лива, отчего первые два раза моего приезда я был словесно отправлен им в самые сказочные направления.

Мне оставалось только урывками наблюдать ее игру, спрятавшись в толпе зевак или скрывшись под крышами какого-нибудь кафе.

На третий раз погода смилостивилась, подарив лучи хоть и не теплого, но все же солнца. Она перестала неисправно засорять эфир, и какая-то искра, в которую я уже сам давно перестал верить, наблюдая в зеркале лишь убогое подобие себя, попала на старика. Разжалобила его послать меня в новое путешествие только после короткой встречи в баре.

Интерес к моей пламенной речи был демонстративно показан мне сразу же в довольно бесцеремонной форме.

Стоило нам сесть за небольшой столик, а мне попытаться открыть рот, как Тойлон достал книгу, которую всю дорогу нёс подмышкой, раскрыл ее и, сосредоточенно сдвинув брови, начал читать.

Увесистый, толстый и потёртый томик «Источника» Айн Рэнд. Уставившись на каменного человека, изображённого на красной обложке, я закрыл рот обратно и стал ждать.

Через минуту Сэм недовольно буркнул:

— Ты пришёл помолчать? Клялся же, что нам надо встретиться? Или захотел поесть за мой счёт? Времени у меня мало, поэтому если это все, тогда я лучше встану и пойду. — и досадливо перелистнул страницу.

Тогда-то я начал говорить. Но совершенно не то, что собирался. Не то, что готовился сказать все те часы, которые летел в этот недружелюбный город, прорабатывая интонацию каждого слова.

Заготовленный сценарий слетел с меня, словно старая кожа, давая выход откровенной и чистосердечной исповеди. Нельзя было юлить или выкручиваться — я это понимал. Поэтому рассказал все, как есть.

Только вместо священника передо мной сидел Сэм Тойлон, уткнувшийся в «Источник». Говорил я дольше десяти минут, которые он щедро выделил. Но мужчина ни разу не стал меня останавливать, лишь добавлял временами меткие тихие ругательства в некоторые части истории. Когда последнее слово вылетело изо рта, я замолчал и почувствовал себя полностью опустошенным.

Он не простил мои грехи, только небрежно подтолкнул стакан с водой и кинул сухое:
— Пей.

Повинуясь, я взял стакан в руку и выпил всё до капли. И тогда он, наконец, закрыл свою книгу и хмуро посмотрел на меня:

— Ты редкостный кретин, раз не поверил Бэмби. Но я такой же идиот, когда ревную. Поэтому поступим так...

Как я понял, русалочка превосходно вжилась в роль своего персонажа, и Сэм боялся, как бы наша встреча не помешала игре его подопечной.

Первая роль, к тому же главная, требует определённой концентрации. А наводить в девушке смуту из-за оказавшегося придурком бойфренда, агент не хотел. Однако через три месяца все самые напряженные моменты должны были быть отсняты, и он не видел причин снова гнать меня в шею, обещая организовать нам с ней встречу.

Возможно, мое согласие не высовываться показывало новые грани идиотизма, но на тот момент я считал, что поступаю правильно. Не эгоистично. Не отвлекаю ее от съёмок. А для себя договорился приезжать раз в месяц и наблюдать за ней со стороны.

Мы не виделись с Хлоей уже три месяца, и оставшиеся три шли долго. Но не мучительно. Ведь я грел себя мыслью о предстоящей встрече. Столько слов копилось в голове. Написать или позвонить, сказав простое «извини» означало бы многоуровневую и трусливую Хрень.

Высказал женщине тонну необоснованного дерьма — будь добр, подтяни яйца и явись лично.

Конечно, словами нельзя ничего исправить, но я готов был сделать все, чего она захочет.

За пару дней до моего прилета, Тойлон обещал лично организовать нашу с русалочкой встречу. Но по итогу его планы изменились. Он укатил куда-то на виллу режиссера, оставив

мне координаты бара, в котором вечером съемочная площадка собиралась что-то там праздновать.

Найти нужный бар не составило труда. Признаться, я был рад, что старика не будет рядом и ждал, прислонившись к стене соседнего здания, откуда открывался обзор на черный вход. Что-то подсказывало мне, она выйдет оттуда.

Подняв воротник куртки, зевнул в предвкушении встречи, заодно оценивая поглядывая на здание. Единственное понятное слово в названии давало отсылку на африканские мотивы, к которым я относился индифферентно, но память решила напомнить об убийствах куду, детально прорисовав в голове описания Хэмингуя. И какое-то неприятное предчувствием кольнуло внутри. Мотнув головой, вновь посмотрел на дверь, которая в ту же минуту открылась, выпуская сначала француза, ее партнера по фильму, а затем и ту, ради кого, я несколько часов изображал неподвижное изваяние.

Первое что неприятно покорило — они держались за руки. Затем все стало еще хуже. Я не успел сделать и шага, не успел выйти из тени и показать себя, когда парочка начала целоваться.

Глаза наполнились кровью, а внутренности захлестнула холодная колкая пустота. Я мог бы убить этого парня в ту минуту или пристрелить, но вместо этого просто стоял, слившись со стеной. Потеряв способность дышать, потому что она отвечала ему, и пули раз за разом попадали не в него, а в меня. Не было ни одного жеста, о котором я безмолвно молил Хлою. Ни одного крохотного жеста, свидетельствующего, что ей неприятны его прикосновения. Ни одного.

Пожелав им про себя счастья, я развернулся и пошел прочь.

Хемингуэй жалел подстреленных, но не убитых им куду, ведь они не могли найти успокоения сразу же, брошенные на мучения.

И в тот день я стал одним из этих куду.

Хлоя

— Я виноват перед тобой, олененок. — расстроено говорит Сэм, сминая «Гроздь гнева» в больших руках. — Должен был давно тебе рассказать, но никак не мог себя заставить. Ты выглядела, как привидение, а статьи про его грубое поведение с женщинами успели замелькать перед моими глазами. Недолго думая, я сложил один плюс и один, сделал сносный, как полагал, вывод, что говнюк и тебя довел до ручки. И послал его. Но поганец оказался упрямым малым. Это у вас семейное, маркиза. — тут он, усмехнувшись, поворачивается на Лизи, вышагивающую за его спиной стражей порядка.

Именно она командным голосом велела моему агенту немедленно приехать, до этого вытянув из меня все пристойные и не очень подробности моего общения с ее братом на съемках.

— Я понял свою ошибку. Но только после беседы с Райаном в кафе. Надеюсь, ты простишь старика Сэма и не погонишь в шею.

В голове грохочет поезд, сбивая все остальные мысли.

Он приезжал! Приезжал! И не один раз! Приезжал за мной!

Я настолько счастлива, что не знаю способна ли в данную минуту на кого-то сердиться, поэтому вместо гневной тирады, которую, судя по нервному выражению лица, ожидает мой агент, кидаюсь на него с объятиями. И тут же получаю недовольное ворчание подруги:

— Эй, почему всегда я все разруливаю, а лавры другим достаются? — она по-свойски устраивается с нами, самодовольно продолжая. — А я давно тебе, Сэм, говорила рассказать, а ты все: «Не знаю. Не уверен. Не тот момент. Жду знака от своих книг»

— Вы что, общаетесь? — спрашиваю, когда мы разъединяем наше душевное объятие.

— Конечно. — ухмыляется моя любимая блондинка, проводя серебристым ногтем по гладкой коже щеки.

— Мы не общаемся. — обиженно бурчит Тойлон. — Она заставляет.

Тон его голоса вынуждает нас с Лизи переглянуться и залиться дружным смехом.

*

Дорогой мы обе молчим, уставившись каждая в свое окно. Мысль о том, как две влюбленные женщины чуть намеренно не сломали жизнь объекту собственной страсти, не дает покоя.

Что такого должен был бы сделать мне Райан, чтобы у меня возникло желание так низко и подло поступить с ним?

Да, мне несомненно было бы больно, пожелай он связать свою жизнь с другой, но разве это дает право пытаться разрушить его жизнь и карьеру, сравнив годы труда с грязью? Разве настоящая любовь не заключается в том, чтобы отдавать? Не брать, а именно отдавать, не прося ничего взамен.

А сила личности в умении отпустить любимого, несмотря на сковывающую до одури боль.

Отпустить, если тебя уже нет в сердце возлюбленного.

Отпустить, если ты уверен, что именно так для него будет лучше.

Но Зоуи Томпсон и Мирабелла Джонс считали иначе. Никаких прямых доказательств у Лизи не было, кроме признания какого-то стажера в CinemaNews, первой выпустившей

статью. Однако подруга умела слаженно соединять детали и с уверенностью прописывала сценарий действия двух женщин, объединенных одним общим отказом.

Джордж в свою очередь рассказал Лизи о темнокожем парне, попросившем сфотографироваться со мной после выступления в Нью-Йорке и его неожиданном поцелуе. Это было ужасно. Я только и сделала, что застыла от шока, пораженная нахальным прикосновением чужих губ к себе. Первым пришел в себя Шептон. Он отдернул от меня наглого поклонника и дал тому в челюсть, но сделать снимки поцелуя журналисты все же успели.

— Две тупые суки, — закончила рассказ Лизи. — Но жизнь бумеранг и каждый в итоге получает по заслугам. Поверь мне.

— Погоди-ка, Джонс вроде убрали из сериала, разве нет? Не ты ли у нас рука, вершащая правосудия?

— Париж хорошо на тебя повлиял. — одобрительно усмехнулись мне в ответ. — Райан вообще ничего не заподозрил. А девушкам я открыла путь в новые взрослые направления киноиндустрии. Пусть теперь на пару осваивают съемки с нефритовыми жезлами.

— Лизи...

— Ты же не думала, что я смогу закрыть глаза на тварей, которые превратили жизнь моего брата в кошмар, подставив к тому же мою лучшую подругу? Ты бы слышала, что именно какие-то дуры кричали Райану на улице, случайно узнав его. А он стойко переносил эту грязь и улыбался. Насколько тупоголовыми надо быть, чтобы замутить такое просто потому что тебя отказались трахнуть? Да трахни себя сама! До сих пор бесит!

— Но неужели ничего нельзя было сделать для опровержения? Как-то написать другую статью или...

— Человечество любит обжираться чужими сплетнями. Особенно, если в них есть грязь, на фоне которой люди могут щеголять моральными принципами и ощущать себя на ступени выше. Очистить белое пальто, заляпанное чужим говном не просто и любая новая статья может только ухудшить ситуацию. Проще снять его с себя и выкинуть, но для этого нужна еще более сенсационная новость. Я предлагала брату ввести третье лицо. Девушку, которая бы выдала себя, например, за поклонницу, обезумевшую от любви и сфабриковавшую все это. Но он отказался и мне запретил что-либо предпринимать. — кусая губу, она с грустью посмотрела на меня. — Честно говоря, я думаю, что он был на себя так сильно зол из-за случившегося с тобой, потому считал и считает это своим заслуженным наказанием.

Райан

— Зуб даю, у них ночью был охрененный секс. — без пригласительного билета вторгается в мой личный кинозал Розы, обнажая зубы в фарфоровой улыбке.

Идет съемка розово-сопливой сцены любви героев Елены и Нила, за которой я наблюдаю, устроившись в остатках декорации вестерна. Сажусь на крыльце кабака в деревянном кресле, играя зубочисткой во рту и, решив для себя пойти путем милосердия и не подстреливать француза.

Это место я выбрал намеренно. Хотя оно далеко от нашей съемочной площадки, но вид, как на ладони. Плюс все билеты заблаговременно выкуплены мной. Я щедро поделился лишь одним из них со своим очаровательным союзником, которым является не Шнайдер, появившаяся рядом в коротких джинсовых шортах, оголяющих половину ягодич, и ярком топе, куском ткани покрывающем грудь. Но винить ее в недостатке одежды нельзя, жара сегодня плавит металл.

Кидаю девушке нейтральную улыбку и возвращаюсь глазами к Хлое и Антуану. До завершения съемок остается всего пара недель, и должен признать вначале Розы нравилась мне намного больше. Она держалась мило и застенчиво, а затем в нее вживили новый код, и девушка объявила неожиданный поход завоевателя, перейдя в решительное наступление.

И как я пропустил изменения ее температурного режима? Ведь ничем не подогревал, оставаясь вежливым и прохладным шлангом.

Мою шею сзади обвивают две загорелые ручки и мягкий запах парфюма сестры щекочет нос. Вот и обладатель второго билета. Чертовка трется волосами о мою щеку и мурлычет:

— Я так по тебе соскучилась. — спектакль по выставлению вон безбилетного зрителя начинается.

Сцена первая.

Чмокаю сестру в руку и улыбаюсь:

— И я, красавица.

Лицо застывшей рядом актрисы, которой за эти пару дней так и не успели представить мою сестру в качестве сестры, принимает оценивающий вид. Элизабет мастерски подталкивает ее к неверным мыслям, нежно поглаживая мою бороду. В другой раз я бы щелкнул мелкую по пальцам, но сейчас принимаю довольное выражение лица и продолжаю смотреть на русалочку. А та слишком хорошо отыгрывает роль влюбленной в героя Антуаном.

Второй сцены для успешного выселения незваной гостии не требуется, она молча сдается и покидает зал.

— Она в ближайшее время потеряет свои зубы. — шепчет в ухо совращающим чертенком сестра, стоит Розы отойти. — У них точно больше недели не было секса.

— Бесполезная для меня информация. — мой голос реагирует ровно, несмотря на тупую вспышку радости, возникающую в груди.

— Да? Это потому ты сейчас пожираешь ее взглядом? Постеснялся бы так смотреть, почти статья.

— У меня роль неизлечимо-влюбленного, — аккуратно убираю с себя ее руки. — Вот я и не выхожу из образа.

— Аааа, — хитро тянет мелкая в льняном сарафане, хлопая ресницами, и усаживается рядом со мной на стул. — Очень удобно. Очень.

— Я уже все для себя решил, Элизабет. Не начинай. Пожалуйста.

— Ты снова решил сдать на пол пути?

— Не сдать. У меня было время обдумать, как для нее будет лучше.

— Ты уже однажды подумал, забыл? — маленький острый ноготок впивается в мое плечо.

Повернув голову, встречаюсь с двумя свирепыми голубыми глазами, устремленными на меня.

— Хотя с другой стороны, может ты и прав. — скрестив воинственно руки, продолжает мелочь. — Я вот очень рада, что я твоя сестрой. Иначе заработала бы нервный тик или пожизненное, постоянно отгоняя от тебя похотливых шлюшек. У тебя что там, медом помазано что ли?

— Я просто слишком хорош собой. У меня не только там, Элизабет, все мое тело — редчайший мед. — самодовольно произношу я, и мелкая прыскает, закрыв рот руками.

Затем кладет голову мне на плечо, и мы превращаемся в молчаливых зрителей.

*

С приездом сестры Хлою будто подменили. Ей словно подарили крылья, на которых она парит и сводит с ума коллег на съемочной площадке. На нее и до этого многие поглядывали, но раньше она всегда держалась мило и отстраненно, а сейчас обрела способность лучиться светом, ослепляя несчастных мужчин вокруг себя. В первых рядах которых сижу я и не желаю надевать очки.

Готов навечно ослепнуть, только бы не пропустить очередную порцию теплого и ласкового огня. А она упивается своей властью, совершенно этого не замечая. Не знаю, как держится бедный Антуан, но она ходит на тонкой грани милого флирта со всеми, оставляя представителей сильного пола обескураженными и обожженными мыслью о невозможности продолжения.

Хотя нет, Антуан держится прекрасно.

Например, вчера, она смущала бедного Тома, отвечающего за свет, искренними восклицаниями о том, как классно сидит на нем футболка и какая интересная татуировка выбита на руке.

Мы втроем шли к своим трейлерам, а навстречу нам вышагивал улыбающийся парнишка, не представляющий какому вниманию дивы вскоре подвергнется. Француз, поддерживающий актрису за талию, непритворно наслаждался сценой, являя собой образец здорового партнера, а все, на что был способен я — мысленно оторвать Тому руку и сжечь к херам футболку.

Когда красный Том, сумел выпутаться из чарующих пут дивы, Антуан искренне расхохотался.

— Хлоэ, я должен найти твой скрытый афродизиак, иначе ты уничтожишь здесь всех мужчин.

— Какой еще афродизиак? — непонимающе подняла на него глаза девушка, и усмехнувшись, француз обратился ко мне:

— Думаешь, хорошо, что она не понимает того, что делает?

— Не знаю. — мне хотелось покинуть парочку как можно скорее. — Но я восхищаюсь твоей выдержкой.

А сейчас я сижу здесь и упиваюсь ее звонким смехом. Таким залившимся и веселым. Наполняющим пространство негой и умиротворением. Героиня Хлои, Елена, говорит своему возлюбленному, Нилу, как сильно любит его, пока этот малодушный кружит ее в объятиях. И, к сожалению, я не настолько слеп, чтобы не видеть насколько искренна и уверена она в своих словах, обращенных к нему... к Антуану.

Совсем скоро фильм будет снят и моя пытка закончится.

Но, блядь, как же я этого не хочу.

— Шикарный для нее вариант, — хмыкнула как-то Хелен в честном порыве, на секунду забыв сбережь мои оголенные чувства. — Они оба на пике славы, публика их обожает, и вместе эти голубки... Ой, — запнулась она, поймав мою усмешку. — Красавчик мой, я вовсе не имела в виду...

— Все нормально. — сказал я, подзывая рукой официанта. — Я с тобой полностью согласен.

Да, несколько месяцев назад я решил вернуть Хлою, посчитав эти съемки своим шансом. Но, если она для меня шанс на спасение моей порочной натуры, то что для нее я?

Лестница прямым вниз?

Золотая малина вместо Оскара?

Нестабильный извращенец в глазах окружающих, переманивший милую деву у славного наивного молочника во время съемки?

«Но ведь ее тело отвечало на поцелуй — обиженно парировал член».

Верно. Но я, мать его, могу многих заставить отвечать мне своим телом, будь они хоть трижды одеты, как узаконенные пуритане. А она не пошла дальше, сразу возведя между нами образ своего француза.

И тогда в трейлере тянулась ко мне лишь потому, что ей было плохо.

Как-то вечером, сидя на веранде в доме Гарсиа, я в очередной раз пролистывал сценарий, когда, заговорщически улыбаясь, ко мне вышла бабушка. Бесшумно достала добычу, спрятанную в фартуке и, хитро подмигнув, разложила ее перед нами на стол. Для меня нашлась бутылочка минералки, для нее — стакан и бутылка вина, которую ее дочь день ото дня негласно прятала от матери.

— Беатрис это не понравится. — улыбнулся я, но женщина только махнула рукой, показывая, чтобы налил ей.

— Знаю какая мысль тебя мучает. — сделал глоток, произнесла Джимена Гарсиа. — Думаешь о том, как вернуть любимую. Тебе же без нее плохо. Надеешься, борода скроет от окружающих твою печаль? Не скроет, Райан. — покачала она головой, уверяя меня в глупости. — Мы люди, эгоисты. Всегда хотим только себе себе себе. Для себя. Но если любовь настоящая, она этого не потерпит. Она не терпит, чтобы ты растворился в другом человеке, как в воде, как делают эти мерзкие таблетки, которыми меня пичкает Беатрис. Тебя выпьют и забудут. Но и эгоизма она тоже не терпит. Однако ты у меня совсем не такой, мой мальчик. Что бы кто не говорил, ты далеко не эгоист и ты намного лучше, чем сам о себе думаешь. Не усмехайся, мне старой женщине виднее. — строго говорила бабушка. — И я знаю, ты обязательно поступишь правильно.

— Люблю тебя, Нил. — радостно произносит Елена, обвивая руками шею счастливого.

Довольный голос Галахера кричит «снято!»

Все, чего я хочу, Хлоя, это чтобы ты была счастлива.

Хлоя

Антуан подносит очередную сигарету к губам и через секунду выпускает причудливые кольца дыма, стремящиеся навстречу воздуху, одновременно отравляя его и растворяясь в нем.

Мой внутренний режиссер любит этот кадр. Квартира причудливо и необычно для Лос-Анджелеса наполнена французским шиком. Высокие потолки, открытые двери балкона, выходящего на океан, темно-зеленый ковер под ногами, диван и одинокий мужчина, устремивший взгляд на темную гладь воды вдали.

Сегодня он курит больше обычного, его плечи напряжены и пальцы не столь плавно-расслаблены, какими я чаще привыкла их видеть.

Мне хочется подойти к нему, дотронуться руками до темного леса жестких волос, улыбнуться и спросить, все ли в порядке, но я не смею. Внутреннее предчувствие шепчет, что мое появление разрушит красоту кадра и внесет смуту в мысли мужчины, из которых он составляет только ему понятное в данный миг полотно.

Вчера был последний день съемок, а послезавтра мы вылетаем обратно в волшебный город Париж.

В моем сердце плещется грусть, но я сумею загнать ее на самое дно и запереть за тысячей замков. Обязательно.

Возможно, прозвучит дико и странно, но знание о неоднократных приездах Райана в Париж и те слова любви из его уст, ласкающие слух, изменили меня. Воспоминание об этом каждый раз заставляет сердце бешено стучать, а тело покрывает мурашками. Этого оказалось достаточно, чтобы туго сцепившие меня железные веревки горечи пали, и я ощутила невиданное ранее чувство легкости и счастья. Личного, внутреннего, осознающего невозможность взаимности, но все же прекрасного.

Да, мы не вместе, но ведь ничего страшного в этом нет, — убеждаю себя я.

Взгляд падает на высокую вазу, величественно возвышающуюся в центре журнального столика и демонстрирующую обилие пышных цветов. В надежде вернуть себе беззаботность и запрятать поглубже предательские мысли о другом, встаю и направляюсь к цветам. Начинаю их перебирать, воображая себя флористом, напевающим себе под нос наш недавний с Лизи новый хит.

И стоит мне продвинуться на пару легковесных шагов, как голос Антуана, всегда теплый и веселый, задает ледяной вопрос, который вонзается в тело колким укором:

— Ты любишь его?

Шип розы больно впивается в палец. Вся легкость, шелестя платьем, моментально выскальзывает в открытый балкон, наполняя комнату тучным и тяжелым напряжением наших мыслей. Тишина гнется и звенит, не выдерживая веса.

Мы оба прекрасно понимаем, что мне не надо переспрашивать, кого он имеет в виду. Это настолько очевидно и больно. И в первую очередь становится невыносимо больно за Антуана. Замерев, я перестаю дышать. Всецело и пронзительно ощущаю всю свою ничтожность. Ничтожность и лживость.

Кидаюсь к Антуану и, смиренно приземляясь возле его колен, поднимаю на него глаза.

Небо, я не хочу ему врать. Не могу. Умоляю. Но и правду не могу произнести вслух. Она

не принесет ничего, кроме боли. Причем, нам обоим.

Правильнее, наверное, было бы сыграть, но ведь это не сцена в фильме, и на меня не направлена камера, ожидающая крика: «Мотор!». Это жизнь, в которой я больше всего ценю честность. Поэтому не сдерживаю появившиеся в уголках глаз слезы и тихо произношу:

— Я люблю тебя.

Он смотрит на меня пару долгих минут, пытаюсь залезть вглубь меня, найти что-то неподвластное мне самой. И мне неизвестно, как ему помочь.

Его брови сдвигаются, горькая усмешка скользит по губам, и, будто причиняя боль самому себе, он повторяет:

— Но не так... Не так... — и прежде чем я успеваю ответить, Антуан тянется к моей руке и, видя кровь, с нежностью говорит. — Ты поранилась, Хлоэ.

Райан

Три месяца спустя.

Она уехала, а я оказался не таким мазохистом, чтобы заставить себя поехать в аэропорт провожать сладкую парочку.

С того дня прошло три месяца, и меня начали чаще звать на кастинги. «Калифорнийская Мечта» даже увеличила эфирное время моей бородатой рожи, но все же теперь мне еще хреннее без нее, чем было раньше.

Только я стараюсь не унывать и заваливаю себя работой. Устаю почти до отключки и не нахожу времени на трах, на который совсем не тянет. Не хочу пытаться, как в прошлый раз, обманывать свой член, призывая стояк картинками стонущей в голове русалочки.

Основательно растерев себя мочалкой и с недоверием использовав средство для душа в серебристой упаковке с выгравированными на ней иероглифами, привезенное мне сестрой, выхожу из ванной, ощущая себя обласканным всеми видами цитрусовых.

Должен признать, нескончаемый поток лестных отзывов о корейском средстве не связан с помешательством сестры на корейцах, кожа действительно приятна на ощупь. Видимо, тоска по Хлое негативно сказывается на мозге, раз я начинаю заботиться о гладкости кожи рук.

Обмотавшись полотенцем, шагаю босыми ногами на кухню, когда телефон начинает визгливо требовать обратить на него внимание, выкрикивая рингтон, который вызывает скрежет зубов. Надо поставить себе очередное напоминание — прибить мелкую при следующей встрече.

Да заткнись уже, я иду. Просил же ее не ставить на звонок эту писклявую хрень.

— Да! — рявкаю, взяв трубку в руки и проведя пальцем по зеленой кнопке.

— Привет! Что делаешь? А чего такой злой? Я не отвлекаю? — вываливается на меня поток вопросов Элизабет. И последний, вишенкой на торте, настороженно уточняет. — Ты там один?

— Да я только из душа, мелкая! И этот твой рингтон меня бесит!

— Ты возмущаешься при каждом моем звонке. — невинно звучит ответ. — Давно бы сменил мелодию, братик. Или уже настолько стар, что не умеешь? — и она права.

Но не в том, что я уже порядком стар. А в том, что последнее время по странности звонит мне слишком часто и каждый раз спрашивает: один ли я.

Или, прибавляя больше очков своей природной наглости, как сейчас поясняет:

— Никого там не трахаешь?

Не знаю, с чем связана какая-то нездоровая озабоченность сестры вопросом моей сексуальной жизни, но еще немного и я начну подозревать корейцев.

— Элизабет! Хватит!

— Райан, просто доверься мне. Если кого-то трахаешь, выгони ее или их, сколько их там, не важно. И сейчас же включи телевизор! Шоу Нейта Солерса. Быстрее, братишка!

— Мы тут с двумя близняшками слишком заняты. — вальяжно тяну я, беря пульт и садясь на подлокотник дивана.

— Райан, немедленно их выгони! Лучше в окно пусть прыгают. Вот вчера я бы разрешила их оставить, но сегодня никак нельзя ...

Переключая каналы, нахожу нужное шоу и замираю.

Шоу Нейта Солерса всегда сопровождается приглашенной звездой и обязательно какими-нибудь пикантными или смешными подробностями из жизни знаменитости. И сейчас у него в студии сидит несравненная Хлоя Райт, забирая мое спокойствие и приклеивая к телевизору.

Она снова в Лос-Анджелесе?

— Я один. — машинально отвечаю сестре, погруженный уже в другую реальность, порабощенный русалочкой сквозь экран.

— Ну вот и славненько. Наслаждайся. А я отключаюсь.

Сестра сбрасывает звонок, а я расплываюсь в глупой улыбке.

Русалочка сидит в черном костюме, прекрасно облегающем тело, доказывая, что сексуальность скрыта не только в коротких или распутно-открытых платьях. Если бы рядом с ней сидела полуголая Меган Фокс, мои глаза даже на секунду не дернулись посмотреть в ее сторону, захваченные темной госпожой, олицетворяющей все самое светлое, что есть во мне.

Волосы, уложенные в очаровательные локоны, плавно лежат на левом плече девушки и я, блядь, завидую людям в этой жалкой студии, имеющим возможность вдыхать ее миндальный запах.

— Мы все в предвкушении твоего нового фильма. — произносит Солерс, поддаваясь вперед и нагло демонстрируя свой сальный взгляд.

— Как и я сама, — чарующе улыбается Хлоя.

— Я знаю, что у тебя есть парочка шокирующих для нас новостей.

— Не вижу ничего шокирующего. — игриво пожимает плечами гостя, и публика в зале радостно гудит.

— Разве для зрителей не окажется шоком новость, что вы расстались с Антуаном Дюраном?

Расстались?

Но когда?

Как?

Для одного зрителя это не просто шок, это остановка, мать его, дыхания.

— Не понимаю, о чем ты, — она берет темную кружку с логотипом передачи и делает глоток. — Разве мы с моим другом хоть раз подтверждали, что встречаемся?

В зале проносится очередной гул.

— То есть ты хочешь сказать... — Солерс вспыхивает любопытством, и как паук начинает плести свою хитроумную паутину.

— Я ничего не пытаюсь сказать. — смеется актриса. — Я никого не бросала. Честно. Может, Антуан меня бросил? Тогда спросите его. — она так невинно и, смеясь, все это произносит, что зал хохочет вместе с ней.

— Он тебя бросил? — не унимается ведущий. — Но разве такое возможно?

— Не знаю, но я передам ему привет, можно?

— Ты хочешь передать ему привет, несмотря на то, что вы расстались? — ошарашенно спрашивает Солерс.

— Конечно. Он мой друг. Разве друзья расстаются? Совершенно не понимаю тебя Нейт. — и помахав в камеру, она очаровательно улыбается и шлет воздушный поцелуй, произнося что-то вроде — Gros bisous mon ami!

— Ты потрясающая. — лыбиться Солэрс, не замечая, как паутина поглощает его самого.

— Спасибо, приятно слышать.

— А что насчет твоего второго партнера по съемке, Райана Лива?

— О, — она берет конфетку из коробочки, лежащей на столе и как ни в чем не бывало произносит. — Мы с ним встречались.

Не могу понять, шум грохочет у меня в ушах или это реакция людей в зале? Но способность двигаться конкретно покидает.

— Встречались? — кажется Солэрс подсчитывает, на сколько процентов подскочат рейтинги его программы за один вечер. — На съемках?

— Ой нет, это было давно. — отмахивается она, искусно смешивая невинность с игривостью. Открывая новые слои своего блестящего таланта. — Больше двух лет назад. Он брат моей лучшей подруги.

— Боже... — кажется, ведущего не готовили к таким поворотам.

Как и меня.

— И не говори. — Хлоя берет очередную шоколадку. — Мир порой оказывается так тесен.

— погоди, а разве не два года назад вышла та статья про Райна, где его... Ну ты знаешь...

Ну да, конечно. Где меня сравнивали с говном, давай договаривай. Забыть такое воротила вроде Солерса не мог.

— Где про него писали очень плохие вещи? — ее брови сдвигаются в недовольном жесте.

— Да, именно. А не ты ли...

— Вот и ты туда же! — негодует русалочка, но делает это гладко и деликатно. Без показной агрессии. Забирает доверие людей и убеждает меня снова в своем таланте. — Это ужасно. Представляешь, я узнала, что те, кто написали статью, сказали, что информация у них от некоей Хлои Райт. А Хлоя Райт — это же я! Это так мерзко...

— Мерзко то, что он делал с тобой? — спрашивает ведущий и невинно-игривый тон Хлои меняется, отсекая Нейта сразу, пригвоздив его к месту и вытирая малейшие капли грязных намеков на мой счет.

— Райан чудесный человек. И подарил мне в свое время незабываемые и нежные отношения, о которых можно только мечтать. А мерзко то, как кто-то, ради непонятной выгоды, вылил на человека несуществующую грязь, опорочив и унизив его доброе имя. Но обиднее другое. Мне, как актрисе, грустно осознавать, что твои поклонники могут разом отвернуться, поверив наспех сфабрикованным слухам.

— То есть ты утверждаешь, что вся эта статья ложь? — даже монитор не скрывает доллары в глазах довольного эфиром ведущего. — Но как ты можешь это доказать?

— А я обязана что-то доказывать? Зачем? Мы же не в суде. — смеется она и чуть более серьезно добавляет. — В статье ссылаются на то, что информацию предоставила его тайная девушка. А ею в тот период была я. Так что да, это определенно ложь.

В зале творится что-то невообразимое, у меня внутри грохочет оркестр, а телефон начинает снова звонко пиликать.

— Мальчик мой, ты это видел? — вопит Хелен. — Мы теперь на коне! Нет, не на простом коне, да, мать его, под нами целый троянский конь! Я обожаю эту девочку! Обожаю! — в дверь звонят, и я иду открывать, все еще не осознавая реальности. — Тебе надо

найти ее и затрахать до полусмерти!

Человек, который стоит на пороге, множит хаос во мне ударяющим в нос сладким запахом. Светлые прямые волосы до плеч и темные очки не вводят в заблуждение.

— Все потом. — кидаю Хелен и сбрасываю звонок.

— Привет.

Она все еще в том черном смокинге, вызывающем во мне желание немедленно его снять. Телефон, поднесенный к уху, свидетельствует о том, что она с кем-то говорит.

— Я перезвоню. — тихо шепчет девушка, но вместо того, чтобы отключить, случайно нажимает на кнопку громкой связи, и пространство заполняет голос моей сестры:

— Очень удобно! Он там наверняка в одном полотенце, так что раздеваться придется только тебе.

Щеки русалочки вспыхивают огнем смущения. Она несколько раз нервно тыкает в телефон пальцем. Наконец, добивается желаемого, и экран гаснет. Мы поднимаем друг на друга глаза. Взяв ее за руку, тяну к себе. Захлопываю дверь и нежно прохожусь по ее губам своими, забирая ее дыхание и забывая обо всем на белом свете.

— Разреши мне вначале принять душ, — просит она, снимая парик и пытаясь прервать наш поцелуй.

— Нет. — закрываю ее рот жадным вторжением моего языка, пока руки расстёгивают пуговицы на пиджаке.

— Умоляю. Иначе мне будет некомфортно. Я с утра хожу в этом костюме.

— Слишком долго ждать. — кажется мой член научился транслировать свою речь через мой рот.

— Я быстро. Обещаю — Хлоя улыбается и, сбросив каблуки, движется по направлению к ванной комнате. — У тебя есть запасное полотенце?

— Да. — послушно следую за ней, боясь, что это галлюцинация, способная в любую секунду исчезнуть. — Белое, в шкафчике. А давай вместе примем душ? — член очень хитер.

— Я быстро. — а она к нему безжалостна.

Зайдя в ванну, Хлоя закрывает за собой дверь, и я, словно кот, приземляюсь на пол около двери, потому что хочу контролировать звуки воды и быть уверенным, что она точно ко мне вернется.

Хлоя

Смыв с себя остатки бешеного дня, я удовлетворенно и одновременно нервно смотрюсь в запотевшее зеркало. Нейт Солерс, как и прочили Антуан с Лизи, не был ангелом понимания. Он скорее пытался раскрыть побольше шокирующих подробностей, желая уличить меня в новых сенсациях. Но, кажется, я справилась.

И вот минут семь стою и думаю, одевать ли белье или выйти к нему в одном полотенце? На вопросы матерого ведущего ответы приходили сами, без раздумий, а выбор между бельем и полотенцем заставляет кусать губы.

Тело предательски дрожит от мысли, что за дверью меня ждет Он, а разум прекрасно осознает наши дальнейшие действия. И как бы смешно это не звучало, но плоть поет арию о диком желании, а сердце превратилось во взволнованного кролика-подростка.

Остановившись на полотенце, запихиваю белье, заботливо приготовленное для меня подругой, обратно в сумку, которую предусмотрительно взяла с собой ванную. Делаю глубокий вдох. Выдох. Затем еще один, и открываю дверь.

Выйдя, на миг замираю, так как не вижу Райана и немного теряюсь. Но тут к моей ноге дотрагивается рука и я, вздрогнув, поворачиваю голову вправо. Полубог с оголенным торсом сидит на полу и смотрит на меня снизу-вверх темными омутами глаз, в которых отчетливо играет пламя, пока его рука нежно гладит мою ногу, поднимаясь к коленке.

Мурашки сразу распространяются по телу. Не успеваю моргнуть, как он быстрым движением встает с места и поднимает меня на руки, опалая своими прикосновениями голое тело, заставляя арию в голове гроыхать сильнее, окончательно сводя с ума сердцебиение и сбивая дыхание.

Не прерывая зрительного контакта, Райан несет меня в спальню. Уверенно и властно, давая ощутить мою слабость в его руках. От одного его взгляда в теле начинают раскачиваться волны возбуждения.

Он садится на кровать, прижимая меня к своему телу.

— Скажи, что ты настоящая. — глухо произносит его дыхание рядом с моим ухом. Требовательно, но вместе с тем в нем чувствуется слишком много плавящей меня уязвимости.

— Настоящая. — отвечаю я. — Могу доказать.

И тянусь к его губам, сливаясь с ним в сладком поцелуе, ощущая напряжение его мышц.

— Мне нужно много доказательств, Хлоя. — шепчет он.

Скользит языком по шее и снимает с меня полотенце, которое летит на пол, оставляя меня обнаженной в его сильных руках. Тело еще больше наэлектризовывается предвкушением. Грудь наполняется тяжестью, а пространство между ног становится влажным.

Мужские пальцы неспешно скользят по коже. Начинают свое путешествие с шеи и спускаются ниже, останавливаясь чуть дольше на груди, ласково обводя ореолы, дальше следуют к животу и ниже...ниже...

— Какая ты мокрая... — хрипит он, впиваясь в меня новым жадным поцелуем.

Тянусь к нему сильнее, потому что прикосновения пальцев плавят и так сбежавший контроль. Все, чего я хочу — ощутить его внутри себя.

Но Райан аккуратно укладывает меня на холодные простыни и опускает рот на мои твердые соски, мучая медленными прикосновениями. Лижет, целует, покусывает, заставляет заполнять комнату безудержными стонами.

Борода щекочет нежную кожу, а он спускается ниже, ласкает живот и двигается туда. Аккуратно раздвигает ноги, ласково целует бедра, будоражит и, наконец, когда мягкий язык объявляет права на чувствительный клитор, меня пронзает сладостным током, и я в полу-стоне, выкрикиваю его имя.

— Мне нужны доказательства, Хлоя. — говорит мужчина и продолжает пытку, заставляя забыть все на свете.

Отдаюсь во власть безумным и диким ощущениям под движениями его настойчивого языка. Он заставляет двигаться бедрами навстречу его касаниям, усиливая тяжесть в теле, готовую вот-вот взорвать меня.

— Еще, пожалуйста... — молю, осознавая, что приближаюсь к концу и следом тут же взрываюсь и падаю на простыни, не способная осознать реальность.

Райан оказывается рядом и накрывает меня своим телом. Ласково целует в губы.

— Мне нужны еще доказательства. — шепчет он, и я чувствую твердость между ног. — Хлоя, я сойду с ума, если не войду в тебя сейчас.

От его слов меня охватывает новая волна желания, провоцируя просящий бесстыдный стон.

— Ты хочешь меня? — устремив на меня два темных океана, спрашивает самый красивый мужчина на свете. Требовательно и беззащитно. — Скажи мне.

Райан

Я почти уверен, что свихнусь, если не войду в нее. Но мне надо знать. До одури необходимо услышать ее слова. Быть уверенным в желании Хлои ощутить внутри именно меня. Меня, а не кого-то другого.

Знать, что она сейчас всеми мыслями и всем своим роскошным телом только со мной. Только Моя русалочка.

— Да, — ласкает уши ответ и в подтверждение ко мне тянутся две ручки, цепляются за плечи и стараются притянуть ближе к той, по ком я схожу с ума.

И я не способен сопротивляться. Накрываю чувственные губы своими, ощущая трепет девичьего тела. Член касается заветного входа. Вбираю в себя ее потрясающие стоны и ликую при нетерпеливых движениях русалочки бедрами, сопровождающихся умоляющим голосом:

— Пожалуйста, Райан, войди в меня.

Член шлет меня и мою выдержку на хер и входит глубоко в нее одним резким толчком, веля рту закрыть поцелуем ее очередной дурманящий стон.

Взяв ее руки в свои, прижимаю их к подушке над головой и начинаю двигаться. Сначала плавно и неспешна, но с каждым разом усиливаю темп и слишком быстро приближаюсь к концу.

Надо контролировать себя, но член глух к просьбам и не согласен ни на какие уговоры. В своих долгих дрочер-фантазиях он позволял себе очень многое, но сейчас все кажется жалким шаржем, не достойным внимания.

— Хочу трахать тебя вечно, Хлоя. — задыхаясь, шепчу ей в ухо, потому что, если бы мог, то не останавливался бы в ней никогда.

Наши мокрые тела идеально скользят друг по другу, наполняя комнату музыкой похотливых стонов, сопровождающих каждый новый толчок моего члена в ее глубину. Идеальную, влажную, тугую. Сомкнув ноги у меня на талии, она полностью раскрывается мне, и я растворяюсь в чистом удовольствии, забыв про что-либо на свете, кроме нее.

Сейчас существует только Хлоя. Совершенная и обнаженная Хлоя подо мной. И ее нарастающие крики, свидетельствующие о приближении к финалу.

— Давай, русалочка, кончи. — отчаянно молю, находясь на грани. — Сделай это для меня.

И она шадит меня. Извивается подо мной и громко выкрикивает:

— Райан.

Не способный более сдерживаться, я сдаюсь, отдавшись ударной волне, наконец, осчастливив чокнутого профессора, непрестанно повторяющего «моя-я-я-я-я».

*

Мы лежим, обнявшись, соприкасаясь обнаженными телами, и ее пальцы нежно гладят мою бороду.

— Тебе нужны еще доказательства? — улыбается Хлоя.

— Мне будет нужно очень много доказательств, — отвечаю, целуя ее в висок, — Но пока что ты можешь немного отдохнуть.

— Ты очень великодушен. — хихикает русалочка, когда я прикасаюсь к ее шее. — А еще

твоя борода щекочет меня.

— Хочешь я ее сбрею?

— Хммм... — тянет она, и в ее глазах загорается лукавый огонек. — Пока нет.

Мы сливаемся в долгом поцелуе, который дает мне сил произнести то, что я должен был сказать уже очень давно.

— Прости меня.

Это всего лишь слова. И от воспоминания, которым они окрашены, ненависть за свою глупость вновь затмевает глаза, но русалочка более великодушна ко мне, чем я:

— Я давно тебя простила, Райан. — прижавшись ко мне сильнее, продолжает Хлоя. — Давай обещаем друг другу, что никому не позволим встать между нами. И если что-то будет тревожить тебя или меня, мы будем обсуждать это вместе. Ничего не скрывая. Без поспешных выводов и собственных внутренних анализов, пожалуйста. Между нами возвели гору непонимания, когда публичным человеком был только ты, и, если сейчас ты захочешь быть со мной, то попыток нас сломать, от тех же самых репортеров, будет слишком много. И мы не справимся без настоящего доверия.

— Я тебе обещаю, что больше никому не позволю возвести между нами даже шаткий забор. Я поступил, как безголовый мудак, и это послужило хорошим уроком, практически лишив меня самого главного в жизни. И я не хочу быть с тобой только сейчас, Хлоя. Я слишком сильно люблю тебя, чтобы довольствоваться только сегодняшней ночью. Я, как самый настоящий эгоист, хочу быть с тобой всегда, пока в моей груди бьется сердце. Потому что без тебя оно обречено на страдания.

— Райан. — шепчет русалочка, в то время как ее тело начинает дрожать, а уголки глаз наполняются влагой.

Прижавшись к мягким губам, вторгаюсь жадным языком, начиная исследовать карамельное царство, и извращенный член сигнализирует о готовности. Вместе со стоном желанья она слегка отстраняется и невинно задает вопрос:

— А ты меня накормишь? А то твои...ммм... действия по выявлению доказательств забрали у меня силы.

— Я думал получить еще одно доказательство и только потом позволить тебе поесть, — усмехаюсь, находясь во власти главнокомандующего, требовательно вставшего у меня между ног и направляющего к захвату.

— Нет-нет, — умоляюще произносит Хлоя. — Давай вначале поедим, пожалуйста. Я с утра ела один йогурт и яблоко.

— Почему ты сразу мне не сказала?

Спрыгнув с постели, направляюсь в гостиную, где оставил сотовый, и игнорирую возмущенного полковника, не желающего сменить позу. Беру со стола телефон, сажусь на диван и звоню в ресторан итальянской кухни Osteria Mozza. Там отменная еда, он находится рядом и доставка будет максимум в течение получаса. Исследовать холодильник бесполезно, там давно размножается пустота.

— Можно я возьму что-нибудь из твоих вещей? — раздается голос Хлои из спальни.

— Все, что пожелаешь. — отвечаю, прикрыв рукой трубку, пока оператор сверяет заказ и нервирует меня совей медлительностью.

Заканчиваю разговор с этой черепахой в то самое время, когда русалочка появляется в гостиной, облаченная в мою серую футболку, и демонстрирует свои шикарные длинные ноги.

Я же являю собой картинку похотливого извращенца. Сажу на диване с раздвинутыми ногами и мощным стояком, который даже нудный голос оператора не смог сдвинуть с места. Взгляд Хлои падает на довольного собой полководца, и, несмотря на то, что происходило недавно в спальне, ее щеки окрашивает трепетный румянец. Мне вновь невыносимо хочется оказаться в ней. Глубоко. Очень глубоко.

— Доставка еды будет через полчаса. — хищно улыбаюсь я. — Иди ко мне.

— Райан, я... — чертовка играет со мной и приближается чересчур маленькими медленными шагами.

— Ты успеешь мне доказать все, что нужно. Поверь.

Сквозь тонкую ткань футболки отвечают ее набухшие соски, уверяя, что не я один готов к следующему страстному дублю.

Русалочка подходит и садится на меня, намереваясь и дальше дразнить легкими касаниями к своему входу. Но член теряет всякое самообладание.

Повелевает рукам усадить девушку плотнее на себя, вызвав ее глухой стон, когда я вхожу внутрь на всю длину.

Раскачиваясь на мне, Хлоя нежно кусает мое ухо и шепчет:

— Я так сильно люблю тебя, Райан. — заставляя нас с профессором окончательно свихнуться от счастья.

Хлоя

— Нет, — мотаю головой и смотрю на подругу.

Она лежит на животе на своей огромной кровати, подняв ноги вверх и уткнувшись в телефон.

— С каких это пор Элизабет Стил позволяет себе появиться на семейном ужине в легинсах и футболке?

— А с каких пор Хлоя-моня стала ханжой? — показывает язык Лизи, отрываясь от экрана. — Я, конечно, очень рада, что вы с Райаном приехали, но с чего это именно сегодня все обязаны выглядеть красиво и торжественно? Вот папу вы позавчера не заставляли напялить смокинг.

— У мистера Стила и так забот хватает, а в желании сделать все красиво, мы берем пример с тебя.

Не собираясь сдаваться, направляюсь в ее гардеробную на поиски персикового платья от Valentino, в котором Лизи выглядит просто бесподобно. Отыскать его оказывается задачей не из легких, и на пути мне встречаются вполне достойные экземпляры... Но упрямство и стремление все сделать идеально оказываются сильнее. И я с триумфом выхожу из райского уголка брендовой одежды с тем самым платьем. Отдаю его Лизи, и она вдруг вскрикивает, озаренная мыслью:

— О божечки! У вас есть для меня какие-то особые новости? Дай мне подсказку, и я надену все, что ты захочешь!

— У нас о-очень интересные новости. — сразу подыгрываю я. — Пойду вниз, а ты начинай одеваться!

— Буду выглядеть ослепительно! — лучезарно улыбается. — Сегодня, наконец, кульминация моего давнего плана по соединению двух любимых пупсиков!

— Ага. — согласно киваю, так как доля правды в ее словах все же присутствует, и выхожу из комнаты.

Но, скорее всего, мы с ней подразумеваем совершенно разных «пупсиков».

Напевая себе под нос мелодию, спускаюсь по величественной лестнице дома Стилов, вспоминая, как однажды здесь у меня проходили самые волнительные в моей жизни уроки по походке. Сейчас ни спуск ни подъем на каблуках не вызывают во мне никаких переживаний.

Очутившись внизу, сразу оказываюсь в объятиях своего партнера по коварному плану, который разворачивает меня к себе и заговорщически шепчет в ухо:

— Ты ее уговорила? Думаешь, она догадывается о том, что мы задумали?

— Она вообще не то подумала. — также тихо отвечаю я и, сдерживая смех, добавляю. — Считает, у нас для нее есть какие-то особенные новости.

— А-а-а. — отвечает он, целуя меня в висок, и отводит взгляд.

Мы с ним вместе три месяца, из которых два с половиной живем у него. И я его понимаю, нам еще рано делать какие-то более значимые шаги. Тем более, зачем спешить, если у нас и так все прекрасно.

В Саннивейл мы приехали неделю назад, почти сразу, как у Райана закончились съемки в очередном сезоне Калифорнийской Мечты. И самое прекрасное, что мне удалось

наблюдать — это его встречу и общение с отцом. Два человека, обожающих друг друга и потерявших столько лет, наконец, обрели друг друга.

Мистеру Стилу пришлось вчера уехать по делам, но он должен вернуться через пять дней, которые мы клятвенно обещали Лизи провести вместе с ней.

До этого я оставалась у бабушки, несмотря на ее уверения, что я могу пожить у Лизи или же предложение, чтобы Райан переехал к нам. Но по лицу ба было видно — она счастлива, что вначале я провожу время именно с ней.

Мои уговоры насчет ее переезда в Лос-Анджелес пока не увенчались успехом, но я буду пытаться вновь и вновь. Идею по поводу покупки нового дома она тоже не одобрила, выразив категоричный отказ. Поэтому ей пришлось смириться и принять тотальный ремонт старого. В ответ на ее возмущения, отказ звучал уже с моей стороны.

Во время ремонта я переселила ее в пятизвездочный отель, так как уговоры Лизи пожить у нее, ба не приняла, и мой телефон получил нехилую порцию грустных смайликов от подруги, сопровождающихся фразой: «Меня жестоко отвергли».

Отель пришелся ба по вкусу. Она каждый день присылала мне фотографии завтрака, обеда и ужина, рассказывая на какие спа-процедуры ходила.

После ремонта в наш старый дом словно вдохнули новую жизнь и, несмотря на уверения ба о пустой трате денег, я видела, как ей нравятся произошедшие изменения, и это не могло не радовать.

— А почему приборов четыре? — спрашивает восхитительная Лизи, появившись в гостиной.

Мы, определенно не обдумавшие все возможные детали нашего шикарного тайного плана, беззащитно переглядываемся с Райаном.

— Будет кто-то еще, кроме нас?

— Да. — он галантно отодвигает для сестры стул. — Мой старый друг.

В эту минуту раздается звонок в дверь.

— А вот и он. Пойду открою.

— Что за друг? — шепчет подруга. И пока я пытаюсь придумать ответ, сама же предполагает. — Майк Нордс что ли приехал в Саннивейл?

Но тут мы слышим:

— Привет, Джордж, проходи. — и Лизи в упор смотрит на меня, понимая насколько ее версия не точна.

— Ой, это Джордж Шептон. — невинно отвечаю я, отыгрывая все прекрасно, но ее не проведешь...

— Да неужели? — буравит меня взглядом наследница Тру Голд. — А раньше ты сказать не могла?!

Лизи, способная охмурить, охомутать и навеки привязать к себе любого, оказалась неспособна на это, когда дело касалось Шептона. Того, кто действительно был ей не безразличен. Поэтому узнав два года назад о его чувстве к ней, она обрадовалась и, собственно, на этом и успокоилась.

А вот мы с Райаном не смогли и решили всеми силами помочь нашему купидону и футболисту. Какой-то сверх-витееватой схемы, способной зародиться в голове Лизи, мы не придумали, но посчитали себя вполне смышленными, решив устроить для них романтический ужин. И подключили к нашей шпионской группе Клода, который специально для вечера приготовил деликатесы и блюда, от одного запаха которых усиливалось слюноотделение.

Конечно, мы заранее узнали, что Джордж, как и Лизи, ни с кем на данный момент не встречается.

Именно ради них на первом этаже гостиной горят свечи, а в нескольких вазах стоят белые и красные розы.

Одного взгляда, которым обмениваются эти двое, достаточно для понимания, как им необходимо быть вместе. И как я только раньше этого не замечала?

Мы все усаживаемся за стол и начинаем ужинать. Райан щедро разливает этим двоим вино, а через полчаса мы неожиданно вспоминаем о неотложном деле. Оно заставляет нас немедленно сорваться с места и буквально заставляет умчаться в ночь, не раз извинившись перед оставшимися наедине влюбленными.

Когда мы довольные собой едем в машине, мой телефон вибрирует и на экране появляется сообщение, от которого я звучно прыскаю.

— От Элизабет? — уверенно произносит Райан.

— Да. — смеюсь я в ответ. — Пишет, что хуже актеров она не видела, и вряд ли с такими данными хоть один из нас когда-нибудь сможет получить Оскар.

— Маленькая засранка. — ухмыляется Райан, затем подносит мою руку к губам и нежно целует.

Райан

Элизабет оказывается плохим оракулом — к моему счастью. Потому что через пару месяцев, на очередной церемонии вручения кинонаграды маленький семилетний мальчик получит свою долгожданную первую статуэтку за роль второго плана в фильме Джона Галахера «Будь навсегда моей».

Эта роль сумеет покорить не только кинокритиков, но и миллионы зрителей, перевесив любовь к главному герою и, вызывая бесконечные интернет-споры о необходимости переписать сценарий и оставить Елену с Заком:

«Как можно было выбрать Нила, когда рядом такой горячий и страстный Зак?»

«Елена ты там слепая, что ли?»

«Да между Заком и Еленой в сто раз больше химии, чем с этим мимимишным Нилом»

«Ой, пусть живут втроем, а?»

«Бородатый Лив — это что-то. Хочу, чтобы он своей бородой прошелся по моему телу, ммм...»

«Правильно Хлоя Райт ушла к Райану Ливу. По ним сразу было видно, что там молнии так и искрят. Но Антуан, я всегда готова помочь залечить твои раны!»

«Божечки, они оба такие красивые»

«Мечтаю, чтобы мой муж смотрел на меня также, как Зак смотрит на Елену...»

А через месяц я познакомлю русалочку с семьей Гарсиа, и мои три товарища вместе с Аделитой пару долгих минут станут немыми, удивляя мать, бабушку и меня. Но зато потом их рты не сможет остановить ничто, даже швейная машинка. И они наперебой будут атаковать Хлою разговорами и просьбами о совместных фотографиях.

На мой справедливый вопрос, почему ни на одном фото не задействован я, получаю, заслуженное:

— Ты не любишь светиться. У тебя слава скрывающейся звезды.

— К тому же мама еще тогда свое проклятие приплела.

— Точно! А с маминым проклятием не шутят, знаешь ли!

— Мне отозвать проклятие, Райан? — появляется в дверях улыбающаяся Беатрис.

Блеск в глазах ребят способен освещать темную ночь, поэтому я уверенно отвечаю:

— Нет, лучше не будем отзываться.

Эта женщина и ее семья сделали для меня очень и очень многое и практически всеми пережитыми моментами я делился с Хлоей. Вечерами в нашей спальне, пока она нежно гладила мои волосы.

И когда я заикнулся о доме, о котором мечтает Беатрис, русалочка счастливо закивала головой. А чтобы не возникло никаких безапелляционных отказов, как с ее бабушкой, мы решили сделать им сюрприз. Который, в принципе, удался...

Ну, как удался. Мы привезли семейство Гарсиа к новому дому, выгрузили их из машин, и, как актеры с многолетним опытом в рекламе, сообщили, что дом теперь принадлежит им. Та-дам!

Наступила гнетущая тишина.

Вместо радостных хлопков и восклицаний, которые мы ожидали, Беатрис Гарсиа хмурила брови. Взгляд темных глаз был далек от блаженного счастья, а ее дети смотрели на

свою мать, ожидая приговор, под который надо умело вписаться. Единственный человек с независимым мнением, Джимена Гарсиа, спокойно стояла рядом и усмехалась. Мы с Хлоей нервно переглядывались.

— Если даже ты откажешься, — хмыкнула бабушка. — Я одна в него перееду.

— Бабушка, можно я с тобой? — загорелась Аделита.

— Можно, но за готовку отвечать будешь ты. — вставила условие женщине.

— Идет!

— А нам можно тоже с тобой, ба? — тихо уточнили внуки.

И, когда женщина со знанием дела поделила между ними обязанности по дому, Беатрис широко улыбнулась.

— С таким разделением домашних дел, грех отказаться от такого подарка! — сказала она и заключила нас с Хлоей в крепкие объятия, а затем к нам потянулись и остальные.

Но это все произойдет потом, а сейчас я везу русалочку в дом Майка, где все должно быть идеально приготовлено специальной бригадой, которую я нанял. И волнуюсь я намного сильнее, чем буду в день церемонии вручения наград, потому что главная награда в моей жизни — это она, Хлоя.

Райан

— О — о! — ехидно кричит Майк, развалившись на кухонном диване, пока я стою около кофемашины, раздумывая, чего бы себе сделать.

— Пишут, что она бросит тебя ради Роберто Виейры!

Ищу глазами колюще-режущие предметы, но жалко портить диван. Поэтому беру маленькое яблочко, мирно лежащее в вазе и, не жалея силы, кидаю его в лучшего друга.

Тот, смеясь, уворачивается от снаряда и, не обращая внимания на звуки грохочущей кофемашины, которую я со злостью активизирую, продолжает меня донимать.

— Ведь Виейра молод и талантлив, и все заметили с каким обожанием он смотрит на своего режиссера, которым является блистательная Хлоя Райт.

— Ты заткнешься, наконец? — спрашиваю я, опираясь о столешницу и успев несколько раз пожалеть, что мы пригласили этого пройдоху остаться погостить в нашем доме.

Он вживается в свои роли в кино хуже, чем в чтение новых о нас сплетен, в которых мы то расходимся, то сходимся, то безбожно изменяем друг другу с кем попало.

Моя жена оказалась не по годам мудрой женщиной, и именно благодаря ей я пока ни разу по-настоящему не бесился из-за глупых статей. Однако Майк, кажется, решил прорубить спокойствие ироничными нотками своего голоса. Правда, я готов простить ему все на свете, едва она заливается звонким смехом во время его шуточного чтения.

— С кем на этот раз? — раздаётся бархатный женский голос.

— С Виейрой! — кричит он в ответ. — Ну такое себе. По мне так он слишком смазливый малый. Есть намного более интересные кандидаты. — многозначительно выдает громила, когда моя жена входит на кухню, одетая в темное короткое платье.

— Тебе что-нибудь сделать? — улыбаюсь я.

— Хочу сладкий-сладкий капучино! — сложив руки в просящей позе, произносит русалочка. — Очень сладкий.

— Сейчас все будет. — говорю я.

Но стоит только вновь отвернуться к машине, как вредитель произносит:

— И, кстати, эти достойные кандидаты близко, и они готовы на многое ради прекрасной Хлои Райт.

— Вот гад, а, — усмехаюсь я. — Еще друг называется!

— Лучший и единственный! — гордо объявляет Майк. — Ой, можно я чуть-чуть потрогаю? Пожалуйста-пожалуйста? Может, сегодня что-то будет.

— Хватит искать предлоги, чтобы полапать мою жену! — наигранно сурово говорю я и достаю из шкафа сахар.

Судя по тому, что Майк резко заткнулся, она снова позволила ему...

— Ой ой ой! — неожиданно вопит он. — Она толкается!

— Что? — забыв про сахар, кофе и все остальное, я кидаюсь к ним. — Какого хрена ты первый почувствовал? Руки убери!

Друг виновато тушуетсЯ и, замерев, наблюдает, как я, стоя на коленях, прикладываю руку вместе с ухом к округлившемуся животу жены.

— Ну же, милая, поздоровайся с папой. — тихо прошу я.

— Это мальчик. — так же тихо отвечает Хлоя.

Мы не захотели узнавать пол ребенка до его появления на свет, и теперь являемся сторонниками двух противоборствующих, но одинаково сильно любящих малыша лагерей.

— Девочка. — в этом вопросе двухметровый Майк в первый же день принял мою сторону, смущенно пожав плечами под огненным взглядом хрупкой русалочки.

— Она не толкается, потому что ей приятно, когда я рядом. А тебя толкнула, чтобы не лапал чужих мам и жен.

— Самоутешаешься? Спорим, что я ей нравлюсь? — самодовольно отвечает громила. — И я буду самым любимым дядей, увидишь! Смотри. — его ручища ложится на круглый женский живот, и я тут же ощущаю толчок.

— Видал? — он убирает руку и все прекращается.

— А ну верни свою граблю обратно на живот Хлои, чтобы моя дочь могла ее оттолкнуть! — огрызаюсь я и начинаю нетерпеливо ждать.

*

Семейный ужин в честь второй годовщины нашей свадьбы превращается в какой-то веселый балаган, где все обязательно хотят случайно или не очень дотронуться до живота Хлои.

Мои собственнические наклонности и чокнутый профессор велят прогнать всех на хрен, но жена так счастливо улыбается, что я великодушно прощаю этим наглым гостям их вольности.

А в списке наглецов числятся: мой отец с сестрой и ее женихом Шептоном (наш с русалочкой план прекрасно сработал!), бабушка Хлои, упрямо не пожелавшая переехать к нам; семья Гарсиа, ставшая теперь уже не только для меня одной родной; громила Майк, беспардонно лапающий мою жену с дебильным умилением на лице; Хелен, в день знакомства с которой, русалочка воскликнула: «Вы же фея!»; Сэм Тойлон, утверждающий, что в прошлый свой визит он забыл у нас коллекционную книгу — ага, как же...; и моя мать, с которой, благодаря жене и сестре, у меня выстроились, насколько это возможно, ровные отношения.

И мне известно, что он тоже звонил ей и поздравлял нас, но я слишком многим ему обязан, чтобы позволить себе показать всколыхнувшуюся ревновать.

*

— Милый, — зовет Хлоя, когда я выхожу из ванной комнаты. — Подойди, пожалуйста.

Она ласковым жестом приглашает лечь рядом, и я тут же повинуюсь. Укладываюсь около русалочки, чья тоненькая серая ночная рубашка подчеркивает все прелестные округлости. Она берет мою руку и кладет себе на живот.

— Это наш папа, милый. — нежно произносит русалочка. — И он будет очень рад почувствовать твой толчок.

Через какое-то время ладонь ощущает вибрацию, и улыбка сама появляется на моих губах.

— Мы же очень любим нашего папу, правда мой хороший? — шепчет Хлоя.

— Папа тоже вас очень сильно любит. — отвечаю я, целуя живот жены, а затем приподнимаюсь к ее уху и уверенно шепчу. — Только это девочка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net